

Роберт Шекли

Детектив Дракониан I

Детективное агентство "Альтернатива"

Гейл с любовью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Фрэнки Фолкон

<http://book.zehinli.info>

Раздался стук в дверь. Меня он не взволновал. Кто-то по ошибке принял мой офис за черный ход в кабинет зубного врача, расположенный в этом же холле.

- Войдите, - крикнул я.

Появился коренастый крепкий парень в гавайской рубашке, твидовой спортивной куртке и в "левисах" с широким кожаным ремнем. На медной пряжке размером с десертную тарелку значилось: "Пожарная команда Ремингтона". У него были темные волосы, карие глаза и сильно загорелая кожа.

- Это детективное агентство "Альтернатива"? - спросил он, будто не совсем доверяя потрескавшимся золотым буквам на двери.

Признаю, что обстановка и вправду могла вызвать сомнение. Посредственная маленькая контора в ряду других посредственных контор, занимавших изрядно обшарпанное двухэтажное здание. Книжный шкаф с энциклопедией "Британника" за 1976 год. Пятый том, Кастер - Коул, отсутствует. Дубовый стол, испещренный шрамами Позади него окно с видом на разворошенные витрины Стейт-стрит. Никакого ковра Только вековые серые пятна на когда-то лакированном полу Такие полы бывали в домах, наверно, лет сто назад, когда Снаффс-Лендинг еще считался процветающим портом на реке Гудзон. На стене несколько плохих подражаний голландским мастерам Их повесила Милар во время своего недолгого увлечения

мною и агентством. Тогда она планировала помогать мне и даже сама собиралась стать детективом. Тогда у нас еще были мечты. Потом на сцене появился Шелдон.

- Знаю, не очень похоже, - сказал я парню. - Вам повезло. Вы попали к нам накануне большого расширения, а пока мы еще работаем по старым стандартам.

Это не произвело на него никакого впечатления. И даже не показалось забавным. Он прислонился к спинке кресла с потрескавшейся полировкой и облупившейся имитацией кожи.

- По-моему, офис знаменитого детектива Сэма Спейда выглядел похожим на этот. Но у него была секретарша, - немного спустя заметил он.

- Вы посмотрелись детективов по телевизору, - возразил я. - Так что именно, сэр, я могу для вас сделать?

- Похоже, вы меня не помните, мистер Дракониан, - начал он. - Я Фрэнки Фолкон, ваш племянник

Значит, старший сын моей сестры Риты. Рита живет в Орегоне; естественно, я не слишком часто с ней встречаюсь. Должно быть, прошло лет шесть-семь с тех пор, как я видел Фрэнки. Это первый случай, когда Рита послала ко мне клиента, конечно, если парень клиент.

- Садись, Фрэнки. Как Рита?

- Прекрасно Она прислала вам фотографию. - Он вытащил ее из рюкзака, который висел на плече.

На снимке был большой каркасный дом с длинной тенистой верандой. В одном углу веранды виднелся старый холодильник, в другом - диван-качалка Из-за дома выглядывал обшарпанный грузовик, позади высокие деревья. На веранде справа налево стояли Рита, сам Фрэнки, ростом чуть ниже Риты, и рядом с ним девушка с нежным лицом и пушистыми короткими светлыми волосами. Они обнимали друг друга за талию.

- Это кто? - спросил я.

- Это Триш Джонсон, - ответил Фрэнки. - Мы поженились в прошлом году.

- А эти парни?

Два темноволосых усатых молодых человека - один высокий, худой, с серьезным взглядом, другой маленький, грудь колесом, на щеке шрам, наверно, оставленный ножом, - оказались Антонио и Карлосом Ордоньез, мексиканскими мастерами, которые работали у Фрэнки во время сезона виндсерфинга. За домом виднелись лес и горы. Позади на веранде на фоне обитой вагонкой стены выделялись два конических предмета, раскрашенных в яркие цвета, будто психоделические саркофаги.

- А это что? - спросил я

- Две моих доски для виндсерфинга, - ответил Фрэнки. - То, чем я занимаюсь.

- Плаваешь на виндсерфере?

- Да. А еще я их проектирую и строю "Фолкон Дубль Икс, серфборд для соревнований" - так они называются.

Этот толстощекий деревенский парень был дизайнером, строителем и предпринимателем. Я посмотрел на него с проснувшимся уважением

- И в чем проблема? - спросил я, положив фотографию в ящик стола.

Фрэнки сел и стал рассказывать.

Окончив среднюю школу, он занимался самыми разными делами Заливал бензин в баки и приводил в порядок машины на бензозаправке местной компании. Водил грузовики фирмы Уэйрхаузера, пока она не прекратила операции на реке Гуд. Потом работал у Вергилия Сиббса, который делал лодки из фибергласа для рыболовов. В один прекрасный день Вергилий обанкротился, упаковал вещи и смылся. Впрочем, люди подозревали, что с его бизнесом было не все гладко.

Фрэнки занялся работой по дереву и стеклопластику, потому что унаследовал от Сиббса кое-какое оборудование. Когда виндсерфинг начал приобретать популярность, он оказался на старте первым. Фрэнки любил это дело и хорошо разбирался в нем. Он начал строить доски с парусом. Триш помогала ему, изучая конструкцию виндсерфера и дизайн парусов. Выяснилось, что у Фрэнки есть интуиция, как эти маленькие корабли будут вести себя в различных морских условиях и при разном ветре. К полиуретану он относился как скульптор к камню. Очень скоро "Фолкон XX" стала известна как высококлассная доска. Никто не догадывался, что "XX" появилось в честь "Дос Экис", любимого пива Фрэнки.

Виндсерфинг в городе Колумбия Гордж, штат Орегон, стал самым модным занятием. Открывались школы плавания на доске под парусом. Пляжи заполнили спортсмены и любители. Сначала только по субботам и воскресеньям, а потом и все дни недели долгого лета. Виндсерфинг входил в жизнь, а Колумбия Гордж был лучшим в мире местом для этого дела. По правде говоря, здесь не удавалось добиться такого безукоризненного скольжения, как в Мои. Но почти каждый день в узком устье реки дул постоянный и надежный ветер со скоростью узлов двадцать-тридцать, а то и больше. На слишком стесненной берегами воде почти не возникало серьезных волнений Потрясающее место для того, кто желает научиться справляться со скоростью и маневрировать на доске под парусом.

В строительстве виндсерферов началась жестокая конкуренция. Фрэнки считал, что совершил прорыв, когда испанская компания "Индустриас Марисол" заказала ему две доски, а потом еще две. Это приносило неплохие деньги и давало хорошую известность До Колумбии Гордж стали доходить новости, что парни на "Фолкон XX" занимают первые и вторые места в соревнованиях на Женевском озере и в Пальма де Майорка.

И тут "Индустриас Марисол" попросила его сделать пять виндсерферов по специальному заказу, отдельно оговоренному. Они просили сделать доски срочно. И обещали оплатить, как только он выполнит заказ.

- Так я отправил "Индустриас Марисол" на остров Ибица в Испании пять виндсерферов для соревнований. Они получили весь ассортимент: короткую доску, скоростную, для слалома, для высокой волны и переходную. Все полностью оснащенные. Мачты, гики, блоки и тали, паруса, бортовые мешки. Они уже покупали раньше мои "Фолконы", так что я не ждал подвоха. Виндсерферы срочно требовались им для европейских соревнований, поэтому они предложили мне на треть больше, чем платили обычно. Я получил заказ вместе с условиями оплаты и отправил им доски. Агент "Индустриас Марисол" позвонил из Испании и сказал, что чек будет на почте на следующий день. Я получил извещение из корабельной компании, что доски прибыли и прошли таможеню. Прошло две недели. Никакого чека. Я позвонил в "Индустриас Марисол", там никто не ответил. Послал телеграмму. Ничего. Я не знаю, кто получил доски и забрал мои деньги. Цена этой партии больше десяти тысяч долларов.

- Как по-твоему, Фрэнки, что я могу для тебя сделать?

- Вернуть мне деньги. Мама сказала, что у вас там есть связи.

Я немного подумал. Теоретически случай Фрэнки и простой и сложный. Учитывая, что бумаги в порядке, он может обратиться с иском в испанский суд и потребовать свои деньги. Испанская юстиция бывает медлительной, но работает вполне прилично.

Хотя, может, и не стоит заходить так далеко. Может быть, достаточно найти человека, чтобы он поговорил с ребятами из "Марисол", и все станет на свои места. Никому не нравится вмешательство закона. Может, всего лишь нужен человек, который скажет им: "Отдайте парню его доски или вышлите деньги". Ведь люди в большинстве своем честные, просто рассеянные. И мне даже не придется заниматься этим самому. У меня есть Гарри Хэм, который за меня поработает на Ибице.

- Не могу дать никаких обещаний, - сказал я. - Но мы проводим на Ибице одну из наших операций. Я посмотрю, что могу для тебя сделать. Однако прежде чем я приступлю, мне нужен аванс.

- Сколько?

- Пара сотен будет хорошим началом.

- А если одна сотня, и пусть начало будет плохим?

Я согласился. Сто долларов едва ли покроют телефонные и телеграфные расходы. Но, черт возьми, мне нужен этот случай, чтобы поручить его Гарри. Если я оставлю Гарри без работы, то потеряю своего сыщика. И тогда весь мой план рассыплется.

Я записал суть информации, полученной от Фрэнки. Сегодня вечером он отправляется на съезд поклонников виндсерфинга в Филадельфию, а через два дня собирается вернуться в Орегон. Я пообещал поддерживать с ним связь и просил передать привет Рите.

После ухода Фрэнки я долго и мучительно раздумывал. Неужели это долгожданный сигнал? Не пора ли мне бросить Америку с ее странностями и вернуться в МОЮ Европу сладостных воспоминаний? И это должна быть Ибица! Однако все же возврат казался невозможным. Дело Фрэнки не принесет больших денег. Их не хватит даже для полета в Испанию. Хватит тратить время на пустые фантазии. Это дело должно быть передано другому сыщику детективного агентства "Альтернатива".

Я вставил в машинку лист бумаги и напечатал письмо с инструкциями Гарри Хэму, моему человеку на Ибике. Но мысленно я был уверен, что он придет, мой день.

2. МАТЬ

Мама живет во Флориде. Ей нравится, что я частный детектив.

- Ну, кого ты на днях убил? - хихикает она, когда я, как обычно, раз в полгода приезжаю навестить ее в Центр для престарелых "Золотые Берега".

- Привет, Сэдди, познакомься с моим сыном, Хобартом, частным детективом, - представляет она меня своим друзьям.

Сэдди, тощая маленькая особа в бледно-желтом платье, испещренном пятнами, оглядывает меня с головы до ног.

- Привет, мама, ты же знаешь, что я не убиваю людей, - напоминаю я.

- Тогда из кого ты на днях вытряс мозги? - спрашивает она и задыхается от взрывов хохота. Моя мама, как любят здесь говорить, расторможенная, то есть не признает условностей. В чем-то подобном всегда упрекал ее отец. Когда я навещаю его в доме для престарелых "Стоянка южных ветров" в городе Кей-Ларго, тоже во Флориде, он каждый раз с надменным видом спрашивает о ней.

- Твоя мать, эта горлопанка, как она там? - говорит он.

- Подними трубку и узнай, - советую я ему. - Всего несколько сот миль отсюда, по дороге А1А прямо, никуда не сворачивая.

- Зачем ты мне говоришь, где она? Разве я не сам туда ее поместил?

- Ну и почему ты не хочешь позвонить ей?

- Послушай, бойчик, - ворчит он со своим фальшивым еврейским акцентом, - мне пришлось прожить с этой женщиной двадцать семь лет. Первые восемнадцать,

или, наверно, больше, - чтобы вырастить тебя, а остальные - чтобы заботиться о её воспаленных лодыжках. И наконец милостивый Бог благословил меня идеей о доме для престарелых.

На самом деле все было вовсе не так. Это мама наконец решилась оставить его, заявив, что двадцати семи лет ядовитого остроумия и постоянного "я-предвидел-все-неприятности" достаточно, большое спасибо, больше не надо. Особенно после того, как они так и не пришли к согласию, какой дом для престарелых выбрать. Маме нравились "Золотые Берега", потому что там у нее было несколько подруг. К примеру, миссис Салазарри, которая прежде управляла гастрономическим магазином в Эстерионе, штат Нью-Джерси, где мы тоже жили много лет. Миссис Салазарри решила уехать в дом для престарелых после того, как ее мужа, Пепа, случайно убили во время потасовки двух молодежных банд. И к тому же "Золотые Берега" расположены недалеко от Центра престарелых граждан Северного Майами, где вечером по средам бывают лотереи, соревнования по пинг-понгу, викторины и прочие танцы-шманцы.

- Мне позвонить ей? - кричит папа. - Ты, наверно, спятил! Только начни разговаривать с этой женщиной - и снова попадешь на крючок.

Папа говорит рыболовными терминами. Он выбрал Кей-Ларго потому - вы уже догадались, - что хотел ловить рыбу. Серебристую мелкую бонфиш, остроносую макайру и желтохвостку. Отец - высокий худой старик с очень загорелым лицом и широкой ухмылкой. Каждые два дня щеки у него обрастают белой щетиной. Во все времена своей трудовой жизни портного и меховщика он брился каждый день. А теперь считает, что уже достаточно.

Симпатичные родители. Но они не очень-то помогли мне, когда я вернулся в Америку после почти двадцати лет жизни за рубежом. Однако это не их вина. Никто не смог бы помочь.

Очень трудно и обидно быть новичком в собственной стране. И чуть ли не из чувства самозащиты я основал "Корпорацию альтернативных услуг" (КАУ). Я создал ее после провала в Стамбуле, приехав в Америку в 1979 году и не зная, чем же заняться, снова оказавшись в этой стране.

Я один из тех, кто жил в Европе в шестидесятых и семидесятых. Там, помимо прочего, я занимался оптовой торговлей одеждой и всевозможными украшениями. Продавал свой товар в основном хиппи. И тут я решил использовать свои связи с организациями хиппи и отдельными людьми по всей Европе, для того чтобы начать снабжать их инструментами и орудиями для мастеров-ремесленников и фермеров. Своими потребителями я видел коммуны хиппи и группы "Новый век". Так я стал основателем и владельцем "Корпорации альтернативных услуг".

Если вы и вправду мечтали поставить на земле своей коммуны в Сьерра-Неваде безводный туалет, или вам нужна керосиновая лампа Аладдина для хижины на Ибнице, где нет электричества, или сеялка с приспособлениями для культивации экологически чистого огорода в Экс-ан-Провансе, или набор пылевыбывалок для

мебели, обитой домотканым вечным холстом, или даже маленький литейный цех для адептов примитивной жизни из Западного Уэльса, то я был именно тем человеком, к кому вам следует обратиться. Я выполнял все эти и еще множество других запросов, добавляя десять процентов к цене в прейскуранте производителя, вы к тому же оплачивали почтовые расходы. Но ведь я доставал для вас товар. Я звонил и тормозил производителей до тех пор, пока они не отрывали от стула свои задницы, не шли на склад, не находили нужный вам предмет и не грузили его на самолет. Некоторые вещи, вроде закрепителя красок, требовались особенно часто, и я держал небольшой их запас на складе позади станции Флайн А, это следующий за Снаффс-Лендингом город к западу от Нью-Йорка.

Многим из своих заказчиков я также служил чем-то вроде коммуникационной сети. Время от времени я звонил, чтобы найти кого-то, кому могут быть полезны мои услуги, но он не знает об их существовании. Сообщество людей, рассыпанное по всей земле, не обращается сразу в полицию. Не ходит оно и к частным детективам. А я был одной из аватар <В индуистской мифологии воплощение божества в смертное существо> новой породы.

Так я и жил, управляя своей сетью из Снаффс-Лендинга, штат Нью-Джерси. Неплохая жизнь, скажу вам. Но вы подумали, откуда доходы, которые поддерживали мое существование? Дело в том, что я оказался в Снаффс-Лендинге потому, что мне в наследство от дяди Марва достался дом на улице

Вязов. Я переехал туда с моей самой последней женой, Милар. Теперь я жду, пока Милар завершит последние акты медленного, чуть ли не величественного распада нашего брака и куда-нибудь уедет. Может, назад в Луизиану. Заберет свои чемоданы книг с философией Веданты, которых она никогда не читала. Заберет свои клипы, оставшиеся после двух лет жизни в Париже, когда она была фотомodelью. Или когда наконец будет так добра, что переместит свои золотистые кудрявые волосы, нежную улыбку и многодневное угрюмое молчание куда-нибудь в другое место, чтобы я мог продать дом дяди Марва и уехать жить в другой город классом чуть выше.

Однако Милар не собиралась уезжать. Не собиралась даже после того, как Шелдон объявил о своей любви к ней. А я не рискнул покинуть дом из страха, что он будет каким-нибудь образом продан без моего участия. И, кроме того, я еще не надумал, куда ехать. Вернувшись из Европы, я очутился между раем и адом, в состоянии оцепенения. Попав в Америку после почти двадцати лет жизни в Европе, я не понимал и не симпатизировал культуре, ошеломившей меня. Люди говорили о вещах, о которых я никогда не слышал. Я пропустил два десятилетия телевидения. Я чувствовал себя иностранцем, хотя по своей речи мог бы вполне сойти за местного жителя.

Тогда, конечно, я не понимал, в чем заключается основная беда. Если бы меня спросили, я бы, наверно, не сумел объяснить, почему я так ужасно несчастлив. Я был слишком подавлен даже для иронических жалоб на свою депрессию. Я опустил до того, что начал печальную игру, мысленно повторяя обрывки

моральной философии студента-новичка и таким путем пытаюсь свернуть в сторону от пропасти, открывшейся у меня под ногами. И тут я обнаружил, что моя новая жизнь совершенно не имеет смысла.

Я мрачно жевал бодренький афоризм, мол, жизнь прекрасна везде. Я вбивал его себе в голову, шагая под чахлыми деревьями с закопченными птицами по низким, болотистым, вонючим берегам Нью-Джерси. Я закаливал себя, глядя в глаза правде: жизнь не очень хороша, но другой у тебя нет. И все это время, хотя я и не подозревал об этом, приближались перемены.

3. ЖЕНЩИНА ИЗ ДОМА МОРМОНОВ

И прямо на следующий день ко мне в Снаффс-Лендинг, штат Нью-Джерси, пришла особа, известная как Женщина из Дома Мормонов.

Снаффс-Лендинг - один из приходящих в упадок городов на реке Гудзон, выстроившихся в линию вдоль унылого побережья между Хобокеном и Фортм-Ли.

Я сидел, как всегда, в своем пропыленном офисе на Сисэл-стрит и помню, как раз добрался до страницы 666 в книге Мотли <Джон Лотроп Мотли (1814 - 1877) - американский историк (Здесь и далее прим. Перев.)> "Взлет и падение Нидерландской республики" Это книга именно того сорта, какую читаешь, когда у тебя бизнес вроде моего - с длинными провалами между волнующими или вообще любыми делами. И вот тогда-то мой первый клиент в этом году, не считая Фрэнки, тихо постучал и вошел в дверь.

Это было очень кстати, так как шел уже июнь.

Высокая стройная девушка с выгоревшими на солнце светлыми волосами. Губы у нее чуть дрожали, и рот говорил о ранимости. Глаза темно-серые с необычными маленькими огоньками на радужной оболочке. Она пришла в строгом темном костюме, не скрывавшем ее форм - счастливого сочетания пышности и стройности, которым фортуна награждает избранных женщин.

- Вы Хобарт Дракониан? - спросила она.

- Как и говорит вывеска на дверях, - согласился я. - А вы?

- Мужчины называют меня Женщина из Дома Мормонов, - ответила она. - Я приехала из Монкклэра, Нью-Джерси, где растут гранаты. - Она улыбнулась, и локон соблазнительно скользнул ей на один глаз. Это придало ее лицу выражение актрисы Вероники Лейк, против которого, как я обнаружил, очень трудно устоять.

- Необычное имя, - заметил я, оценивая ее прекрасные ноги, когда она села в кресло для клиентов лицом к столу.

- Это не настоящее мое имя, - пояснила она. - Так надо мной шутят. Потому что, когда я нервничаю, я что-то такое делаю. На самом деле я Ракель Старр с двумя "р". И первое, что я должна спросить, значит ли для вас что-нибудь слово "Ведро".

Ведро - необитаемый остров в стороне от побережья Ибицы, один из четырех Балеарских островов, которые лежат на западе Средиземного моря между Францией и Испанией. Ведро - то место, куда мы плавали смотреть закаты. Миллион лет назад. Когда я жил с Кейт на Ибице и мы занимались подобными вещами.

- Что вы знаете о Ведре? - спросил я.

- Я знаю, что одно лето вы и Алекс жили вместе недалеко оттуда в одном доме.

- Алекс? Вы имеете в виду Алекса Синклера? Она кивнула.

Уже много лет назад я потерял след Алекса. Когда-то мы с ним были очень близки.

- В чем проблема? - спросил я

- Алекс сказал, если с ним что-нибудь случится, мне надо найти вас.

- И что случилось?

- Он пропал.

Я кивнул. Следовало ожидать чего-то в этом роде. Поэтому они и приходят ко мне.

- Где его видели последний раз? - продолжал я допрос.

- В Париже.

- Что он там делал? - Я выпрямился в кресле.

- Играл в рок-группе. По-моему, на пятиструнном электробанджо. Он уехал из Амстердама, чтобы присоединиться к своей группе.

- Минутку. - Я сбросил ноги со стола, нашел блокнот и шариковую ручку. - Как называлась его группа?

- "Проклятые монстры".

- Правильно, название в духе Алекса. Продолжайте.

- Я знаю, что он приехал в Париж. Он прислал мне телеграмму из аэропорта де Голля и обещал позвонить из отеля.

- По-видимому, не позвонил.

- Не позвонил. Больше я ничего о нем не слышала. Это было три недели назад.

- Я не хотел бы быть грубым, - сказал я, - но нет ли такой возможности, что он вас бросил?

- Не думаю, - возразила Ракель. - Он дал мне доверенность как своему адвокату снять деньги с его банковских счетов и продать кое-какую собственность. У меня на руках сейчас около восьмидесяти тысяч долларов, принадлежащих Алексу. Это, мой друг, не цыплячья печенка.

- Согласен, вероятно, он не пытался вас бросить, - успокоил я ее. - Есть у вас кто-нибудь, кому можно позвонить и спросить о нем? Общий друг?

- Алекс по-особенному относился к этому, - покачала она головой. - Если что-то случится, говорил он, я ни к кому не должна обращаться, кроме вас.

- Вы пришли, куда надо, - подтвердил я. - К нужному вам человеку, это я имею в виду. Определенно, ваш случай непосредственно относится к моей работе.

Казалось, я не убедил ее. Ракель смотрела на меня, и сомнение завлакивало ее большие серые глаза.

- Какое оружие вы носите? - спросила она.

- Я не ношу оружия. Я убежден, что у американского гражданина есть неотъемлемое право не носить оружия. Кстати, я член американской ассоциации, выступающей против огнестрельного оружия.

- Вы качок, да? - Она оценивающе изучала меня с ног до головы. - Карате или что-то в таком роде?

- Я обхожусь без насильственных действий, - пожал я плечами. - К тому же мой доктор настоятельно советовал избегать ударов по голове.

- Тогда что вы делаете в минуты опасности?

- Я доверяюсь моментальным интуитивным импульсам, которые подсказывают мне, как справиться с ситуацией.

- Вы имеете в виду, что плюете на нее?

- Плюю, - кивнул я. - Этот термин использовал Пол Симон, один из моих самых любимых философов. Да, именно это я и делаю

- Ну и ну, - пробормотала Ракель. - Можете вы назвать хоть одну причину, по какой человек наймет именно вас, а не выберет любое другое имя в справочнике.

Я пожал плечами и одарил ее полуулыбкой.

- Потому что, леди, я могу добить любое дело. - Это слова из "Гэд", одного из моих любимых фильмов. - Но есть еще несколько более веских причин. Безусловно, вы заметили, что я не ношу костюма. Частные детективы, которые носят костюмы, предъявляют счет по меньшей мере на двадцать пять процентов больше, чем детективы в джинсах

- Но вы хотя бы сильный? - Она все еще сомневалась. - Может, знаете какие-нибудь особенные приемы? Или метко бросаете нож?

Надо улыбаться. Она судит обо мне по внешнему виду, как и многие. В духовном плане я высокий, стройный, холодный супермен с длинными волосами, перетянутыми лентой, как у плотников. Но вы, наверно, еще не знаете, что в физическом отношении я ниже среднего роста с легкой склонностью к полноте.

- Я стараюсь избегать насилия, - втолковывал я ей. - Послушайте, Ракель, я именно тот человек, который может найти Алекса. Вы думаете, можно нанять парня с ежиком на голове, в костюме-тройке и послать его шататься по Баррио Чайна <Китайский квартал.> в Барселоне? И он не схватит свои девять граммов свинца в первый же вечер? Или заставить его отираться среди сенегальских дилеров травки в Ле Алле? Или предложить ему с нюхачами на Млечном пути в Амстердаме?

- А вы знаете, как вести себя в этих местах?

- Леди, эти места мой дом родной, - заявил я.

- У меня не слишком-то денег, - сообщила она.

- Чтобы мне взяться за дело, много и не надо. Перелет, скудное содержание и сто долларов в день на булавки. При таком раскладе мне придется спать в молодежных общагах. Однако, черт возьми, это же ради Алекса.

- Ладно, - согласилась она. - Вы немного странный, но Алекс велел доверять вам. Мы, наверно, сможем позволить чуть выше класс, чем молодежные общежития.

- Мы?

- Я собираюсь с вами.

- Почему?

- Чтобы быть уверенной, что вы не убежите с моими деньгами. И чтобы найти Алекса. А еще потому, что я никогда не была в Европе.

Вот чертовщина. Она оказалась хитрой. А я как раз собираюсь назад в Европу.

4. ГАРРИ ХЭМ

Я послал информацию от Фрэнки Фолкона моему человеку на Ибице, Гарри Хэму. Гарри - бывший коп, который двадцать восемь лет прослужил в полиции Джерси. Это было еще при жизни Мадж. Теперь Гарри ушел в отставку и поселился на острове Ибица. Он владел небольшим домом, или, как тут говорят, фазендой, выращивал две разновидности миндальных деревьев и умел общаться со своими соседями на местном диалекте.

Хотя как отставной полицейский он

Получал небольшую пенсию, Гарри не возражал время от времени брать работу. Люди знали к нему дорогу. Конечно, не официально. Испанская полиция не дает иностранным детективам лицензию на проведение операций на своей территории.

Однако на Ибице зачастую случаются дела, в которые полиция не может или не хочет вмешиваться: разборки между соперничающими бандами наркоторговцев; кража одним вором картины эпохи Ренессанса ценой в сотню тысяч долларов, принадлежащей другому ворю и не зарегистрированной испанскими властями; возврат выкупа в миллион долларов, заплаченного за попытку спасения, которая провалилась.

Гарри ничего об этом не знал, пока я не объяснил ему все в Пенья-ин-Ибица в тот день, когда реально начало существовать детективное агентство "Альтернатива".

Гарри ушел в отставку в прошлом году и поселился на Ибице. Первый раз он приезжал на остров, чтобы помочь сыну, которого упрятали в тюрьму во время бесславного бунта хиппи в 1969 году. Гарри приехал и взял его на поруки под залог. Это заняло немного больше времени, чем обычно, потому что Гарри не знал, кому и как дать взятку. Дело в том, что в Испании даже взятка должна быть соответствующей весомости и предложена в установленной форме. За то время, пока

Гарри осваивал правила игры и выручал сына, в нем затеплилась любовь к острову. К хребту поросших соснами гор, к морю, где нет приливов и отливов, к людям. Такова уж магия Ибицы.

С тех пор Гарри возвращался на Ибицу каждый год. Сначала он приезжал летом во время бешеного сезона. Но это было не в его вкусе. Ему надоели придурковатые любители жаркой погоды. Он стал брать отпуск зимой: в это время Ибица предстает в своем лучшем виде. Он приметил маленький дом, фазенду. И когда Мадж умерла, а двойняшки переехали в Кливленд, Гарри ушел на пенсию и поселился на Ибице.

Там я его и встретил. Это было незадолго до того, как Кейт и я расстались. Мы с Гарри обычно встречались в баре Маноло в Фигуэретах, чтобы пропустить маленький сверкающий бокал бренди, такого дешевого, что с трудом можно было удержаться, чтобы не стать алкоголиком. Когда Гарри услышал, что я открываю детективное агентство, он решил, что я рехнулся.

- Ты? - спросил он. - Детективное агентство?

- Я, - подтвердил я, потирая не слишком убедительный бицепс на левом предплечье.

- Но ты же в этом ни черта не понимаешь! - Воскликнул Гарри.

- Послушай, что я тебе скажу, - начал я. - По-моему, специальным знаниям вообще придают излишнее значение. Несколько лет назад я читал о парне, который пришел в больницу и заявил, что он хирург по мозгам. Он делал потрясающие

операции, брался за безнадежные случаи. Потом, когда его начальству стало известно, что, вообще-то, он ветеринар, он просто ушел и нашел другую больницу. И, кстати, прекрасно работает там до сих пор.

- Что за белиберда, какое это имеет отношение к нашему разговору? - удивился Гарри.

- Совершенно очевидно, чем должен заниматься частный детектив. Это даже легче, чем операции на мозге. Есть книги. И есть книги, которые исправляют ошибки, допущенные в первых книгах. Так в чем же проблема?

- К примеру, получить лицензию.

- Я не собираюсь официально объявлять себя частным детективом. Я хочу открыть исследовательское учреждение, - объяснил я. - Это то, чем на самом деле занимается детектив. Он исследует людей или ситуации, для того чтобы раскрыть обстоятельства и вытащить на свет некоторые детали. Чтобы быть частным исследователем, не нужно никакой лицензии.

- Тогда как люди узнают, что ты вообще-то частный детектив?

- Из уст в уста, - пояснил я.

- Это чепуха на постном масле, - заявил Гарри.

- Если тебе кажется это странным, послушай, что я скажу. Я хочу, чтобы ты вошел со мной в дело.

- Я? Вали отсюда! - проворчал Гарри. Но я заметил, что он доволен. Нет ничего равного паре месяцев пенсионной жизни на веселом острове среди веселых бездельников, окружающих вас со всех сторон, что вызывало бы такое желание заняться хоть чем-нибудь, лишь бы дело не обещало веселья. И это особенно справедливо, если вы невысокий квадратный лысый парень с тяжелой челюстью, как Гарри, которого никто и никогда не примет за веселого лодыря. Хотя, конечно, по-своему он был похож на всех нас.

Мы пошли ко мне, в мою квартиру в Пеня. Гарри вошел, снял шляпу, бросил ее на плетеный стул и развалился на кушетке. Увалень в полосатых шортах из хлопчатобумажной ткани. Он прикурил сигарету и разглядывал меня с головы до ног, будто прицениваясь.

- Ты серьезно думаешь этим заняться?

- Гарри, посмотри на дело с такой стороны, - начал я. - Людям нужно детективное агентство. Не обычное, которое обслуживает богатых или, во всяком случае, обеспеченный средний класс. Нет. А как быть бедным, к примеру хиппи? Разве у них нет никаких прав? Как быть американским изгнанникам, которые живут за границей и фактически не защищены местными законами? Ведь, если что-то случится, у них нет никого, к кому они могли бы пойти.

- А что плохого в полицейских? - спросил Гарри. - Разве нельзя обратиться к ним?

- В полицейских нет ничего плохого, - успокоил его я. - Но ты не хуже меня знаешь, если к вам в участок в Джерси приходил парень и говорил на ломаном английском, много ли внимания вы ему уделяли? Ради Бога, он ведь даже не избиратель.

- По-моему, тут ты прав, - согласился Гарри.

- Эта штукавина может сработать, - продолжал я.

- Ладно, предположим, она сработает, - буркнул Гарри. - Только я знаю все о детективах, преступниках и полицейских. Зачем ты мне нужен? Почему бы мне самому не начать дело?

- Это просто, Гарри, - улыбнулся я. - Если ты сделаешь так, ты будешь одиноким. Что значат для тебя деньги? Ты в отставке, тебе всего лишь надо занять руки каким-то делом. Позволь мне быть твоим напарником. Твоим управляющим. Твоим боссом. Попробуй, тебе понравится.

- Знаешь, Хоб, - усмехнулся Гарри, - ты похож на этих парней, хиппи, с которыми якшался мой сын, когда жил здесь.

- А что твой сын делает сейчас? Все еще ходит с длинными волосами?

- Нет, Скотт управляет массажным салоном в Вихаукене.

- Во всяком случае, он не хиппи, - заметил я.

Гарри нетерпеливо замотал головой. Он уже достаточно поговорил о сыне.

- Ну, - вернулся он к нашей теме, - это дурь, однако я подумаю.

Так я получил своего человека на Ибице. Это было почти так же хорошо, как жить там самому. Почти, но не совсем.

5. ИБИЦА

Если вы подтянете район развлечений Нью-Йорка Кони-Айленд к пляжам Биг-Сэр в Калифорнии и отдадите все под правление Мексики, получится Ибица.

Ибица и соседний остров Форментера лежат к югу от Майорки и Минорки, приблизительно на линии, соединяющей Валенсию с Марселем.

У острова давняя репутация международного курорта, где собираются богатые прожигатели жизни. В шестидесятые и семидесятые он стал одним из мировых центров альтернативной культуры. Многие люди приезжали на Ибицу, чтобы жить мечтой. Большинство из них и их дети все еще живут здесь, хотя бы мысленно. Я один из таких.

Есть много причин, придающих Ибице особое, очарование. Тесное переплетение различных слоев общества. Постоянные приезды и отъезды неслучайных тысяч людей, которые превратили остров в свой временный дом. Здесь чувствуется благоденствие. Отчасти потому, что Ибица одно из лучших в мире мест, куда можно привезти нечестно добытые деньги и устроить себе приятную жизнь. Для определенного типа людей иметь приличный доход и жить на Ибице - это два синонима рая.

Люди приезжают и уезжают. Прилетают и улетают. Добираются на автобусах, на такси, на взятых напрокат машинах и разбредаются по острову. Некоторых ждут машины с шофером. Каждый день из Барселоны и Пальма де Майорка приходят корабли с новыми туристами и их машинами, "Ягуарами" и "Порше", которые быстро изнашиваются на каменистых дорогах Ибицы.

Остров имеет примерно тридцать пять миль в длину и восемь или чуть больше в ширину. Испанского населения, живущего здесь круглый год, тысяч пятьдесят. Летом приливы и отливы туристов превышают миллион.

Ибица также один из важнейших перевалочных пунктов в международной героиново-кокаиновой паутине. Марихуану и гашиш не стоит даже и упоминать. Мы говорим лишь об основных наркотиках. Ибица удобное место для разгрузки товара, доставляемого морем из лабораторий на юге Франции, на Корсике, в Италии, и отправки его в Северную Европу или Северную Америку.

Некоторыми самыми красивыми в городе домами владеют торговцы наркотиками. Они - элита Старого города, узких, извилистых, узорно вымощенных камнями улочек Пеньи, сбегаящих вниз к берегу. На десять или около того кварталов набережной приходится сотня баров, ресторанов и бутиков, теснящихся друг к другу.

На Ибице процветает бизнес, связанный с модой. Здесь много денег. Если человек занят преступным бизнесом, то соперничество идет во всем. Преступление, наверно, самое волнующее занятие на острове. Преступники - единственные люди, которые постоянно и напряженно работают. И убивают.

Ибица прекрасное убежище для разного рода нелегальных и полунелегальных беглецов, начиная от бывших комендантов фашистских концентрационных лагерей и кончая мастерами высокого полета, подделывающими предметы искусства. Здесь любят останавливаться люди с богатством, приобретенным в других частях света. Находятся деятели, которые приезжают вслед за ними для того, чтобы обирать первых. Это самостоятельный вид преступности, далекий от нарковойн.

Здесь много отдельных миров. Бывшие нацисты, содержанки, гомосексуалы, фермеры, выращивающие миндаль, полицейские, владельцы ресторанов, хиппи, бывшие и настоящие.

В Средиземном море много красивых островов. Что же делает Ибицу особенным? Стиль жизни. Какой стиль жизни? - спросите вы. Смесь традиционных привычек местных жителей и непринужденности хиппи. И покой. На Ибице не

только есть, чему радоваться. Но и есть возможность учиться радоваться. Это очень важно для всех сортов людей, включая и гангстеров, которые хотят уйти на пенсию и заняться самосовершенствованием.

Однако Ибица совсем не такой остров, где полностью затерты местные жители. Они все еще владеют большей частью собственности на острове. Некоторые из них богаты. Это сплоченное общество, практичное, доброжелательное, страстное и вдобавок ко всему терпимое. Они единственный в истории замечательно великодушный народ. Они крестьяне Но кто-нибудь слышал о крестьянах, которые интересуются чужаками, охотно разговаривают с ними, становятся их друзьями, женятся или, выходят за них замуж, что-то бескорыстно делают для них? Пойдите в деревню где-нибудь в Оверни или в Марше - и вы увидите, как там вас примут. Или в испанскую деревню, или даже на Майорке, на соседнем острове. Крестьяне Ибицы не такие. Они прекрасно справляются с нашествием туристов.

И, тем не менее, Ибица остается Ибицей, а не аванпостом Англии или Канады.

Еще надо разобраться в различии жителей Ибицы и испанцев. Конечно, островитяне - тоже испанцы, но они не похожи на другие испанские народы. Фактически очень трудно выделить единый испанский тип, поскольку Испания чрезвычайно разнится по регионам. Ее можно разделить по меньшей мере на пять особых областей, вероятно с множеством подобластей. Испанцы не однородная нация. Это группа племен с некоторыми общими чертами, которые живут бок о бок, но никогда не отрываются от "своих" и не смешиваются с "другими".

Жители Ибицы - часть народа Каталонии. Но первостепенна для них не преданность Каталонии. Они сначала патриоты собственного острова, а уж потом каталонцы. Ибица - отдельная и особая цивилизация. Одна из самых прекрасных, какие только знал мир.

Я мог бы догадаться, что для меня самое лучшее никогда снова не приезжать туда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6. КЕЙТ

Я позвонил моей бывшей жене Кейт, чтобы рассказать ей новость. Ответила Соня, моя дочь. Ей четырнадцать, она хорошо учится. Она живет в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и я не вижу Соню и ее младшего брата, Тодда, так часто, как надо бы. Все потому, что мне трудно встречаться с Кейт, хотя мы уже давно разошлись и я женился на Милар.

- Привет, малышка, - сказал я. - Как дела?

- У меня прекрасно, пала. Я опять получила "отлично" в табели успеваемости.

Мы поболтали несколько минут. И тогда я решил, что надо сообщить ей новость.

- Послушай, солнышко, кажется, я не смогу приехать через неделю на твою выпускную церемонию.

- Ох, папа! А что случилось на этот раз?

- Работа, птичка моя. Нам всем надо каждый день есть. Я уеду через день или через два.

- А когда ты вернешься?

- Возможно, недели через три или через месяц. Мне очень жаль.

- Я знаю, папа. Удачи тебе. Подожди минутку. Мама хочет поговорить с тобой.

И потом голос Кейт, немного встревоженный:

- Хоб? Что там насчет работы?

- Дела детективного агентства. Большого сказать не могу. Но уйдет несколько недель.

- Тебе хоть что-нибудь заплатят?

- Есть договоренность о гонораре. Могут заплатить довольно хорошо.

- Было бы замечательно, если бы ты помог Соне с зубами. Я знаю, это не входит в соглашение, но у меня нет денег. Она хорошенькая девочка, Хоб, было бы стыдно не выпрямить ей зубы сейчас, когда это относительно легко.

- Конечно. Я помогу.

- Спасибо. Куда ты едешь?

- В Париж.

- Не на Ибицу?

- Нет. Если удастся.

- Но и в Париже тоже может быть опасно. Ты уверен, что тебе стоит заниматься этим делом?

- Все неприятности остались в прошлом, - сказал я, надеясь, что это действительно так. - Я позвоню тебе, когда вернусь. Как поживает твой пьющий ирландский муж?

- У Кевина все прекрасно. Он просил спросить у тебя, почему ты больше не приезжаешь в Вудсток?

- Скажи, что я не могу вынести, когда вижу тебя рядом с другим мужчиной.

- Кевин будет очень доволен, когда это услышит. Он думал, что тебе все равно.

- Кэти, почему бы тебе не избавиться от этого парня и не вернуться ко мне?

- Ты так говоришь только из галантности. Во-первых, потому, что ты все еще с Милар.

- Это временно, - убеждал я ее. - Пока Шелдон не примет глобального решения и не заберет ее. Кейт, я тебе уже говорил, для меня существуешь только ты.

- Хобарт, когда ты будешь воспринимать жизнь серьезно? - Она засмеялась. - Ты же прекрасно знаешь, стоит мне только проявить легчайшее намерение вернуться к тебе, и ты убежишь, как вор, в ночь.

- Но ты можешь сделать что-то другое. Сказать тебе что? Почему бы нам с тобой не предпринять последнюю попытку. Я знаю в Майами маленький отель.

- Конечно, если мне можно привезти с собой Кевина.

- Я не знал, что он извращенец.

- Он не извращенец. Он просто любит поговорить. Наверно, ему много есть чего сказать на тему вроде этой.

- Кейт, по-моему, ты опять издеваешься надо мной.

- Дорогой мой, ты забыл, что я жила с тобой десять лет. Теперь мне уже полагается знать, когда не принимать тебя всерьез.

- А когда и вовсе не понимать меня.

- Этому я тоже научилась у тебя, - вздохнула Кейт. - Ты и вправду собираешься в Париж?

- Да.

- Хоб, будь осторожен. Постарайся никому ничего не доказывать. И ради собственного спасения попытайся держаться подальше от Ибицы.

- Я всего лишь хочу заработать на жизнь, - повторил я. - Ты помнишь, я выплачиваю тебе поддержку, несмотря на быстро растущее богатство твоего мужа, адвоката по темным делам.

- Прекрати, - скомандовала Кейт. - Деньги на детей не имеют никакого отношения к Кевину. И неважно, сколько он зарабатывает. Дети твои и мои.

- Я знаю. Просто шучу. Я позвоню тебе, когда вернусь.

- Хоб, - смягчилась она, - как у тебя дела с Милар?

- Так же, - ответил я.

- Шелдон все еще живет у тебя?

- Да.

- По правде, Хоб, это кошмар. Тебе не следует терпеть.

- Что я могу сделать? Они любят друг друга.

- Тогда они должны уехать из твоего дома и найти себе квартиру.

- Беда в том, что ни один из них не знает точно, чего хочет. Я не уверен, готова ли Милар вести домашнее хозяйство, живя с Шелдоном. А он не собирается подыскивать жилье, пока она не скажет, что готова.

- Безнадежная история, - вздохнула Кейт. - Ради Бога, как ты ухитрился связаться с женщиной, у которой такое имя.

- В то время мне это показалось хорошей идеей. Надеюсь, именно эти слова выгравированы на моем могильном камне.

7. ШЕЛДОН

Моя квартира на Стейт-стрит занимает половину дома, покрашенного в такой цвет, который трудно определить и который забываешь, едва от него отойдешь. Я вошел и с минуты постоял в темном узком коридоре.

- Милар? - позвал я.

- Ее здесь нет, - донесся голос из гостиной.

Это один из тех домов, где есть гостиные-залы и окно в эркере. Спальню наверху мы с Милар сдавали. Шелдон сидел в гостиной. Маленький сильный плотный мужчина южного типа с густой шапкой темных вьющихся волос. Тяжеловатые черты лица. Немного унылый рот. На лице застывшая улыбка. Не того типа человек, с которым я хотел бы иметь личные отношения. И, естественно, не я его выбирал.

- Куда она пошла? - спросил я.

- Она сказала, что сейчас вернется. - Было что-то подозрительное в том, как он это сообщил.

- Ладно, но куда она хотела пойти?

- В частности, никуда, - проговорил Шелдон и, сделав паузу, выпалил:

- Она хотела дать нам немного времени побыть вдвоем.

- Ради Бога, зачем нам нужно быть вдвоем? - Я вытаращил на него глаза.

- Чтобы попытаться прояснить дела, - объяснил Шелдон.

- Ох, нет, Шелдон, - чуть ли не взвыл я. - Не сейчас. Я устал. У меня появился клиент. Первая беседа отняла много сил.

- Богатый клиент? - спросил Шелдон, моментально просияв.

- Нет. Нормальный, загнанный в угол клиент, какие обычно у меня бывают

Шелдон встал, прошелся взад-вперед по комнате, ударяя кулаком правой руки в ладонь левой. Уверен, он изображал отчаянную злость. Или, может, злобное отчаяние. В любом случае через минуту он повернулся ко мне и произнес:

- Проклятие, Хоб, так продолжаться не может

- Точно такое же мнение и у меня. Значит ли это, что ты собираешься уйти? - Шелдон жил с нами благодаря стечению обстоятельств, слишком нелепых, чтобы установить их последовательность во времени. И к тому же не имеющих отношения к событиям моей истории. Но теперь вижу, раз уж я упомянул о них, то должен объяснить.

Я встретил Шелдона пять лет назад, когда международная финансовая служба устроила мне проверку. После обмена бумагами они прислали из офиса в Ньюарке Шелдона посмотреть мои отчеты. Я потратил несколько часов, роясь в мешках, полных бумаг, и потом вывалил все ему на колени. Некоторые отчеты были абсолютно не убедительными листочками с оборванными краями. Такими обрывками пользовались лавочники Ибицы в те дни, когда я жил там и собирал эти листки как документы. Он с раздражением посмотрел на меня.

- Мистер Дракониан, - на том этапе у нас были чисто формальные отношения, - у вас нет лучших отчетов, чем эти?

- Я не большой специалист по обрывкам бумаги, - ответил я. - Поэтому стараюсь сохранить все. Я же знаю, Дядя Сэм хочет, чтобы я все хранил. Но они теряются, понимаете, приятель, что я имею в виду? Правда, вы можете спросить мою жену, Милар, наверно, у нее есть какие-то старые гроссбухи по расчетам наличными. По-моему, у нее сентиментальное отношение к таким вещам.

И тут очень своевременно вошла Милар. Пяти футов девяти дюймов, тонкая, с выступающей вперед грудью, со стройными ногами, лучистой улыбкой и голубыми фарфоровыми глазами. Шелдон увидел (как он потом мне рассказал) в этой леди невероятной красоты в обтягивающих, как кожа, джинсах, в расшитой блестками блузе, в сапожках из змеиной кожи, в ковбойской шляпе, с громающими украшениями, с безумным макияжем и пурпурной прядью в волосах воплощение своей самой неисполнимой мальчишеской мечты. Это была любовь с первого взгляда, как он признался мне месяцы спустя после бесчисленных кружек пива у Макджинти на Грит-стрит, недалеко от Мэкэдэма.

Чтобы быть честным, скажу, внезапный интерес Шелдона к моей жене не вызвал у меня недовольства. Я давно раздумывал, как бы отделаться от Милар. Не то чтобы в ней меня что-то не устраивало. Просто у нее крыша поехала в одну сторону, а у меня в другую, и мы так далеко отдрейфовали друг от друга, что только космическая взаимосвязь всего в мире давала нам нечто общее. И тут появляется симпатичный парень с высокими моральными принципами, с постоянной работой, который готов забрать ее и развязать мне руки. Тогда я могу отделаться и от других обязательств, продать дом и воплотить в жизнь мою недостижимую мечту, то есть вернуться в Европу и снова погрузиться в ее магию.

Говорят, что нельзя дважды в точности повторить одно и то же. Еще говорят, что если однажды вы все получили и вам не понравилось, то снова не стоит и пытаться. Но имею я право мечтать или нет?

Однако возникла одна трудность. Я стал "делом" Шелдона, на которое он поставил свою репутацию и гордость. Его исключительно отточенное чувство этики могло бы удовлетвориться только одним - успешным завершением моего дела. А это значило для него собрать в пользу Дяди Сэма все монетки до единого динара, которые мне кое-как удалось раскидать вилами по предыдущим годам, еще менее удачным, чем этот. Только тогда он почувствовал бы моральное право и **УВЕРЕННОСТЬ** (убежден, он называет это именно так), что он может позволить себе без чувства вины забрать мою жену.

Ладно, все это вздор. Я неплохой парень и обязательно заплатил бы правительству сполна, только у меня нет денег. Вот и все. Я должен платить Кэти и детям. Я должен платить за аренду офиса. Я должен туда, я должен сюда. А на все никогда не хватает денег.

Но я помнил время, было это очень давно, когда я жил без денег и без заботы о них. Я жил на волшебном острове, где никто не голодал. И там никого нельзя было вышвырнуть вон, потому что это был **ДОМ**, самое потрясающее место, где каждый заботился о другом.

Конечно, это фантазия, или, вернее, иллюзия. Но что я могу поделать, если так вижу **СВОЙ** остров. Каждому человеку, нужна мечта, даже если это химера.

У меня, конечно, еще сохранялись некоторые чувства к Милар, на которой я обнаружил себя все еще женатым после безуспешной попытки с помощью наркотика достичь Высшего Союза, объединяющего Кажущиеся Разности. Эти новые галлюциногены иногда могут перенести тебя в самые удивительные места. К примеру, вдруг оказываешься в Лисвилле, штат Северная Каролина, стоишь перед мировым судьей и вопрошаешь, а есть ли у вас хоть какой-то собственный опыт в таких делах? Да? Но ведь вы, проснувшись, наверняка не обнаруживали, что женаты на женщине, которая называет себя Милар и в волосах у нее покрашенная в пурпурный цвет прядь. К тому же она совершенно невозможно паясничает и смеется. Особенно невозможно для человека, чье любимое времяпрепровождение жалеть себя.

Это случилось шесть месяцев назад. Сейчас мы в симпатичной маленькой мышеловке собственного изобретения. Шелдон съехал с квартиры в Хобокене и, когда стало возможным, снял нашу спальню наверху. Совесть Шелдона немного тяготило, что он и Милар так долго живут врозь. Но спать вместе они тоже не могут. Во всяком случае, с точки зрения Шелдона. Иначе приятная душещипательная трагедия превратилась бы в бытовой фарс. Нет смысла рваться на роли идиотов в обзорах, которые с благодарностью публикуют газеты, не дав героям даже хлеба с фрикаделькой. Поэтому Шелдон и Милар живут без секса в состоянии распаленного желания. Такое часто замечаешь при обстоятельствах, принуждающих к целомудрию, пока наконец сами стены не начинают дымиться от

сдерживаемой и подавляемой страсти. Поэтому я много времени проводил у себя в офисе или в кино. Но, несмотря на мои самые лучшие намерения, я все равно оставался не ПОЛНОСТЬЮ исключенным наблюдателем.

- Теперь послушай меня, - начал Шелдон. - Ты должен наконец решить эту штуковину. Тебе надо собрать немного денег и заплатить правительству, чтобы я мог закрыть дело и забрать с собой Милар на место моего нового назначения.

- Что за новое назначение?

- Разве я не говорил тебе? Я первый в списке на должность старшего аудитора нашего отделения в Морристауне.

- Поздравляю, - сказал я. - Ты будешь потрясающим аудитором. А Милар будет потрясающей миссис аудитор. Полагаю, у тебя по-прежнему честные намерения по отношению к ней?

- Конечно, честные, - воскликнул Шелдон. - Я хочу, чтобы Милар развелась с тобой, тогда я женюсь на ней и возьму с собой в Морристаун. Но я не могу ничего предпринять, пока не закрою твоего дела.

- Не понимаю, почему не можешь, - удивился я. - Министерство внутренних дел никогда не поставит тебе в укор одно малюсенькое незакрытое дело.

- Меня не волнует министерство, - возразил Шелдон. - На самом деле, пока я не сдал твою папку в архив, только совесть не позволяет мне взять должность с повышением и твою жену. Понимаю, я старомодный, живущий по собственным принципам парень, но с этим ничего не поделаешь. - Он засмеялся с фальшивым самоосуждением человека, довольного собой. Мне захотелось его ударить.

Однако все же лучшая сторона характера Шелдона давала мне шанс избавиться от опостылевшего существования с Милар. Заплатив деньги, Дракониан, ты завоюешь свободу. Но где найти деньги?

- Может, я что-нибудь придумаю с деньгами, - обнадежил я его. - Через пару дней я уезжаю в Париж.

- Ты уезжаешь в Париж? - переспросил Шелдон.

- Да, конечно, - подтвердил я. - Так нужно по делу моего клиента. Пока меня нет, вы с Милар хорошенько повеселитесь, слышишь? - Я искоса послал ему многозначительный взгляд. Не то чтобы я надеялся на такого рода выход из мышеловки. Нет, я просто хотел подбодрить его.

8. МИЛЛИ

Я поехал к Милли, в ее голубятню на Уотер-стрит, потому что она могла устроить билеты на самолет. Милли старый друг с Ибицы. Я открыл дверь своим

ключом. Она спала, лежа на спине, и громко храпела, напоминая розового детеныша кита в голубой ночной рубашке. Кроме большой шляпы с обвисшими полями, какую носят на Форментере, и пары сандалий из бутика в начале Дальт-Вильи, она привезла с Ибицы отвратительную привычку - пристрастие к кваалюдину.

Я стараюсь вовлечь в деятельность детективного агентства "Альтернатива" всех своих друзей. Международная организация, которую я создал, состоит главным образом из друзей разных периодов моей жизни. Некоторые из них бывшие хиппи. Большинство занималось и множеством других дел. Наши тропинки пересеклись на Ибице, пожалуй главной конечной остановке круговращения изгнанников.

Одно из главных преимуществ жизни за границей состоит в том, что вы с друзьями где-нибудь заканчиваете скитания. Единственная трудность - попытаться придумать способ, как задействовать друзей. Я придумал: буду оказывать социальные услуги, предлагая занятие людям, у которых обычно его не было. Покончите с крупными мошенниками, но позвольте мелким не уходить со сцены. Позвольте нашей гаитянской бригаде раскрасить ваш дом

Нам нужна работа, нам, изгнанникам. Мы представители "третьего мира" западной цивилизации. Поверьте, не обязательно быть черным или латиноамериканцем, чтобы чувствовать себя лишенным наследства и прав в Америке последних лет XX века.

И дело тут не в политике, расе или религии. Есть множество ярких личностей, которые оказались придавленными к земле, потому что они не соответствовали, потому что не стали частью убыстряющегося старения всего, что имело какую-то ценность.

В этом смысл и причина создания детективного агентства "Альтернатива". Мы своего рода коммуна. Хотя, конечно, не называем его так. Ведь для большинства людей слово "коммуна" вызывает в памяти образ симпатичных длинноволосых девушек, занимающихся отвратительным сексом с бритоголовыми подонками, у которых под ногтями серая пыль от наркотиков. Тогда как наша организация пытается представить образ нормальных американцев, занимающихся общенациональной игрой: "Делай Деньги Любым Способом, Каким Сможешь".

Детективное агентство "Альтернатива" для меня и моих людей - холдинговая компания. У нас есть отделения во всех уголках мира, где случалось жить моим старым друзьям с Ибицы. Они помогают мне распутывать мои дела, а я включаю их в распределение прибыли, если она бывает. А если нет, мы получаем кайф, болтая о старых временах.

Они мой народ, и они населяют мою настоящую родину, туманное королевство изгнанников, вытесненную на обочину страну воспоминаний. Сбившиеся с пути и бродяги, художники и будто бы художники, мошенники и живущие на деньги, присылаемые с родины, студенты вечно обучающего университета, дрейфующее англоговорящее общество, которое летом устремляется к югу, на Ибицу и в Сен-

Тропез, а зимой перебирается в Париж, Лондон и Амстердам. Так во время оледенения пересекали Европу стада благородных королевских оленей.

Каждый слышал о людесе, так для краткости называют кваалюдин, об этих маленьких белых таблетках, которые дают прекрасное настроение, убивая вас. Но не каждый знает, что на самом деле делает кваалюдин. Во-первых, вы должны принять его натошак, тогда маленькая белая таблетка быстро растворится и через стенки желудка попадет в кровь. Если вы плотно поедите, то не ждите кайфа.

И, конечно, люд ее не всегда действует как надо. Обычно таблетка срабатывает, но иногда что-то идет не так, может, что-то происходит в организме, и людес дает осечку. Вот тогда дело паршиво, потому что тут начинаешь дуреть.

Когда-то у меня тоже была такая привычка. Примешь таблетку, и лицо становится будто резиновым. Это первое, что замечаешь. А потом чувствуешь себя на седьмом небе. Хотя и платишь за это частичкой собственной жизни. К несчастью, наркотик надолго остается в организме, не меньше двадцати четырех часов, так что на следующий день после таблетки ты не в себе и ни на что не годишься. А если каждый вечер принимать по одной или даже больше таблеток, как это обычно делал я, то ты всегда не в себе и всегда ничего не можешь делать. Другой побочный эффект кваалюдина - камни в почках у тех, кто регулярно им пользуется. Выход камня у мужчины по болевым ощущениям равносителен трудным родам у женщины.

Я тряс Милли, чтобы она очнулась. Милли крупная женщина с седыми прядями в длинных, до плеч, каштановых волосах. Все еще привлекательная и к тому же деловая, несмотря на пристрастие к таблеткам. Мне довольно легко удалось заставить ее понять, чего я хочу. Два билета в Париж, туда и обратно с открытой датой возвращения и самые дешевые, какие только возможно. Надо попробовать получить их в одной из курьерских служб. Потом я все это записал, чтобы она вспомнила, когда опять проснется, потому что, как только я уйду, она неизбежно снова заснет.

Закончив с Милли, я направился к себе в офис. Проходя мимо обувного магазина Тома Макэна, я случайно бросил взгляд в витрину и мне показалось, что за мной следят. На противоположной стороне улицы околачивался без какого-либо дела представительный мужчина в темно-синем костюме. Подумав о слежке, я вспомнил, что видел его и раньше.

Я пошел дальше и, незаметно ловя отражение в стеклах машин и в витринах магазинов, убедился, что он все еще идет сзади. Неторопливым шагом и с демонстративно беззаботным видом я перешел Аргилл-стрит и быстро обогнул квартал, надеясь выскочить позади моего преследователя. Но когда я снова оказался на углу, он исчез.

Я пытался вспомнить всех людей, кто мог бы выслеживать меня. После пятнадцати имен бросил. Однако мое беспокойство не уменьшилось. Прошло

десять лет, как я был последний раз в Европе. После турецких событий мне казалось мудрее держаться от нее подальше.

Но, черт возьми, это же было так давно и не по моей вине, во всяком случае, не совсем по моей вине. И нельзя же из-за одной-единственной неудачи провести всю оставшуюся жизнь, избегая Европу. Можно, но если вы не Хоб Дракониан.

Париж - король городов. И остальной Европы. Европы Хоба: Ибица, Майорка, Барселона, Лондон, Амстердам, Афины и острова центральной Циклады. И Рим. Несравненный Рим.

Как я мечтал вновь увидеть мою Европу. А на пути к ней стояло всего лишь воспоминание десятилетней давности о том злосчастном дне в аэропорту Анкары.

День был жаркий, как в аду. Август в Турции. Аэропорт переполнен, множество туристов. На это мы и рассчитывали. Мы делали так и раньше, и все проходило как по маслу.

Тогда почему такое предчувствие, почему такая обжигающая паника, почему такое состояние, будто меня укусила холодная как лед жаба? Что со мной случилось? Какой тонкий ключ настроил мою систему защиты? Почему у меня в голове мелькали картины турецких тюрем?

Подходя к будке пограничника, я увидел лейтенанта Яросика. В накрахмаленном хаки он возвышался над толпой, черные усы темнели аккуратным треугольником на нежно-оливковой щеке. Моя реакция была бессознательно-автоматической. Я повернулся, как марионетка, заметив, что он еще не выхватил меня из толпы. Не оглядываясь, направился прямо к выходу из аэропорта и сел в такси. Я приказал ехать в порт и успел на последний паром через Босфор на Европейскую сторону.

Я и правда не могу объяснить, почему так поступил. У Яросика ничего на меня не было. Но он не принадлежал к тому сорту людей, которые бы просто так болтались в аэропорту, проверяя туристов, проходивших мимо пограничников. Я догадался: что-то пошло наперекосяк, кто-то заговорил. Я понял: Яросика вызвали потому, что он знал в лицо меня и еще Жан-Клода и Найджела.

В Европейской части Турции я тогда присоединился к туристской экскурсии на развалины Адрианополя, или Эдирны. Потом нормально через пограничный пункт перешел в Грецию. На такси доехал до Комотины, а затем поездом и автобусом в Афины.

Два дня спустя, когда я пил пиво в отеле "Георг V" на площади Синтагмы в Афинах, на пятой странице "Интернэшнл Геральд Трибюн" я увидел сообщение. Таможня аэропорта Стамбула задержала француза и британца.

Конечно, они нашли гашиш. Двойное дно, которое я сделал в чемоданах, не может успешно выдерживать таких методов проверки, какие применяют таможенники, когда знают, что искать.

Суд состоялся в конце того же месяца. Жан-Клоду и Найджелу дали пожизненное заключение. Потом его сократили до двух лет, когда адвокаты доказали, что они всего лишь невинные носильщики чемоданов третьего лица, мистера Большой... в интересах следствия имя не называется. Он, как предполагалось, должен был лететь в этом же самолете, но, по-видимому, в последний момент сумел улизнуть.

Какие-то деньги поменяли хозяев, и мои друзья через год вышли из тюрьмы. Но, как мне говорили, они сердились. Всю вину за провал они возложили на меня. Они осыпали меня оскорблениями и даже угрожали. Однако это было десять лет назад.

Я пытался по-прежнему тянуть ляжку. В те дни я стал профессиональным игроком в покер. Не первого ранга, но вполне хорошим для конкуренции, какую можно встретить в Европе. Главное правило - никогда не играть в казино, хотя и там можно заработать на жизнь. Настоящее поле для профессионала покера - домашние вечеринки и номера богатых отелей в Канне, Ницце, Риме. Выигрывать было легко Труднее заставить себя проигрывать, чтобы не перестали приглашать.

Это требует определенной тактики. Вам приходится КАЗАТЬСЯ человеком, который не выигрывает чересчур много. Вы стараетесь привлечь к каждому проигрышу максимальное внимание окружающих - это обязательное условие. Но в какой-то момент наркотики начинают поглощать все ваши деньги, не делая разницы между выигрышами и проигрышами. Тогда вы ставите вместо денег бумажки и молитесь Богу, чтобы все сошло благополучно. И если выигрываете, то делаете ставки реальными деньгами.

Это тоже своего рода хождение по проволоке, но, мне казалось, я знал, как сохранять равновесие. Пока не начал проигрывать Я напрягся, стал делать не правильные жесты, посыпались ошибки в расчетах. Уже невозможно было что-то исправить, и мои попытки выиграть становились все более беспомощными. А наркотики больше не помогали.

Вот тогда все начало разваливаться на части.

Паника, паранойя, холодный пот, дурные мысли и Страх.

Так я вернулся в Америку. А теперь снова собираюсь в Европу.

После Турции я понял, что жизнь - это не мечта. Понял, что имею дело с опасным товаром В те дни почти каждый занимался контрабандой. По правде, я не верил, что меня поймут. Не верил, потому что привык к ощущению тепла, безопасности и неуязвимости, которое дают наркотики, особенно людес. Сладкая апатия затопляет вас, лицо немеет, и вы погружаетесь в сумеречную нереальность, которая называется Путь, Который Тебе Нравится.

Но это было тогда, а сейчас - это сейчас. Я очистился, никаких наркотиков, прошлое похоронено вместе с моим кумиром Джимом Моррисоном <Джим (Джеймс Дуглас) Моррисон (8.12.1943 - 3.7.1971) лидер рок-группы "Доорз"> на кладбище Пер-Лашез, и я возвращаюсь в Париж.

9. МАРИЯ ГУАШ

В то утро, когда моя детальная телеграмма попала к Гарри Хэму, он не испытывал особого удовлетворения жизнью. Он чувствовал, что ему скучновато. Первый прилив радости от того, что он живет на замечательном острове, прошел. Он привел в порядок дом, подал заявление для получения бумаг, которые нужны, чтобы находиться в Испании на положении постоянного жителя. Сад выглядел прекрасно, он уже завел кое-каких друзей. Но чего-то не хватало, и Гарри сам точно не знал чего.

Он сказал мне, что обрадовался, получив мою телеграмму, потому что в тот момент был готов на что угодно, лишь бы заняться чем-нибудь

Он оторвал зад от кресла, или, как он говорил, завел свою "мадам сижу", и совершил двадцатиминутную поездку до порта Ибицы. Гарри долго расхаживал по пристани, разыскивая "Индустриас Марисол". И наконец нашел Маленькую лавку, торгующую скубами, популярными здесь аквалангами, и мелочами для подводного плавания, приткнувшуюся в конце аллеи Калле-дель-Виржен. Лавка была закрыта. Гарри обошел вокруг, заглянул в окно, раздумывая, что же делать дальше. День стоял прекрасный, порт гудел, был июнь, отличная погода, каждую неделю прибывали туристы, с июля начинался большой сезон.

Немного спустя старик, сидевший через дорогу в лавке, где чинили ботинки, заметил, что Гарри пытается заглянуть в окно "Индустриас Марисол"

- Вы ищете Вико?
- Это его магазин?
- Да, Вико и его брата Энрике.
- Где их можно найти?
- Прошлой ночью Энрике уехал с острова. Как я слышал, он полетел в Сан-Себастьян. А Вико отправился на рыбалку с братьями Гуаш.
- Они скоро вернутся?
- Кто знает? - пожал плечами старик.
- Разве рыбацьи лодки обычно на закате не возвращаются домой?
- Которые нанимают туристы, да. Но братья Гуаш торгуют рыбой. Никто не знает, сколько времени они пробудут в море.
- Есть способ, каким я мог бы связаться с ними?
- Можете попросить морских чаек, - засмеялся старый сапожник.

Продолжая улыбаться, он отвел глаза - сама хитрость. Гарри знал этот взгляд островитян: ничего не говорить чужому.

- А как же их бизнес? Кто ведет дела, когда их нет?

- Мария Гуаш, конечно. Их сестра.

Гарри записал адрес и отправился в Санта-Гертрудис к домику Марии.

Мария жила на маленькой, тщательно ухоженной ферме на холмах недалеко от Санта-Гертрудис. Низкий каменный дом представлял собой одну из старомодных фазенд. Обычно их размеры зависели от величины конькового бруса, для которого брали самую длинную часть закаленного морскими ветрами дуба. Вокруг дома два поля миндальных деревьев. Несколько акров овощей, таких, как капуста и картошка. Небольшой участок в середине полей засажен *algorobos*, рожковыми деревьями, стручки которых местные жители, сушат, размалывают и этой мукой зимой кормят животных. О приближении Гарри объявила собака. Одна из тех длинных, худых, желтоглазых гончих, которых можно считать частью истории острова со времен карфагенян.

Гарри остановился на ответвлении тропинки перед самой фермой. Женщина вышла, встала на пороге веранды и, закрывая глаза от солнца рукой, смотрела на Гарри.

- Разрешите? - спросил он. И когда она кивнула, открыл ворота и пошел к дому.

Хотя хозяйка явно принадлежала к местным, ее одежда не была монотонно черной, как у большинства стареющих женщин острова. Она еще носила длинную пышную юбку, блузку с длинными рукавами и маленький жакет. Женщины Ибицы одеваются так уже много столетий. Но ее юбка была не из черного материала, а украшена коричнево-белыми узорами. И на кремовой блузке тоже виднелись мелкие фигурки. Черты ее лица были строгие и красивые. Волосы, черные, прямые, блестящие, стянуты узлом на затылке.

Для островитянки она была высокой и стройной. В ней чувствовалось спокойствие, что Гарри очень понравилось. Он подумал, что ей под сорок или чуть больше.

Гарри представился. Как принято на Ибице, он рассказал женщине, где живет и как давно поселился на острове. Потом объяснил, что выполняет поручение друга. А проблема у друга такая: он послал сеньору Вико в "Индустриас Марисол" партию товара и не получил оплаты. А он, Гарри, только что узнал, что сеньор Вико ушел рыбачить вместе с братьями Гуаш. И Гарри подумал, не знает ли она, куда они отправились и когда вернуться.

- Об этом они мне ничего не говорили, - ответила Мария. - Но иногда Пабло и Сезар уходят рыбачить и остаются в море несколько дней кряду. Иногда они заходят в порт на главной земле, чтобы заправить баки, и тоже остаются там на несколько дней. Они могут отсутствовать неделю или даже больше.

- И вы не знаете, куда они отправились в этот раз?

- Нет, - ответила она. Однако Гарри заметил, что она обеспокоена. С ними поехал Вико. И, видимо, Мария, так же как и Гарри, подумала, что он мог прихватить с собой в эту поездку? Может быть, пять полностью экипированных виндсерферов, чтобы продать их где-нибудь на Лазурном берегу Франции?

- Есть человек, знающий, куда отправились ваши братья?

- Рыбаки все знают друг о друге, - проговорила она. - Вы можете поспрашивать в доках. Но вам все равно ничего не скажут.

- Да, - вздохнул Гарри. - Спасибо за помощь, но как я понимаю, мне, наверное, стоит попытаться.

Мария колебалась. С любопытством разглядывала его.

Потом спросила, не хочет ли он выпить стакан воды. Гарри ответил, что был бы очень рад. Она предложила ему сесть в тени на веранде под виноградной лозой. А сама вошла в дом и принесла стакан воды.

- Ого, - воскликнул Гарри, сделав несколько глотков, - что за необыкновенная вода?

- Она из колодца на ферме моего деда, - Мария выглядела очень довольной, - на другой стороне за Сан-Хуаном. Это лучшая вода на острове.

- Да, просто замечательная. Спасибо. - Он допил стакан, поставил его на перила и встал.

- Мои братья не попадут в беду? - спросила Мария.

- Насколько я знаю, нет, - ответил Гарри - Но если они контрабандой вывозят из Испании украденные товары, то у них могут быть неприятности.

- Вы думаете, Вико украл эти доски и использует моих братьев, чтобы куда-то их доставить?

- Похоже на это, - согласился Гарри.

- Подождите минутку, - попросила она. - Братья могут привезти контрабандой немного виски или сигарет, как и все рыбаки. На этих островах контрабандой промышляют столетиями. Но мои братья никогда не станут заниматься перевозкой краденых товаров.

- Наверно, они не знают, что эти доски краденые, - заметил Гарри. - Наверно, они везут их для Вико как обычный груз.

Мария с минуту подумала, потом вошла в дом. Через мгновение она вышла в черной косынке, накинутой на волосы, и в шали, закрывающей плечи.

- Я пойду с вами и поговорю с мужчинами в доках. Иначе вы ничего не добьетесь от них. Кто-нибудь наверняка знает, куда отправились мои братья

10. ПОЛЕТ В ПАРИЖ

Во время полета в Париж Ракель немного рассказала о себе. Она говорила, что родители у нее невысокого роста, а она, единственная дочь, выросла до пяти футов девяти дюймов и получилась самой высокой в семье почти за сто лет. Она ходила в школу в Уокегене, штат Иллинойс, и живо описывала, какие у них там бывают холодные зимы и как однажды в феврале одичалые соседские собаки начали сбиваться в стаи и покусали случайного доставщика посылок. Она рассказывала, как ее отец, священник англиканской церкви, превратился в рабочего, ремонтирующего жатки фирмы "Маккормик", когда вся его конгрегация, двадцать три семьи, переехала из Литтл Доркинга в Гемпшире на Гавайи.

Мы развлекали друг друга наполовину выдуманными рассказами и двусмысленными взглядами, а самолет устало тащился на восток над гофрированной серой Атлантикой. Солнце ушло за горизонт, и начали показывать кино. Комедию, в которой Джордж Берне играл Тамерлана. Я надолго погрузился в раздумья, вспоминая лица в толпе провожающих и задаваясь вопросом, не заметил ли я среди них вчерашнего представительного мужчину.

Немного позже кино кончилось, и стюардессы принесли кофе. Ракель заснула, едва опустив чашку на пластмассовый поднос, выданный пассажирам. Я отставил его в сторону и тоже уснул. Проснулся я, когда прозвучало объявление "застегните ремни безопасности". Мы делали последний заход на посадку в аэропорту де Голля.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

11. ПРИБЫТИЕ В ПАРИЖ

На Ракель все производило огромное впечатление, особенно, что все говорят по-французски и выглядят иностранцами. Что касается меня, то я чувствовал себя так, будто вернулся домой. У меня был мой собственный Париж. Рю Муфлетар, рю дю Ба, рю дю Синь. Кафе вдоль Сен-Жермен-де-Пре с их накрахмаленными белыми льняными скатертями, отражавшимися в чередке янтарных зеркал. Одетые в смокинги официанты скользили среди хрустальных канделябров, и все купалось в розовом сиянии Бель Эпок. Таинственные каменные ландшафты Шателе-ле-Алль, хай-фай секция в моем любимом магазине на Монпарнасе. Ресторан "Текс-Мекс" в узорно выложенном камнями дворе под студней танца на рю дю Тампль. Американская библиотека недалеко от Эйфелевой башни. Магазин научной фантастики на бульваре Сен-Жак.

Мы прошли таможенную и пограничный контроль. Вежливый французский полицейский чиновник с безразличной благожелательностью проштамповал наши паспорта: ваши бумаги в порядке, вы - в Париже. Все идет как надо.

Такси в городе очень дорого, но какого черта, это же деньги Ракель. Я назвал таксисту адрес в седьмом округе. Французский мой подзаржавел, но я благополучно справился. Французы достаточно интеллигентный народ, чтобы понимать почти любую вашу попытку заговорить на их языке. Конечно, водитель оказался алжирцем, звали его Могаммед бен-Амук, так что, возможно, с тех пор, как я жил здесь последний раз, мало что изменилось.

Дорога в Париж из аэропорта де Голля была знакомой и успокаивающей. Две полосы современного бетонного шоссе шли мимо одинаковых полей и домиков фермеров. Вот уже главное шоссе стало впитывать в себя артериальные дороги, мы приближались к Порт де ля Шапель и въехали на кольцевую дорогу, идущую вокруг Парижа.

Было еще утро Я планировал, что сначала мы все разузнаем у моего старого приятеля Руса. Рус, довольно светлокожий негр с Карибских островов, то ли с Ямайки, то ли с Барбадоса. С годами меняются его истории о своей судьбе Вот как Рус об этом рассказывает. Еще мальчишкой он ухитрился перебраться в Америку Какое-то время жил в Кей-Уэсте и Майами Во время второй мировой войны ему удалось поступить на службу в армию. Он пережил высадку в Нормандии и демобилизовался уже в Париже. Там встретил девушку, Розмари, хорошенькую блондинку из Дании, которая изучала историю искусств. Они поженились. После этого Рус никогда не покидал Францию, за исключением летнего отпуска на Ибисе. По моему скромному мнению, датские девушки становятся самыми лучшими женами для мужчин любой национальности. Розмари говорила по-английски лучше, чем Рус, и с заметным акцентом Нью-Джерси Но если как следует прислушаться, можно заметить, что в звуке "th" у нее проступает твердое "д", рудимент произношения родного языка.

Такси влилось в движение на бульваре Сен-Жермен и сделало правый поворот на рю де Бельшас.

- Ну-ну, - сказала Розмари, когда, открыв дверь, увидела меня, - смотри-ка, кота тянет домой. Перерыв между двумя рюмками тянулся слишком долго, да, Хоб?

Она провела нас через крохотную кухоньку.

Квартира у Руса темная, малюсенькая и заставлена мебелью. На королевского размера постели лежало яркое мексиканское одеяло, днем кровать служила кушеткой. Недалеко от нее поблескивал медный, украшенный орнаментом стол из Марокко с высоким медным кальяном на нем. В углу виднелся маленький чертежный стол с лампой на гибкой ножке, на котором Рус делал свои рисунки. И рядом с ним радиоприемник. На стенах висело несколько оригинальных набросков, работы друзей Руса. В комнате стоял устойчивый домашний запах вина, хорошего табака и воскресного ростбифа.

С тех пор как я видел ее последний раз, Розмари стала полнее, но все еще была очень привлекательной леди. Пышной, с открытым лицом, и хотя льняные волосы немного начали седеть, улыбка оставалась такой же сердечной, как всегда.

- Розмари, я хотел бы познакомить тебя с моей клиенткой, мисс Ракель Старр, - сказал я.

- Привет, - улыбнулась Розмари, - любой клиент Хоба Дракониана - мой друг. Как поживает твое детективное агентство, Хоб?

- Я здесь как раз по делам агентства, - объяснил я. - И всем моим друзьям предстоит поучаствовать в расследовании.

- По правде, это не очень большое расследование, - вмешалась Ракель. - Большое я не могу себе позволить. Хотя, наверно, мы можем рассчитывать на гонорар в конце, если все пойдет как надо.

- Никто и не ждет какой-либо прибыли от агентства, - заметила Розмари. - Зато оно дает нам пищу для разговоров

Рус и Розмари жили в маленькой квартире в доме номер шесть на рю де Бельшас, недалеко от Дворца Инвалидов и Палаты Депутатов. Это была одна из тех парижских квартир, где арендная плата контролируется городом. Такие квартиры, словно в поощрение тем, кто не переезжает, существуют и теперь, даже в районах, где обычная плата неимоверно высока. Ходили слухи, что в этом здании жила сама Лесли Карон, хотя на самом деле никто ее не видел.

Рус остался таким же, как всегда. Огромный добродушный мужчина с большими маслянистыми глазами цвета жженого сахара. Он горбился над своей чертежной доской в углу гостиной, весь день рисуя карикатуры под аккомпанемент джазового шепота из своего приемника. Он встал, приветствуя меня, и заключил в жаркое объятие, каким обмениваются изгнанники, жившие когда-то на Ибице.

Мы сели и за парой кружек пива "Стелла д'Артуа" обсудили старые и новые времена. Рус был средоточием новостей и сведений об Ибице и ее далеко разлетевшихся изгнанниках. Рус и Розмари каждое воскресенье устраивали открытый дом, французы это называют "приход на одну порцию". А Рус, ловкий и изобретательный повар, прославился своей миниатюрной мексиканской пиццей и пороссячьими ребрышками.

Рус и я знали Алекса в былые дни на Ибице. В то время он был молодым адвокатом, решившим на время забросить карьеру, почувствовав вкус к "дольче вита" <Сладкая жизнь (итал.)> в стиле Ибицы. Немного позже он вернулся к своей практике в Вашингтоне, округ Колумбия. Это последняя новость, какую я о нем слышал.

От Ракель я узнал, что в недавнее время Алекс работал в "Селунн Групп", компании, занимающейся созданием всевозможных фондов для различных целей. Некоторые из этих фондов были законные. В этот период Алекс и встретился с Ракель. Они планировали вместе поехать в Европу, Алекс отправился первым. С

группой "Проклятые монстры" он играл в Париже. Для него это было что-то вроде хобби. Алекс любил парижскую дешевую музыкальную сцену. Вскоре после приезда он исчез.

Рус давно уже ничего не слышал об Алексе, и тот не выходил на Руса после того, как снова появился в Париже.

Начинать поиски придется с музыкального ансамбля Они играли в кафе "Эль Манго Энкантадо", на рю Грегори Ланжевен, недалеко от Центра Помпиду. Розмари, у которой французский гораздо лучше моего, заказала мне комнату в одном из моих любимейших маленьких отелей, в "Синь", на рю дю Синь, рядом с Бебором. А для Ракель мы заказали отдельный номер в "Крийоне", знаменитом шикарном отеле. Несмотря на ограниченность в средствах, она делала все правильно. Ведь первый приезд в Париж надо провести с роскошью. Отель близко к Лувру, пояснила она мне. Там она собиралась коротать время, пока я буду искать Алекса.

12. "ЭЛЬ МАНГО ЭНКАНТАДО"

Ракель и я идем на восток по бульвару Сен-Жермен, потом на север по бульвару Сен-Мишель, переходим Сену по мосту Сен-Мишель и пересекаем остров Сите, на минутку останавливаемся, чтобы посмотреть на Нотр-Дам, и затем попадаем на Севастопольский бульвар на правом берегу Сены.

"Эль Манго Энкантадо" - один из южноамериканских кафе-ресторанов, недавно открытых, чтобы обслуживать бесчисленное множество южноамериканских студентов и беженцев, которые стали частью образа современного Парижа. Маленькое, тускло освещенное помещение, где можно со стаканом вина просидеть весь день. Рядом Бебор, величайший музей искусства, и библиотека, основанная Помпиду <Хоб имеет в виду Жоржа Помпиду, в 1962 - 1968 гг, премьер-министра, в 1969 - 1974 гг, президента Франции.>. Это очень смешанный район, соединение древности и модерна, или, говоря словами Бодрийяра, гипермодерн.

Музыкальный ансамбль как раз устраивался на сцене. Лидер, Марчелло, мне его показали, курчавый уругваец, играет на фортепиано. Я спросил, можно ли угостить его.

За бокалом чинзано Марчелло сказал, что Алекс обычно останавливался в квартире на бульваре Огюст-Бланки в тринадцатом округе.

- Вы знаете тринадцатый? - спросил он. - Там есть большая торговая аллея на площади Италии. Обычно мы встречались с Алексом в ресторане, он называется "Рочес". Алекс всегда опаздывал. Я ждал его, гулял по торговой аллее, разглядывал старых дам с собачками, пил аперитив. Но так получилось, что я не видел Алекса в последний раз, когда он приехал из Амстердама. Хотя с ним был Хуанито. Эй, Хуанито, можешь что-нибудь сказать этому парню об Алексе?

Хуанито, барабанщик, маленький, широкогрудый, с чертами индейца, в очках с тяжелой роговой оправой, был сыном чилийского дипломата до прихода к власти Пиночета.

- Конечно. Когда он приехал из Амстердама, я встретил его на Северном вокзале. Мы пошли вместе на ленч в кафе "Транкилите" на рю Симон-ле-Фран. Вы знаете это место, недалеко от площади Непорочных, где околачиваются торговцы наркотиками?

Я знал это место. Студенты, изучающие искусство в Беборе, часто рисуют там. И, конечно, туристы. Эти улицы закрыты для движения транспорта, хотя иногда там появляются случайные машины и, будто гиппопотам, идущий на цыпочках среди тюльпанов, прокладывают себе путь в толпе.

- По-моему, Алекс кого-то ждал, - продолжал Хуанито. - Он почти каждую минуту опускал газету и смотрел то вправо, то влево. Потом к нему подошел какой-то парень, я прежде его не видел, что-то прошептал и ушел.

После этого Алекс извинился и сказал, что должен кого-то повидать. Я никогда раньше не видел, чтобы Алекс так себя вел. В тот полдень мне нечего было делать, и я пошел за ним.

Он направился к Голденбергу по рю Вей-де-Тампль. Это такое место, где можно найти кошерную переваренную говядину с хреном, как в Нью-Йорке или Варшаве. Я не хотел, чтобы Алекс заметил, что я за ним слежу, так как он немного помешан на такого рода вещах. В одной из еврейских лавочек я купил фалафель, знаете, такой сандвич, и стал ждать. Я очень удивлялся, потому что, по правде говоря, это место не во вкусе Алекса. Он чаще всего ходит в такие забегаловки, как салун "Крейзи Хорс" или "Текс-Мекс" на бульваре Монпарнас. И он любит пить чай в кафе "Де Маго" на Сен-Жермен. Это то кафе, где Сартр обычно устраивал свои знаменитые ссоры с Симоной де Бовуар <Жан-Поль Сартр (1915 - 1980) - французский писатель, философ и публицист, основоположник французского экзистенциализма. Идеолог леворадикального экстремизма. В 1964 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе, от которой он отказался. Симона де Бовуар 1908 - 1986) - французская писательница, жена Сартра.>.

Замечание Хуанито о "Де Маго" напомнило мне историю, которую рассказывала одна американская девушка, о том, как она встретила Жан-Поля Сартра.

Она говорила, что специально зашла пить коку в "Де Маго", потому что это такое знаменитое место, и узнала Сартра, так как видела его расплывчатый портрет на обложке одного из американских изданий его книги "Бытие и ничто". Она говорила, что он выглядел как жаба, одетая в черное, но все равно красивый.

Девушка была из Калифорнии, и подойти к его столу попросить автограф - для нее привычное дело. Сартр пригласил ее присоединиться к нему и мисс де Бовуар. Моя приятельница рассказывала, что ей не хотелось огорчать мисс де Бовуар, что безусловно бы случилось, если бы она под села к их столику. Она судила по

мученическому выражению ее лица, которое появилось, едва Сартр пригласил девушку. Но какого черта, ведь это будет анекдот мирового класса, а мистер Сартр и его подруга, вероятно, все время сталкиваются с такими эпизодами. Она села, Сартр угостил ее кокой и все спрашивал, весело ли она проводит время в Париже, а сам шупал ее под столом. Моя приятельница подумала, что он по-своему милый, и решила посидеть подольше в этом кафе, чтобы повеселить его. А у нее будет анекдот супермирового класса. На самом деле она не была такой крутой, какой хотела выглядеть. Просто ей иногда нравилось пугать себя.

Ее история имела для меня потрясающее значение. Это то, что я называю человеческой стороной философии.

Между тем Хуанито продолжал:

- Алекс вышел от Голденберга и поймал такси. Я немедленно взял следующее. Это был день, созданный для наблюдения "Следуйте за тем такси!" - сказал я водителю. "За преследование с вас плюс двадцать франков", - буркнул таксист, отъезжая от обочины. Он решил познакомить меня с местными правилами. "Идет!" - согласился я, и мы поехали. Мы держались за Алексом до кафе "Монпарнас". Там я его потерял. Вот и все, что я могу вам рассказать.

Я поблагодарил Хуанито и спросил Марчелло, не знает ли он кого-нибудь еще, с кем я мог бы поговорить об Алексе.

- Конечно, - тут же откликнулся Марчелло. - Человек, который обязательно поддерживает с ним контакт, это Джерард Кловис.

- Кто это? - спросил я.

- Кинорежиссер. Вы, конечно, слышали о нем.

- Ох, это Жерар Клови, - понял я.

- Правда, за пределами Франции он не так известен, но здесь у него большой авторитет. Как говорят, Кловис пошел выше там, где Годар <Жан-Люк Годар - французский кинорежиссер, представитель "новой волны"> остановился.

- А что у него общего с Алексом?

- Я думал, вы знаете. Алекс у него работает.

- В качестве кого?

- Актера. Алекс и Кловис встретились на вечеринке, и Кловис решил, что Алекс в совершенстве подходит для его нового фильма.

13. APHE

Мне не потребовалось много времени, чтобы узнать, что Жерар Клови работает на киностудии "Гомон" в северной части Парижа. Я позвонил из телефонной будки

на углу улицы. Никто не ответил. Я забыл, что было время ленча - священный час для Парижа. Тогда я решил поспрашивать в залах Бебора. Это территория Алекса. Город внутри города.

Я оставил Рабель в кафе недалеко от входа в Бебор, где она могла видеть пожирателей огня и стекла, дававших представление перед фасадом музея в чуть опущенном ниже уровня улицы и выложенном плиткой дворе. Она планировала поехать в кафе, потом провести несколько часов в Беборе, чтобы посмотреть выставку Дали <Сальвадор Дали (1904 - 1989) - испанский художник-сюрреалист>, и затем вернуться в свой отель. Я обещал ей, что позвоню туда.

Приятно гулять по Парижу в солнечный июньский день по улицам, полным туристов и влюбленных. Я зашел на ленч в "Диск Блэ", студенческое кафе на рю Рамбюто. Луковый суп сам по себе хорошая еда, а я дополнил его сэндвичем - паштет из индейки на хрустящем французском хлебе. В заключение кофе со сливками - и я продолжил свою прогулку.

Миновал Ле Эспас Балтар, где строился новый спортивный комплекс, затем Форум де Алль и так дошагал до фонтана Непорочных, вокруг которого африканцы в вышитых шапочках продают кожаные барабаны и медные украшения. У этой части Парижа всегда карнавальная вид. Потом я заметил мима, который работал, окруженный толпой, понаблюдал за ним с минуту и вспомнил, что знаю его.

У Арне, мима, классическое набеленное лицо Марселя Марсо <Марсель Марсо (р. 1923) - французский актер-мим, создал лирический образ Бипа с традиционным гримом.>, черные линии от лба к щекам и вокруг глаз, раскрашенный, как бутон розы, рот. Он использовал простой, но эффективный прием. Когда мимо проходили люди, погруженные в разговор, он сзади подстраивался к их шагу и повторял каждое движение, подчеркивая и преувеличивая его. Делал он это с юмором, но без злобы. Когда люди, которых он пародировал, понимали, что он идет сзади, Арне устраивал немой спектакль, приглашая их следовать за ним. Иногда он так собирал человек пять-десять, шедших за ним, как в латиноамериканском танце конга, и имитировавших все его движения. Арне очень хороший мим, и, когда он протягивал шляпу, зрители не скупилась. Он умел делать веселые представления, этот датчанин. На вид ему было лет тридцать с небольшим, маленький, просто клубок мышц, он двигался с грацией танцора.

Он заметил меня, подошел и сел за мой столик на тротуаре. Мы обменялись "са ва", мол, как жизнь. Я заказал чинзано, он попросил лимонад.

- Так ты снова приехал, - сказал Арне. - Хоб, ты считаешь, это разумно?

- Брось, - возразил я. - Та история случилась много лет назад. И не по моей вине.

- Впрочем, это не мое дело. - Арне пожал плечами, привычка, подхваченная им во Франции. - Что ты здесь делаешь?

- Пытаюсь найти парня, - ответил я. - Ты тоже его знаешь по тем временам на Ибице. Алекса Синклера.

- Да, он бывал здесь. Но я не видел его несколько недель, может, дольше.

- Ты знаешь кинорежиссера по имени Жерар Клови?

- Конечно. Люди говорят, он новый Феллини.

- Я слышал, что Алекс играет в одном из его фильмов.

Арне вскинул брови. Еще одна французская привычка, которую он приобрел здесь. Бусинки пота бежали по его белому лицу и скатывались на голубую банданну, узлом завязанную на шее.

- Да, - подтвердил он. - Алекс снимается у Клови. Возможно, "играет" - слишком сильное определение того, что надо Клови. Он любит создавать ситуации и без подготовки бросать туда людей. Иногда он дает определенное направление и ход действия одному-двум актерам. Но всем - никогда. И он не раскрывает, кто идет по заданному направлению, а кто, как предполагается, должен свободно импровизировать.

- Я никаких подробностей о нем не слышал, - признался я.

- Здесь, во Франции, он считается Эриком Сати <Эрик Сати (1866 - 1925) - французский композитор> кинематографии.

- Это и правда так хорошо?

- Для Франции действительно очень хорошо.

- Симпатичный парень?

- По-своему. Саркастичный, непредсказуемый и любит сюрпризы. Вроде Феллини выходит на улицы с камерами и своей командой. Делает "Синема Веритэ" <Кино правды, одно из направлений европейского кино 60-х годов>. Сюжет фальшивый, но лица реальные.

- Не знаешь, о чем это кино?

- Никто не знает, даже Клови. Он любит работать свободно. Не планируя, не продумывая, спонтанно. Для Клови самое большое очарование в экспромте. С самого начала он выступал против культа актера и против системы Станиславского. Фактически он полностью против создания актером образа, против любого идеала. Ему нужно кино ансамбля, коллаж из лиц, движений и последовательности сцен.

- Когда он начинает снимать?

- Наверно, через неделю. Ты хотел бы встретиться с ним? Приходи завтра на репетицию, я представлю тебя. Клови любит иностранцев.

Мы договорились о времени встречи в кафе "Непорочных". Я заплатил за выпивку и вернулся в отель.

Я заметил, что частные детективы в романах склонны к гораздо большей активности, чем их коллеги в реальной жизни. Полагаю, что в тот день я должен был бы провести еще несколько расследований. Но откровенно говоря, я устал и лег спать.

14. ТОНИ РОМАНЬЯ

В тот вечер, когда я вышел из отеля, чтобы встретиться с Ракель, я увидел его снова. В этом просто не могло быть сомнений. Та же представительность, темно-синий костюм, ярко-красная гардения в петлице пиджака, круглое загорелое добродушное лицо. Тот же человек, что следил за мной в Снаффс-Лендинге, был теперь здесь, в Париже.

Парень остановился недалеко от входа в магазин и доставал сигару.

- Ну-ну, какой маленький мир, не правда ли? - спросил я его.

Он намеренно долго раскуривал сигару, потом окинул меня холодным взглядом.

- Мы, прежде встречались? - спросил он на хорошем английском с выговором жителя Нью-Джерси.

- Скорей всего нет, - ответил я. - Но, уверен, вы меня знаете.

- Почему? - Он выглядел удивленным

- Потому что вы следили за мной в Штатах и следите за мной здесь.

- Совпадение, - проговорил он, глядя прямо на меня и усмехаясь. Он словно сообщал мне всем своим видом: "Разумеется, я слежу за вами, и что вы собираетесь с этим делать?"

- Всего лишь облегчить вам работу, - ответил я на немой вопрос. - Меня зовут Хобарт Дракониан, и я остановился здесь недалеко, в отеле "Синь" на рю дю Синь. Вероятно, вы уже это знаете, но я решил подтвердить, что вы на правильном пути.

- Очень любезно с вашей стороны, мистер Дракониан. Я Тони Романья. - Он продолжал улыбаться.

- Чем вы занимаетесь, Тони? - спросил я.

- Я инвестор.

- Могу я узнать, инвестор чего и куда?

- Вы мне нравитесь, - засмеялся он. - По-моему, у нас с вами все будет в порядке. Но это неважно. У меня есть интересы в Лас-Вегасе, Майами и в Атлантик-Сити. Здесь, в Париже, я в небольшом отпуске. Кроме того, присматриваю за интересами друга,

- Какого друга? Почему вы следите за мной? Или это Ракель?

- Мне нравится ваш подход к делу, - заметил Тони. - Не устраиваете песен и плясок, мол, вы совсем не испугались. Сказать вам одну вещь? Я собираюсь дать вам маленький совет.

- Я готов, - живо откликнулся я, ввязываясь во что-то неизвестное.

- В этом городе лучший итальянский ресторан "Дольче Вита" на авеню де Терн. Скажите там, что вас прислал Тони Романья. Поняли?

Я кивнул, удивленный. Тони подмигнул, повернулся и, налетев на урну, чуть не потерял равновесие. Он оглянулся, еще раз кивнул мне, а потом зашагал по улице и скрылся из вида. Я посмотрел ему вслед и решил, что самое время выпить.

У Романьи я заметил одну смешную вещь. Принято считать, что толстяки намного шустрее, чем кажутся. Поэтому нас даже удивляет, когда они действительно неуклюжи. Народные приметы редко вводят в заблуждение. Вот и Романья, если и был неуклюж, то не в том смысле, что способен грохнуться вверх тормашками, чересчур сильно наклонившись в одну сторону. Нет, вы тотчас же обращали внимание, что в его неуклюжести не было ничего непродуманного, никаких нескладных движений. В его осторожной неловкости чувствовалось мастерство, умысел, внушающий опасение. Что-то жуткое можно было прочесть и в его глазах. Темные, сверкающие, зелено-желтые, невероятно внимательные. Нечеловеческие глаза существа, - которое ничего не выпускает из рассмотрения. В каждом движении Романьи присутствовал точный расчет. И в его покачивающейся походке я ощутил мрачную ясность рассудка, что еще больше подтверждало мои опасения, потому что это была явная пародия. Все, вместе с маленьким подбородком и небольшим крепко сжатым ртом, придавало ему скорее зловещий, чем слабый вид. У Романьи была гладкая розовая внешность толстого человека, но под внешним слоем здоровья чувствовалась трупная бледность, словно он симулировал само здоровье.

Теперь я понимал, что Романья, вероятно, лучший мим, чем Арне. Он изображал гротескного мафиози из Нью-Джерси, чтобы под шутливым покровом спрятать свои истинные цели. Если только их он тоже не симулировал.

Несколько часов спустя Ракель нашла меня в "Нью-Йорк Гарри", недалеко от "Гранд-Опера" Бар "Гарри" - темное полированное дерево и американские голоса. Это такого рода заведение, где до тех пор терпят вдрабадан пьяных, пока они не начинают приставать к другим посетителям. Я был очень спокойным пьяным. Они, наверно, подумали, что я сбрендил, когда попросил sake. Но японская водка действует на меня как психоделическое снадобье, и я знал, что трудно предаваться тревожным мыслям, когда ты до краев полон этой штуковиной.

- Вы пьяны, - сказала Ракель.

- Никто не совершенен, - возразил я.

- Вы узнали что-нибудь о том типе, который, как вы говорили, следил за вами?

- Его зовут Тони Романья.

- Почему он следит за вами?

- Мистер Романья, кажется, не собирался просветить меня на этот счет. Мистер Романья сказал, что он приехал в Париж, чтобы насладиться коротким отпуском и понаблюдать за интересами друга. Что-нибудь из этого имеет для вас значение?

- Это не может иметь отношения ко мне, - покачала она головой.

- А к Алексу?

- Откуда мне знать? Этот Романья не сказал, чего ему надо?

- Ни звука.

- Что мы должны теперь делать? - спросила Ракель, нахмурившись и нежно закусив нижнюю губку.

- Идти обедать, - сообщил я, - в "Дольче Вита" на авеню де Терн. Романья сказал, что это лучшая итальянская еда в Париже

- Великая новость, - фыркнула Ракель. - Ради Бога, я не для того в Париже, чтобы есть спагетти.

- Это единственная зацепка, какая у нас есть, - объяснил я. - Если, конечно, это та зацепка, которая нам нужна

Кстати, еда в "Дольче Вита" оказалась довольно вкусной, хотя на сей раз я избавлю вас от пересказа меню, упомяну только, что канеллони - трубочки из теста, начиненные мясом - были исключительные. Вечер, созданный для признаний. Однако никто не подошел к нашему столу, накрытому красной клетчатой скатертью, не наклонился над свечой, отражавшейся в бутылке кьянти, и не предложил "Я хочу рассказать вам сказку". Впрочем, нечего было сказать друг другу и нам. Ракель казалась озабоченной и подавленной. Она весь вечер явно нервничала и время от времени грызла заусеницы на левом мизинце.

Мы вышли примерно полдевятого и сели в разные такси, потому что они везли нас в разные стороны. Ракель в "Крийон" на площадь Согласия, меня на остаток вечера в кафе, а затем в "Синь" и в постель.

15. КЛОВИ

Когда я вышел из отеля, направляясь на сбор съемочной группы в студию "Гомон" на верху Монмартра, стояло яркое прекрасное утро. Я решил, что надо побережь деньги Ракель, и поэтому вместо такси спустился в метро на станции "Шатле", проехал в вагоне второго класса до "Опера", там сделал пересадку, а затем еще одну на вокзале Сен-Лазар и, наконец, поднялся на поверхность на "Ламарк Коленкур".

Идя по улице Коленкур, я на минутку остановился, чтобы полюбоваться красивой базиликой Сакре-Кер, и потом зашагал ко входу в старую студию "Гомон". Как я слышал, самую старую в Европе.

Снаружи здание студии напоминало что-то среднее между крепостью и складом товаров. Оно стояло на вершине холма. Вы оставляете тенистую аллею бульвара и взбираетесь по чередующимся ступенкам к стальной сетке моста для пешеходов, нависающего над собственностью "Гомон".

Клерк спросил у меня фамилию и рассказал, где должен быть сбор съемочной группы. Я долго шел по коридорам, в которых эхом отдавались мои шаги, миновал занятых техников, совершавших таинственные манипуляции с бобинами пленки, и наконец попал туда, куда, как предполагалось, я и шел.

Или по крайней мере я думал, что попал туда, куда, как предполагалось, шел. Я стоял на огромной глубокой сцене, которую освещали низкие прожекторы. Занавеси кулис были отодвинуты, и там виднелись разбросанные декорации и реквизит: дверь собора в натуральную величину, нарисованный деревенский луг с рекой позади, кафе с настоящими стульями и цинковым баром на переднем плане.

Когда я пересекал сцену, над головой возник луч прожектора, "поймал" меня и вел до тех пор, пока в конце сцены к нему не присоединился второй луч.

Каким-то образом я почувствовал, что мне брошен вызов, поэтому вернулся на середину сцены и поклонился. Прожекторы светили мне в лицо, и я не мог решить, есть ли кто-нибудь вокруг. Но я предполагал, что кто-нибудь услышит меня.

- Мсье и мадам, - начал я, - большое спасибо, это такое удовольствие веселить вас. А как насчет дружных аплодисментов оркестру?

Из темного зала донесся звук аплодисментов, хлопал один человек. Включился обычный свет, прожекторы потухли. В зале и правда сидел один человек. Он встал и направился к сцене. Медленно, нарочито театральным шагом.

Когда он поднялся на сцену, я увидел, что он одет в синий блейзер с белым свитером под ним. Ему было, наверно, лет сорок. Высокий мужчина с подчеркнутым интеллигентным видом. Мне не надо было его представлять - я знал, что это и есть знаменитый Жерар Клови, инфант террибль или, если хотите, шалопай французского кино.

- Отлично, - сказал он. - Вы американец? Поздравляю вас с вашим показом замешательства. Мне особенно понравилось, как вы зацепились за электрический кабель. На вашем лице присутствует выражение мужской наивности, что характеризует вас как очень доверчивого парня. Короче говоря, вы совершенный тип, который может родиться лишь в голове достопочтенного Джима Томпсона.

- Кого? - спросил я.

Нижняя губа Клови изогнулась в неопишимо насмешливой гримасе печали.

- Вы даже не знаете работ лучшего американского автора детективов, знаменитого Джима Томпсона?

Я мгновенно почувствовал к Клови неприязнь вместе с осторожным восхищением его наглостью.

- Нет, я не знаю Джима Томпсона, - подтвердил я. - Я пытаюсь найти следы моего друга, который исчез. Мне сказали, что вы наняли его для вашей картины.

- Как его фамилия?

- Алекс Синклер. Американец.

- Ах, конечно, - лицо Клови просветлело, - мое новейшее открытие. Он само совершенство. Вы принесли мне новости от него?

- Я надеялся, что вы знаете, где он.

- Он начал у меня работать несколько недель назад. На прошлой неделе он не пришел на репетицию. Он не отвечает на телефонные звонки. А я послезавтра начинаю съемки. Откровенно признаюсь, меня это очень беспокоит.

- Мне тоже печально это слышать. Я позвоню вам, когда что-нибудь узнаю.

Клови кивнул, но как-то рассеянно. Его мысли были уже далеко от Алекса. Потом он окинул меня пронизывающим взглядом.

- Могу я узнать ваше имя?

- Хобарт Дракониан.

- У вас есть, мистер Дракониан, какой-нибудь опыт актерской работы?

- Нет, боюсь, что нет. Актерская работа совсем не мой профиль.

- Превосходно. - Клови произнес "превосходно". - В этом бизнесе я презираю так называемых профессионалов.

Большие тупые лица и жующая дикция. Антонен Арто <Антонен Арто (1896 - 1948) - французский поэт, театральная Деятель, сюрреалист, создатель Театра абсурда, - старался возродить магическую функцию драматического зрелища> показал единственно верное направление. Я первый, кто пошел по этому пути. Мистер Дракониан, я бы хотел снять вас в своей картине.

- Вы очень добры, - ответил я, - но об этом не может быть и речи.

- Никогда не обвиняйте меня в доброте, - возразил Клови. - Меня называют прагматиком сверхъестественного. И почему об этом не может быть и речи? У вас на следующей неделе есть что-то более неотложное или важное, чем участие в фильме, который определенно войдет в историю кинематографа?

- Ну, понимаете, мне, конечно, хотелось бы, - проговорил я, - но я и правда должен найти Алекса. Это не только дружба, это работа

Клови задумался.

- Алекс дружил с моей командой операторов. Кто-то из них может что-то знать. И вам определенно надо поговорить с Иветт, девушкой, которая занимается сценарием.

- Прекрасно. Где я могу их найти?

- Это будет трудновато, - протянул Клови. - Они разбросаны по Парижу, в тех местах, где в данный момент я предполагаю вести съемки. Но вы встретитесь с ними, когда будете работать в моем фильме.

- Мистер Клови, я восхищаюсь вашей настойчивостью, но не собираюсь участвовать в вашей картине.

- Ну конечно, вы будете, - не отступал Клови. - Вы кажетесь мне рациональным человеком. Работа в моем фильме даст вам доступ ко всем последним парижским слухам. Вы встретите несколько человек, которые хорошо знают Алекса. Я сам буду помогать вам в вашем расследовании. И есть еще одно, над чем стоит подумать. Когда картина выйдет, какой-нибудь агент или продюсер увидит ваше лицо и сделает вам предложение дальнейшей работы. Это может стать для вас началом новой блестящей профессии.

- У меня уже есть профессия. Я занимаюсь расследованиями в международном масштабе.

- М-м-м, несомненно, но разве она столь блестящая? Мне пришлось признать справедливость его слов.

- Больше того, - продолжал Клови, - я плачу реальными деньгами, франками, которые вы сможете потратить здесь, в Париже, хотя бы на то, чтобы улучшить свой гардероб.

Это звучало как настоящее оскорбление. Правда, мои джинсы еще чуть-чуть - и превратятся в лохмотья, а голубая рабочая рубашка села, и я не могу застегнуть пуговицы на рукавах. Поэтому мне пришлось закатать манжеты, чтобы вежливый взгляд принял это за небрежность. И мои ботинки для прогулок по пустыне видали лучшие времена. Но все равно это не дает оснований так беспардонно меня оскорблять.

Что же касается моей карьеры в кино, то это была самая безумная идея, какую я слышал за долгое время. Такая безумная, что я просто оцепенел, услышав собственные слова.

- О'кей, вы меня уговорили. Когда приступать?

- Послезавтра я начинаю снимать. Мне надо, чтобы на рассвете вы были в бистро на углу бульвара Массена и Порт д'Итали. Ровно в семь.

- О'кей, босс, - сказал я, надеюсь, иронически.

16. НАПАДЕНИЕ

Я вернулся на метро в Шатле-ле-Алль. Там ниже уровня улицы есть кинотеатр, где показывают новые и экспериментальные фильмы. Я спустился к кассам и посмотрел программу, чтобы узнать, когда там появятся картины Клови. Оказалось, через неделю я смогу посмотреть целых два его фильма: "Плоть, желание и нищета", где снималась Симона Синьоре, и "Оранжевый закат" с Аленом Делоном. Свою новую профессию я начинаю в весьма хорошей компании.

Я встал на эскалатор, чтобы подняться на уровень улицы. Вот тогда-то это и случилось.

Парень спускался по эскалатору вниз. Высокий блондин, стриженный "ежиком", с загорелыми бицепсами и неестественно белыми зубами. На нем был жилет, как для серфинга, резиновые "вьетнамки" и гавайская рубашка. Вид не более бандитский, чем у любого другого в кинотеатре "Форум де Алль". И я тут же забыл о нем: Это было ошибкой.

Едва поравнявшись со мной, парень перепрыгнул через барьер между эскалаторами, едущими вверх и вниз, и набросился на меня с кулаками. Он что-то бормотал, однако в тот момент его слова плохо доходили до меня. Я был слишком увлечен поисками выхода из этой ситуации.

Как я уже говорил, я не из тех, кто в совершенстве владеет боевыми искусствами. И вообще я не очень верю в правильность силового решения проблем. Но все же, если люди настойчиво навязывают мне драку, я считаю вполне справедливым использование любой, в том числе самой неблагоприятной тактики.

Когда он прыгнул на меня, я выставил вперед обе руки, чтобы дать ему отпор, и потом пнул носком ботинка для прогулок по пустыне прямо в пах, или, как англичане говорят, в промежность, аккуратно попав в гениталии, спрятанные несколько в глубине. Точно, как учил меня в давние студенческие годы старый Лао Дзы в школе "пинков в пах" на острове Хоккайдо.

Парень рухнул головой вниз на ступеньки эскалатора, будто кастрированное животное. А я получил одобрительные аплодисменты от наблюдавшей публики, но тут же поспешно отступил. Потому что по Лао Дзы движение, следующее после "пинка в пах", - "отступление на полной скорости". В особенности если вы промахнулись и не попали в уязвимое место или наткнулись на правильно поставленную защиту. Отступление - всегда лучшая тактика после того, как вы ударили человека в пах, если, конечно, вы не намерены идти дальше и убить его. В таком случае лучше это сделать там же и тогда же до того, как противник придет в себя. Получившие "пинки в пах" мужчины после "воскрешения" всегда очень обижены и склонны к невероятной жестокости.

Какое удовольствие снова выйти на улицу. Вдруг до меня дошло, что я в Париже. Я был так сверхзанят Алексом, что забыл немедленно обдумать остроту моей нынешней ситуации. Я бродил по улицам, заполненным дружелюбными искателями удовольствий, иногда плечом к плечу с вездесущими французскими

полицейскими, которые попадались то здесь то там. Копы, как мы их называли, разгуливали парами, их короткие черные пелерины развевались на полуденном ветру. Со всех сторон меня окружали кафе - бесконечно цивилизованные учреждения. Некоторые пытались привить их в Соединенных Штатах. Результат получился весьма посредственным. Светловолосый студент колледжа, сообщаящий по дороге к столику: "Привет, я Харли", совсем не то, что профессиональный французский официант, поведение которого - сплошное достоинство, с обеих сторон на мили отдаленное от презрения.

Нет, атмосфера Парижа не поддается трансплантации. Если вы хотите создать в Срединнограде США точно такую же обстановку, как в вашем парижском кафе, то вам для начала нужно привезти туда пару марокканцев в длинных белых одеждах, передвигающихся от стола к столу и продающих сувенирные барабаны. И вам придется объяснять всем посетителям, что на самом деле никто не покупает сувенирные барабаны, потому что продавцы субсидируются мэрией для создания местного колорита.

Забавно, как мы всегда стараемся приобрести добродетели в очаровательном заграничном месте, то есть ТАМ, а использовать их ЗДЕСЬ, в скучном родном старом городе. Современная жизнь состоит из прозябания ЗДЕСЬ и импортирования самого важного из ТАМ: любви, моды, стиля жизни.

ЗДЕСЬ и ТАМ - вечные категории, которые никогда не будут отменены или включены одна в другую. Как бы далеко вы ни уехали, вы всегда живете ЗДЕСЬ. А место, куда вы хотите попасть, ТАМ, где любовь и приключения и культура. Но ТАМ недостижимо.

Когда вы физически перевозите себя из ЗДЕСЬ в ТАМ, возникает любопытное состояние. Первое время вам всюду сопутствует иллюзия, мол, наконец-то вы попали в ТАМ, где есть все хорошее. Вам даже удастся наслаждаться, однако очень недолго. В этот период ТАМ сохраняет в ваших глазах свои истинные качества и окружающее предстает во всей своей уникальности. Но постепенно зарождается загнивание непривычности, восприятие тускнеет, начинается привыкание. И скоро то, что вы видите, уже больше не очаровательное, а просто необычное. Слишком скоро. И ТАМ превращается в еще одно ЗДЕСЬ.

Но происходят и хорошие изменения ЗДЕСЬ, если вы надолго уезжали, приобретает качества ТАМ. Это случается автоматически. Точно так же, как, ТАМ превращается в ЗДЕСЬ, если вы становитесь его постоянным жителем.

ЗДЕСЬ и ТАМ. ВЫ и ОНО. Вечные категории, противоположности, борьба. ВЫ против ОНО. ВЫ завоевываете ОНО, которое становится ВАМИ, и ВЫ превращаетесь в ОНО... Вечные законы, по которым непривычное превращается в знакомое.

Я размышлял над этими и похожими вопросами, когда шел по тротуару внутреннего города, расположенного в центре Города Света. Для уточнения скажу, район, который я называю Шатле-ле-Алль, находится между рю де Риволи и рю

Этьен-Марсель, и дальше восток с западом связывает Севастопольский бульвар и рю дю Тампль. Этот миниатюрный город представляет собой гипермодерн, где древность и современность брошены в постоянное грубое сопоставление. На маленьком пространстве, не больше нескольких акров, удаленные друг от друга эпохи взаимопроникают друг в друга. Здесь перед вами разворачивается во всей красе главный музей современного искусства. Вокзал и станция метро, улица секс-шопов, фонтан, полный огнеглотателей и поедателей стекла (сурового вида джентльменов сопровождают их подружки, которые несут ланч и бутылку с бензином). Каменные фасады как древних, так и современных зданий соединены на различных уровнях. Есть открытые и закрытые пространства, и все они связаны воедино извивающейся бетонной стеной, которая проникает то здесь то там в древние дома. В этом квартале у латиноамериканцев есть свои кафе, места, где встречаются все вновь прибывшие беженцы. Это судьба современной Южной Америки. Они приезжают в Париж со своими песнями и со своей политикой. И ни одна волна не бывает последней. Здесь же вы встретите и других беженцев: из Магриба и Черной Африки, из Ирана и Арабских стран - отовсюду, где инакомыслие наказывается долгим тюремным заключением или смертью.

Погруженный в собственные мысли, я пообедал в маленьком ресторане на рю де Блан и вернулся к себе в номер. Сначала я планировал освежиться и выйти снова, чтобы насладиться ароматом ночного Парижа и, возможно, подцепить одну-две ниточки, ведущие к Алексу. Но потом решил лечь в постель и предаться меланхолии. Когда я нащупывал на стене выключатель, голос из глубины номера произнес:

- Не затрудняйтесь, старина, не надо света. В темноте гораздо уютнее.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

17. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ТУТ

Хотя голос ничего такого не сказал, я понял, что у его обладателя есть пистолет. Окажись я на его месте, я бы на всякий случай прихватил оружие. Поэтому я решил не делать резких движений и вообще ничего такого, что могло бы встревожить голос (хотя он звучал вполне спокойно) и вызвать преждевременную или, скажем так, ошибочную стрельбу. Кроме принятого решения, у меня в настоящий момент не оставалось никакого эффективного хода. Я уже закрыл за собой дверь. Бежать было некуда.

- Могу я сесть? - спросил я.

- Устраивайтесь поудобнее, - ответил голос. Он говорил по-английски, но с французским акцентом, как и следовало ожидать. Лунный свет струился через высокие с белыми шторами окна, рисуя на полу тропинку желтого цвета и создавая

во всей комнате призрачное освещение. Шкаф прижался к углу комнаты, словно сказочное чудовище. Из темноты выступало кресло, и я плюхнулся в него.

Выдержав подходящую паузу, я заговорил:

- О'кей, вы собираетесь сказать мне, что все это значит, или будем сидеть в темноте и молчать?

- Я действую в интересах некоторых моих друзей, - ответил голос.

- И как это надо понимать? - спросил я.

- В поле нашего внимания попало то обстоятельство, что вы ищете Алекса Синклера.

- Правильно, - подтвердил я.

- Вероятно, мои друзья могут помочь.

- Прекрасно. Я плачу за информацию. Передайте вашим друзьям, пусть они позвонят мне. Завтра утром лучшее время. Или, когда будете уходить, оставьте мне их телефон, я позвоню сам.

- По-моему, самое лучшее, если мы встретимся с ними прямо сейчас.

- Я был бы счастлив, - почти согласился я, - но фактически у меня через несколько минут назначено свидание. Почему бы нам не договориться о встрече? Ленч завтра - подходит? Я угощаю.

- Симпатичное предложение, мсье Об <Французский вариант произношения имени Хоб.>, но не подходит. Мои друзья настаивают - они хотят видеть вас сейчас. Вы пойдете тихо и культурно или предпочитаете устроить себе и мне неприятности?

- Это полностью зависит от того, вооружены вы или нет, - ответил я.

- Остерегайтесь ошибки, - предупредил голос, - я вооружен.

- Сказать легко, - возразил я. - Разве я должен верить вам на слово?

- Ладно, - фыркнул голос. - Включите свет.

Я выполнил распоряжение. При верхнем свете обнаружился мужчина средних лет и мрачного вида. Землистое лицо в следах оспы. Синяя щетина выступала из желтоватой кожи, будто иглы стальной щетки, проткнувшие серовато-зеленую простыню. Длинный черный плащ и черный котелок дополняли картину. Он выглядел как интеллектualan, загримированный под гангстера тридцатых годов. С таким маскарадом французы справляются очень хорошо. В правой руке зловеще мерцала синяя сталь автоматического пистолета.

- Принимаю на веру, что он заряжен, - буркнул я. - Есть такое понятие, как слишком далеко зашедшее доверие. Куда мы отправимся, и собираетесь ли вы тыкать в меня этой штукой на улице?

- Он будет у меня в кармане, - сказал мужчина, пряча пистолет. - Не заставляйте меня стрелять, иначе будут испорчены два пиджака, не говоря уже о вашем здоровье.

Итак, мы вышли в июньскую ночь.

Париж широко известен как город, вызывающий сильное сердечное волнение. Особенно когда вы идете по улице, а пистолет-упирается вам в ребра. Мысли о побеге носились у меня в мозгу, как маленькие серые кролики. Что помешает мне неожиданно рвануть, забежать в аллею, или в театр, или в бар, или в секс-шоп, или даже нырнуть в жандармерию, мимо которой мы как раз проходили? Я с сожалением отбросил эту мысль. Черные лебеди осторожности вернули мне здравый смысл. Любое внезапное движение могло вызвать у этого центуриона неизвестной мне вражеской армии приток адреналина в кровь и обострение соответствующих рефлексов. Если его настороженный палец лежит на спусковом крючке, то резкое движение с моей стороны может заставить его выстрелить раньше, чем он поймет, что этого делать не стоит. И, конечно, после этого он вполне мог скрыться, потому что в Париже никто не обращает внимания на шум, если он не такой громкий, как взрыв средних размеров бомбы, и не такой дробно-назойливый, как автоматная очередь.

Так я и шел. И пока я шел, я думал. Одно из преимуществ вечерней прогулки с пистолетом, упирающимся в ребра, в том, что она способствует истинно высокой оценке даже самых незначительных радостей. Таких, как появление на тротуаре старого друга с белым раскрашенным лицом, имитирующего походку прохожих.

- Привет, Арне, - бросил я, когда мы поравнялись с ним. Я надеялся, что он уловит в моем голосе ноту отчаяния.

Арне сделал преувеличенно низкий поклон, засунул правую руку в карман, подражая моему похитителю, и сбоку чуть позади пристроился к нам. Самое время разыгрывать дурака! Лицо Арне приняло озабоченно-злое выражение. Глаза бегали взад-вперед. Он в совершенстве изображал вороватую подозрительность, и моему похитителю это не понравилось. Он сделал угрожающий жест в сторону Арне. Арне с преувеличением повторил его.

Вот он, мой шанс. В те несколько мгновений, пока разыгрывается это двойное представление, я сумею улизнуть.

Или, вернее, я бы сумел улизнуть, если бы не заметил в толпе бесспорно представительную фигуру в темно-синем костюме с красной гвоздикой. Мистер Тони Романья.

Я решил, что тут слишком много загадок и будет лучше, если я немедленно разгадаю хотя бы одну из них.

- Уберите этот дурацкий пистолет, - бросил я своему похитителю. - Ведите, куда вам приказано меня доставить.

- Вы хотите сказать, что я могу доверять вам?

- Конечно.

Он иронически посмотрел на меня, но вынул правую руку из кармана.

- Знаете, мне говорили, что раньше вы были немного другим.

- Полагаю, что я совсем не изменился.

- О чем они не упомянули, так это о том, что вы ужасно глупый. Меня зовут Этьенн. Пошли, ребята уже заждались.

И мы зашагали дальше в ночь, полную тонкой иронии и легких прозрачных экстазов, в парижскую ночь звуков аккордеона и запахов жареных каштанов.

18. ЭТЬЕНН

Этьенн немного нервничал. Наверно, это было его первое похищение человека. Но он изо всех сил старался оставаться спокойным.

- Пошли, - бросил он, - мы возьмем такси. И не пытайся шутить со мной. У меня все еще есть пистолет.

Такси остановилось, мы сели, и Этьенн назвал водителю адрес в тринадцатом округе, недалеко от Порт д'Итали. Но только мы отъехали, как услышали с переднего пассажирского сиденья какое-то рычание. Оказалось, там сидит большой черный французский полицейский пудель. Он недоброжелательно смотрел на нас собачьими глазами, в которых сверкала готовность к нападению, и издавал пугающие звуки, как это делают собаки, когда оттягивают губы назад, обнажают зубы и становятся похожими на Кинг-Конга, схватившего жертву.

- Что с собакой? - спросил Этьенн.

- Наверно, - объяснил водитель, - у кого-то из вас, джентльмены, есть оружие.

Собака между тем довела себя до такой истерики, что у нее изо рта пошла пена. Шерсть встала дыбом, будто наэлектризованная, желтые капли, выглядевшие как средство для очистки ржавчины, сбегали с клыков, глаза вспыхивали то зеленым, то красным огнем, точно светофор дьявола.

Этьенн быстро принял решение и сказал:

- Да, у меня есть пистолет, и что дальше?

- Мне все равно, - ответил водитель и пожал плечами, - но собака, ей это не нравится.

- Вы не можете объяснить ей? Человек имеет право носить оружие, собаке до этого нет дела. Понимаете? - рассердился Этьенн.

- Это умная собака, мсье, - вступился за пуделя водитель. - Мне очень жаль, но я должен признать, что, хотя ваши доводы имеют смысл, ваш подход, в сущности,

несовершенен. Собаку нельзя осуждать. При всем ее очевидном упрямстве она абсолютно верно реагирует на требования беспощадной окружающей среды. Чтобы упростить дело, скажем так, собаке будет приятно, если вы осторожно положите свой пистолет на переднее сиденье. Я верну вам его в конце поездки, и все будут удовлетворены.

Этьенн так не считал, но ему нечего было возразить, особенно парижскому таксисту с полицейским пуделем.

Этьенн отодвинулся от ощетинившейся клинообразной собачьей головы, однако сверкающие дикие глаза все время следили за его рукой, и мягко положил пистолет на переднее сиденье. Он откинулся назад, но собака по-прежнему не спускала с него глаз.

Этьенн терпел сколько мог, но в конце концов не выдержал и спросил таксиста:

- Я все сделал, как вы предложили, она что, должна все время так смотреть на меня?

- Не обращайтесь внимания, мсье, - успокоил таксист. - Она ничего не имеет в виду, просто у нее такая манера.

Пока мы ехали по освещенным ночным улицам города парадоксов, Этьенн напряженно смотрел прямо перед собой и чуть покачивал головой. Я слышал, как он бормотал: "Долбанная собака, черт ее возьми. А как насчет этого?"

Наконец мы приехали по нужному адресу. Этьенн расплатился и получил назад свой пистолет. Мы стояли на тротуаре, а такси уехало.

Этьенн смотрел ему вслед даже тогда, когда машина скрылась из вида. Я еще немного подождал, потом спросил:

- Ну а сейчас что случилось?

- Не знаю. - Этьенн уставился на меня, как человек, только что пробудившийся ото сна или, может, только что погружившийся в сон.

- Что вы имеете в виду под "не знаю"?

- Я имею в виду, что не могу вспомнить адрес. Давайте пойдем выпьем. Мне надо прийти в себя

Мы нашли бистро недалеко от Тольбьяка. Там я взял Этьенну коньяк, а себе джину с апельсиновым соком. На самом деле Этьенн не забыл, куда мы идем. Просто он хотел таким образом выиграть немного времени, чтобы успокоиться и привести в порядок нервы.

В сигаретном дыму "галуазок" <"Галуаз" - популярные французские сигареты>, в бистро, наполненном смехом и звуками аккордеона, я немного узнал о нем. Он корсиканец, но в отличие от многих своих соплеменников не жестокий. Благодаря его внешности и репутации острова ему всегда дают задания вроде этого. Сам он

такого бы не выбрал, но, впрочем, у кого из нас большой выбор в подобных вопросах?

Мы миновали несколько домов на рю Массена, затем повернули налево на авеню де Шуази, прошли еще несколько домов и вступили в Чайнатаун, который расположен внутри этих кварталов. Позади ряда высоких домов, названных именами композиторов и художников - Пуччини, Пикассо, Рембрандт, Сезанн, - расползлись бесчисленные маленькие лавчонки и рестораны, где можно отведать вьетнамскую, лаосскую и камбоджийскую кухню Правда, там почти у всех блюд вкус, как в китайском ресторане, в особенности если добавить рыбьего жира. По соседству с ними маленькие рынки под открытым небом завалены овощами странных очертаний и невероятного цвета фруктами. А высокие современные здания заполнены "лодочным народом" (людьми, живущими в своих джонках на реках и в заливах Индокитая). В "высотки", как я слышал, французы помещают тех, кто имеет право требовать французское подданство, потому что раньше жили во французских колониях Говорят, что полиция держится в стороне от этого района. Индокитайцы (или есть какой-то другой общин родовой термин, каким их называют) сами себе полиция. Иногда тело падает с одного из верхних этажей, обычно жертва - игрок-неплательщик. В Чайнатауне это называется Правосудие небоскреба.

Мы прошли переулками к авеню д'Иври, миновали скопление забегаловок с восточной кухней и ресторанчиков, где подают кускус, алжирские и вообще арабские блюда. Потом Этьенн провел меня аллеей в узорно выложенный камнями двор. Двери квартир выходили на три стороны двора Мы направились к одной из них, и Этьенн постучал.

Дверь с размаху распахнулась. На пороге стояла фигура, освещенная со спины. И после десяти лет даже по силуэту я узнал Жан-Клода.

- Были какие-нибудь неприятности? - спросил Жан-Клод.

- Да, кое-какие, - ответил Этьенн - Но не по его вине.

- Входи, Об, - пригласил Жан-Клод - Нам нужно поговорить Я рад, что ты не пытался бежать.

- Ты мог бы не прибегать к театральным выходкам. Фактически я сам пытался найти тебя.

- Конечно, пытался, Об, - проговорил Жан-Клод - Проходи, садись.

Мы были в студии скульптора, среди материалов самого всевозможного рода: ведер с глиной и кусков мрамора разной величины. На стенах висели аккуратные коробки с инструментами, которыми пользуются скульпторы: кувалды, зубила, долота, всякие другие режущие и колющие штуковины Жан-Клод жестом показал мне на стул и сел сам.

- Ну, Об, - проговорил он, и улыбка искривила его узкое лицо, - много времени прошло.

Костюм на Жан-Клоде был синий в белую узкую полоску, покроем превосходный, скорее итальянский, чем наш американский с неподложенными плечами. Маленькие, тщательно подщипанные черные усики тоже могли многое рассказать о нем. Они совершенно не походили на большие пушистые усы, которые носят мачо и которые так любят отращивать многие американцы, соревнуясь со своими обожаемыми футбольными нападающими. Внешне Жан-Клод был антимахо, но по его виду у вас не возникало мысли, что он игнорируемый женщинами человек.

Мы немного поговорили о старых и новых временах. Жан-Клод только что прилетел из Каира, где провалилась сделка, в которой фигурировало небольшое количество смолистой субстанции. У него тоже дела шли не слишком успешно. В прошлом месяце в Биаррице его жизнь потерпела крушение Он порвал с Сьюзан, ушел от нее в порыве раздражения, не подготовив заранее почвы, то есть не найдя женщины, с которой мог бы жить.

Я заметил в буфетке его пиджака маленькую черную ленточку и спросил, кто умер. Оказалось, его дядя Гаспар. На прошлой неделе его выловили в Сене у моста Александр. Гаспара завернули в длинный черный плащ с норковым воротником Руки ему связали впереди, а сзади на затылке обнаружилось пулевое отверстие Гангстеры, убивающие в Париже, имеют склонность к плюмажам и перьям.

У современного французского преступника самое развитое в мире чувство стиля. Шик парижского "дна" скопирован с романов Уита Барнетта и Джеймса М. Кэйна. Большинство костюмов - прямое подражание тому, что Эдвард Дж. Робинсон носил в своих фильмах тридцатых годов. Каждый уважающий себя бандит на Монмартре или в Бельвиле одет в соответствии со стилем. Если человек становится саро mafioso, начальником мафиози, пли, не знаю, как называется его корсиканский эквивалент, стиль становится особенно важным. Ходили слухи, что дядя Гаспар превысил собственные полномочия.

Жан-Клод ростом пяти футов девяти дюймов, весит примерно сто двадцать фунтов, носит вытянутые в ниточку усы и коротко стрижет черные курчавые волосы. По вашим представлениям он являет собой типично франко-итальяно-испанского тип мужчины, безусловно нервный, легковозбудимый, несомненно умный, особенно в запутанных, таинственных вопросах, и полный множества маленьких причуд. Этот тип не сравним с прямолинейно мыслящими гражданами Северной Америки, включая и Мексику.

- Об, - наконец приступил к главному Жан-Клод, - какого черта, что ты опять делаешь в Европе?

- А почему мне не быть в Европе? Я не сделал ничего постыдного.

- Об, ты продал нас в Турции. Я долго ждал, чтобы расплатиться с тобой за это.

- Черта с два, ничего подобного, - возразил я. - В тот День я увидел в аэропорту Яросика, повернулся и ушел. У меня не было возможности предупредить тебя или Найджела.

- А я слышал по-другому. Ты подставил нас. Продал Яросику и туркам.

- Это не правда. Когда я вернулся в Париж, я сделал все, что мог. Нанимал адвокатов, организовывал взятки...

- Велико дело, - фыркнул Жан-Клод, скривив губы в характерной ухмылке. - Сколько тебе заплатили турки?

- Если бы я это сделал, разве я бы сидел сейчас здесь? Ведь я не сопротивлялся, когда шел на встречу с тобой, - убеждал я его. - Спроси у Этьенна.

Этьенн в подтверждение кивнул.

- Мы взяли такси, и там была собака... Жан-Клод жестом велел ему молчать.

- Какого черта, откуда мне знать, почему ты сейчас здесь? Может, у тебя еще больше поехала крыша, чем обычно?

- Говорю тебе, я не подставлял тебя и Найджела. Я сижу здесь перед тобой и говорю все как было. Если ты мне не веришь, тут уж я ничего не могу поделать. Тебе решать, Жан-Клод.

Он уставился на меня и долго не отводил глаз. Наконец проговорил.

- Проклятие, Об, ты поставил меня в дурацкое положение. Все знают, что ты нас продал, и все ждут, когда я отомщу. Теперь ты пытаешься сыграть на моей симпатии к тебе. Из этого ничего не выйдет, Об.

- Ты так думаешь?

- Да, именно так я думаю.

- Ну и прекрасно, - согласился я. - Тогда убей меня, если ты так решил, только прекрати эту смертельно скучную бодягу.

- Все тот же прежний Об, - он чуть улыбнулся.

Я тоже чуть улыбнулся. Я был тем же прежним Хобом. Но теперь я лучше знал себя.

- Что это за история о том, что ты ищешь Алекса?

- Мне нужно найти его для клиента. Я пытался разыскать тебя и Найджела. Я хочу, чтобы в этом деле вы работали со мной.

- Это правда, Об? Ты серьезно хочешь, чтобы мы работали с тобой?

- Ты знаешь мое правило, - начал я. - Все мои старые друзья - часть моей организации. Когда вы помогаете мне в деле, вы получаете часть гонорара. Конечно, до тех пор, пока не убьете меня. Тогда все меняется.

- Там и вправду есть какие-то деньги? - спросил Жан-Клод.

Я сел поудобнее и приготовился к небольшой приятной беседе. Как только он заговорил о деньгах, немедленная опасность миновала.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

20. КЛОВИ

- Ах, доброе утро, мистер Дракониан, - приветствовал меня Жерар Клови. На нем были серые твилловые <Твилл - плотная хлопчатобумажная ткань> бриджи для верховой езды, ботинки "Фрай", клетчатая рубашка сзади на кокетке, как в вестернах, с пуговицами из природного жемчуга. Позже я узнал, что это костюм в стиле американского режиссера Джона Хэстона. У Клови есть костюмы и в стиле многих других режиссеров. В том числе Федерико Феллини, включая черную шляпу с отвислыми полями.

Было всего лишь четверть восьмого. Мы стояли перед большим складским помещением в районе Кремлэн-Бисетр тринадцатого округа, недалеко от того места, куда меня прошлой ночью привел Этьенн. Вблизи припарковались два грузовика с реквизитом. Над одним возвышалась стационарная камера на кране и пара переносных. Большую часть прожекторов и реквизита уже внесли в помещение. Нас окружало совсем немного людей, несколько техников и актеров.

- Мне не надо взять копию сценария? - спросил я.

- Сценария вообще нет, - ответил Клови и постучал себя по голове. - Все здесь. Генеральный план. Общая концепция.

- Это потрясающе, - согласился я. - Но что, предполагается, должны делать актеры? Копаться у вас в уме?

- Все, что вам надо знать, скажут потом, - объяснил он. - Мне важно, чтобы вы представляли себе только общую идею. Тогда вы даете мне ваше собственное толкование момента, вашу реакцию. Я хочу, чтобы вы - вы все - что-то добавляли к сцене, действуя спонтанно. Не беспокойтесь о диалоге, мы будем его дублировать потом в итальянском стиле.

Клови сказал, что я должен войти в склад и подняться, на платформу, образующую вроде как второй этаж. Я так и сделал. Склад - это огромное помещение с отдельными кладовками, или комнатами (не знаю, как их назвать), построенными над полом. Часть его заполняли мешки с овощами. Вдоль одной стены штабелями лежали деревянные подпорки, а на них стояли ровными рядами упаковочные клетки. Немного пахло дизельным маслом и картошкой. На втором этаже я обнаружил огороженное пространство для офиса, вошел и обменялся рукопожатиями с командой операторов. Потом меня повели к будке с костюмами и представили Иветт. Она оглядела меня с головы до ног и посоветовалась с леди, занимавшейся гардеробом. После краткого совещания они придумали, во что меня одеть. Белый полотняный костюм и шляпа-панама, ковбойские сапоги в стиле

героя вестернов, будто бы отделанные кожей ящерицы, рубашка в коричневую клетку, тоже как носят в вестернах, и коричневый платок.

- Иветт, - начал я, - насколько мне известно, вы знаете моего друга Алекса Синклера?

- Да, мсье, - ответила она с очаровательной интонацией, которая так шла ее аккуратной фигурке, черным чулком и крестьянской юбке. Прелестная малышка, темноволосая и темноглазая, с природным дружелюбием, которое больше обещало, чем, похоже, давало. Но, конечно, никогда нельзя быть уверенным.

- Когда вы видели Алекса последний раз? - спросил я. Она приняла задумчивый вид, еще одно выражение, которое хорошо у нее получалось.

- Мсье Об, - проговорила она со своим восхитительным акцентом, - Алекс просил меня никому не рассказывать о его делах. Понимаете, я должна оправдать его доверие.

- Да, понимаю, - согласился я, - и одобряю. Алекс говорил мне то же самое. Это его манера. Хотя, естественно, по отношению ко мне он сам неоднократно нарушал свое правило.

- Ах, вы говорите слишком сложно для меня, - пролепетала Иветт с самым оборотистым смехом, какой я в жизни слышал. Фантазия моментально нарисовала картину: я живу в студии вдвоем с этой маленькой гризеткой, у нас много вина и достаточно денег.

- Я имею в виду только одно, - объяснил я. - Дело в том, что у меня деньги для Алекса. Очень много денег. И я хотел бы отдать их ему.

- Как только Алекс позвонит, - лицо ее прояснилось, - я могу связать вас с ним.

Мне пора было отправляться в местный "Голливуд", я нахмурился и заговорил более грубым тоном.

- Вы не понимаете, бэби. Алексу необходимы эти деньги, а мне нужны быстрые ответы. Что-то может обломиться и вам, крошка.

Она вытаращила на меня глаза. Я понял, что попал в какую-то цель.

- Мсье Дракониан, вы нужны нам немедленно, - донеслось с улицы.

- Мне надо об этом подумать, - пробормотала Иветт. Глаза вытаращены, полные губки чуть раздвинулись и открыли маленькие белые зубки, предназначенные для того, чтобы в ближайшем будущем нежно покусывать меня. По крайней мере, я надеялся.

- Об! Какого черта? Где вы? - В этот раз кричал сам Клови, и голос звучал раздраженно.

Я зашагал к выходу, чтобы начать свою актерскую карьеру.

21. ОПАСНЫЕ СЪЕМКИ

Когда я вошел в коридор, где-то за спиной раздались отдаленные звуки барабана, которые перешли в стаккато. Кто-то всунул мне в руку пистолет, кажется, я изображал какого-то полицейского, но трудно говорить с уверенностью при таком режиссере, как Клови. В конце концов, пистолет мог быть и символом, хотя и в этом я не уверен.

Из-под пола поднимался дым от сухого льда. Прожекторы, расставленные вдоль коридора, начали последовательно пульсировать то оранжевым, то зеленым, не мои любимые цвета. По правде говоря, размышление об окружающем довольно занудное дело.

- Продолжайте идти, не останавливайтесь! - услышал я сзади крик Клови. И я шел. По обе стороны от меня виднелись открытые двери, и парень в берете с ручной камерой следовал за мной и делал панорамную съемку помещения, находящегося за очередной открытой дверью. Я тоже делал панорамную съемку, конечно, собственными глазами, потому что камеры мне никто не дал. За каждой дверью открывалась сцена или то, что они называли картиной. Я видел позирующих окаменевших людей, уставившихся друг на друга сквозь боевые доспехи; азиатов, застывших в позах игроков с широко разинутыми от возбуждения ртами; сцены откровенной сексуальности, чуть прикрытые набеленной марлей. И я вспомнил, как пел Джим Моррисон: "Прежде чем я впаду в самый главный сон, я хочу, чтобы вы здесь..., и потом стон бабочки..."

А потом я увидел в дальнем конце коридора лицо, женское лицо, и протянутые ко мне руки.

- Диалог, - прошипел Клови, и я начал импровизировать.

- Привет, бэби, ты тоже играешь в этом маленьком эпизоде? Ты ждешь, красотка, именно меня, а я спешу к тебе по этому коридору, спешу сломя голову.

Естественно, я имел в виду, что это просто те слова, которые приходят в голову, потому что они запишут диалог потом, но я как-то увлекся и не заметил, что подошел к краю коридора. Дальше пол обрывался. Впрочем, этого я и не мог заметить, потому что дым, покрывая поверхность пола, доходил мне до лодыжек.

Публика считает, что, когда профессионалы снимают кино, они предвидят каждое движение. Вот и я смело шагнул вперед, и вдруг я уже ни на чем не стоял, а куда-то падал.

22. ДОКТОР ДАДА

Париж полон мест для любого настроения. К Эйфелевой башне я шел по авеню де Сюффрэн, мимо Военной Академии и затем по Марсову полю В парке я нашел скамейку и сел.

Чистота и упорядоченность французских парков настраивают на логическое мышление. Красиво подстриженная зелень, пляшущие в лучах полуденного солнца пылинки и девочки в бело-серой школьной форме. Здесь можно поверить, что Бог говорит по-французски, и стать склонным к иронии.

Несмотря на погруженность в собственные мысли, я постепенно начал осознавать присутствие старого джентльмена, сидевшего на скамейке рядом со мной. Это было удивительно, но, по правде говоря, меня не поразило, когда я обнаружил на его напудренном парике черную фетровую шляпу старинного фасона. Он был одет в двубортное бежевое пальто с двумя рядами блестящих пуговиц, серебряных или оловянных. Еще один мимолетный взгляд подтвердил, что на нем зеленые атласные бриджи до колен, а ниже - сизо-серые шелковые чулки, уходившие в забавные черные туфли с квадратными пряжками из белого металла.

- Да, смотрите как следует, Хоб, - проговорил старый джентльмен. - И потом избавьтесь от меня с помощью одного из своих искусных умозаключений.

Я вздрогнул, потому что знал: наступило время испытания, и пришло оно раньше, чем я успел по-настоящему подготовиться. Я медленно выдохнул и повернулся к нему.

- Всегда рад встретиться с настоящей аномалией, - сообщил я. - Я сам недавно чувствовал себя немного нереальным. У вас есть имя?

- У меня много имен, - ответил он поддразнивающим тоном. - Но я дам вам ключ - назову два из них. Иногда я известен как доктор Дада, и я близкий друг Зигфрида Сюрреала. Вы сами прекрасно знаете, что Второй Сюрреалистический Манифест все еще заставляет упражняться мозги мужчин. Вы вполне обоснованно подозреваете, что истинная природа бытия с трудом поддается изучению таким туповатым инструментом, как разум англосаксов. В прозаическом мире ваш собственный здравый смысл осуждает вас и ваши поступки, но вы знаете, что здравый смысл - главный враг, и вы приехали во Францию, чтобы найти оружие для своей великой борьбы с реальностью. Признайтесь, Хоб, вы приехали сюда, чтобы поговорить со мной.

- Да, но кто вы?

- Кроме многого другого, я тот, кто уничтожит паутину вашего рационализма.

Он улыбнулся с вольтеровской пронизательностью. Я чувствовал себя на пороге некоего важнейшего открытия, некоего проникновения внутрь, которое объяснит мне, что я здесь делаю, некоего знания, которое поможет собрать воедино разорванные нити моей жизни.

Затем образ начал дрожать, у меня появилось головокружение, и удивительно, без всякого перехода я обнаружил, что лежу на спине и смотрю в небо. Голова покоилась на чем-то мягком, покрытом длинной черной хлопчатобумажной юбкой.

- Об! С вами все в порядке?

Я посмотрел вверх, в темные глаза Иветт. Я и правда лежал на спине на полу склада. Мелькнуло воспоминание: я был где-то наверху, шел по коридору, и потом что-то случилось. И тут я вспомнил, как пол под моими ногами кончился, и я ухватился за электрический кабель. Это затормозило падение, но кабель не выдержал моего веса, и я рухнул вниз.

- Об! - Это Клови, склонившийся надо мной. - С вами все в порядке?

Я осторожно встал на ноги. Мне ужасно не хотелось покидать теплые удобные колени Иветт. Я сделал несколько шагов, разминая мышцы, и обнаружил, что в разных местах есть ушибы, но переломов нет

- Слава Богу, - вздохнул Клови. - Я намерен расследовать это происшествие. Не понимаю, как все случилось. Там в коридоре оказалась дыра в полу, Хоб, и кто-то закрыл ее куском картона. Непростительная преступная халатность.

Я услышал знакомый двухтоновый вой машины французской полиции. Лучше бы Клови не вызывал ее. Конечно, начнутся неприятности, когда они узнают, что я снимаюсь в фильме без зеленой карты с разрешением на работу. Вполне возможно, что они вышлют меня из страны.

Ну, как будет, так и будет, не стоит беспокоиться. Разумеется, я не мог знать, что встречу с инспектором Фошоном.

23. ЭМИЛЬ ФОШОН

Инспектор Полиции Эмиль Фошон - невысокий, коренастый, с насмешливым живым галльским взглядом, который составляет чуть ли не главную часть великого галльского наследства. Курчавые черные волосы он стриг под "ежик". Еще надо добавить большие сверкающие карие глаза, оливковую кожу и густую щетину, недавно сбритую и попудренную. Лохматые черные брови срослись на переносице, нос костистый и слегка крючковатый. Губы тонкие, уголки опущены книзу. Он приехал на обыкновенном "Пежо", осмотрел место происшествия и, пока Кловиобъяснял, что произошло, кивал и что-то ворчал. Фошон почти йпчего не говорил, лишь время от времени делал пометки в маленьком черном блокнотике, который хранил в нагрудном кармане темного костюма-тройки. Удовлетворенный осмотром, он повернулся ко мне.

- Мсье Дракониан, вы были очень близки к последнему звонку. Вы полностью пришли в себя?

- Да, совершенно, - ответил я.

- Тогда, вероятно, вы согласитесь сопровождать меня в кафе "Селект", тут недалеко за углом. Мы можем выпить коньяку, и я сниму ваши показания.

"Селект" - кафе рабочего люда, очень популярное в своем квартале. Белый кафельный пол, цинковый бар. На маленькой полке телевизор, игра в сокер в полном разгаре, европейцы трепетно называют ее футболом, потому что не знают ничего лучшего. Нам в Америке этого не понять.

Утро уже кончалось, и мы без труда нашли столик у задней стены. Я заказал кофе с молоком и круассаны, Фошон - коньяк и эспрессо. Воздух в кафе загустел от запаха кофе, цикория, черного табака, белого вина и перно. Фошон задавал мне вопросы скорее как человеку, с которым хочет поближе познакомиться, чем как полицейский подозреваемому. У меня не было ни малейшего представления, имею ли я право заниматься во Франции расследованиями, поэтому я сказал, что я старый друг Алекса Синклера, что было правдой, и что я ищу его отчасти ради собственного интереса, отчасти по просьбе друга.

Фошон время от времени делал пометки в блокноте, но главным образом слушал, глаза под тяжелыми веками шурились от дыма его "галузки", темная, недавно бритая челюсть опиралась на пухлый кулак. Он сделал пометку, как правильно произносится "Синклер", и сказал, что, вероятно, через день-два сообщит мне какую-нибудь информацию, касающуюся моего падения, а, заодно, и об Алексее.

Мы пожали друг другу руки, Фошон снова сел в машину и вернулся в префектуру, так я думаю, иначе что же делает французская полиция, когда не занимается происшествиями. А я вернулся на склад, к Клови.

Клови уже снимал другую сцену. Он казался подавленным и задумчивым.

- Слава Богу, что вы не получили повреждений, - проговорил он. - Этого не должно было случиться. Но я убежден, Фошон доберется до дна.

- До дна чего? По-моему, это просто несчастный случай.

- На моих съемках возможны только те несчастные случаи, которые планирую я, - покачал головой Клови. - Могу заверить вас, что этот спланирован не мною. Идите сюда, позвольте, я вам кое-что покажу.

Я последовал за Клови на верхний этаж. Мы шли по коридору к тому месту, откуда я упал. Клови показал мне, на чем держится пол, по-моему, это называется подпорочные брусья. Они были подпилены у основания, а потом аккуратно соединены. Сверху набросали всякого барахла. Самая аккуратная западня, какую я только видел.

- Но кто это сделал? - удивился я. - И зачем?

- Интересные вопросы, - согласился Клови. - Надеюсь, у вас найдутся какие-то ответы.

- Почему у меня?
- Только вы можете знать, кто бы хотел видеть вас мертвым.
- Но я не знаю.
- Тогда, наверное, вам стоит это узнать.

24. ПОСЛЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Я заметил, что частные детективы не тратят много времени на обсуждение своих ушибов и ран, полученных при исполнении долга, или работы, как там они называют свое занятие. У них у всех вроде бы есть баснословная способность, будучи серьезно избитыми, иногда даже тяжелыми тупыми предметами отряхнуться и мгновенно прийти в норму. Примечательно, что после горячего душа и расслабляющего массажа они испытывают на следующий день всего лишь легкое стеснение при движении, но не обращают на него никакого внимания.

У такой выносливости, конечно, есть причина. Большинство частных детективов обычно бывают обладателями основательной мускулатуры. В их представлении занятия на тренажерах вместе с друзьями в местном гимнастическом зале - единственное по-настоящему стоящее времяпрепровождение. Я слышал о такого сорта людях, которые, когда им скучно, например, играют в гандбол, вместо того чтобы спокойно лежать на кушетке и терпеливо ждать, когда пройдет плохое настроение, как это делают все нормальные разумные создания. Они просто стойки, а не частные детективы.

Я не похож на них. Меня легко выбить из седла. Контузия, которую я получил при падении на складе, оставила безобразные желто-багровые пятна на моем теле и голове. Наверно, они не пройдут несколько месяцев. И они болят. Больше я об этом не упомяну, но хочу, чтобы вы тоже знали.

Я вернулся в свой номер в отеле и долго отмокал в ванне, потом часа два поспал. После этого я чувствовал себя почти готовым пойти на свидание с Иветт, назначенное на вечер.

Почти, но не совсем. Я просто не мог заставить себя выйти в надушенный декаданс парижской ночи, даже ради Иветт. Я все еще размышлял о том забавном старике, привидевшемся мне утром во время галлюцинации. И я размышлял о деле, в которое втянули меня Ракель и Алекс. Смутные мысли. Неопределенные мысли. Я размышлял о том, что мне очень плохо заплатили за расследование, обернувшееся сложной и опасной работой. Я размышлял о том, что всего случившегося уже больше чем достаточно, чтобы остановиться. Я приближался к критическому моменту, и сам это чувствовал: всегда знаешь, когда вот-вот войдешь в штопор. Я размышлял о том, какого черта меня снова занесло в Европу. В смятении я начал понимать, что повторил все снова: как дикарь попался на

обманчивый блеск стеклянных бус. Погрузился в сложности и опасности из-за романтического заблуждения - ради мечты о Париже. О Париже, какого никогда не существовало. Ради мечты о себе, какого тоже никогда не существовало. Я пытался сделать вид, будто хочу заработать на жизнь без романтического ореола, без теплого сияния утраченного времени, которым окутаны мои воспоминания, без опоры на королевство ностальгии и жаркого воздуха И, будто забыв, до чего отвратительными были мои годы в Европе, я пытаюсь повторить все снова.

Обратили ли вы внимание, что в детективных романах кризис могут переживать любые персонажи, кроме самого детектива. Вспомните прочитанные романы, и вы увидите, что это первый, в котором детектив решительно отказывается от свидания с очень ценным информатором. Вместо свидания я пошел вниз и спросил консьержку, может ли она отправить мою телеграмму Она могла Я написал: "Дорогая Ракель Я ухажу. С любовью, Хоб", и послал телеграмму в "Крийон".

Вы можете сказать, что я перегнул палку. Но дело в том, что я терпеть не могу падать через несколько этажей. Особенно когда это не приносит никакой выгоды.

25. СНОВА РАКЕЛЬ

Два часа спустя, когда я спал, в комнату вошла Ракель

- Что значит, - вы находите? - спросила она.

- Дайте посмотрю, - сказал я и взял у нее листок бумаги. Это была моя телеграмма. - Я написал "я ухажу", а не "нахожу", - объяснил я. - Проклятые лягушатники, все делают с ошибками.

- Но разве сегодня вы уже не в восторге от Европы?

- Мой энтузиазм начал таять точно в тот момент, когда я свалился со второго этажа в Кремлэн-Бисетр.

- Кстати, вам вообще не следовало сниматься в кино. Я наняла вас найти Алекса, а не начинать новую карьеру.

- С теми деньгами, что вы мне платите, мне необходима вторая работа, чтобы как-то существовать, пока я занимаюсь вашим делом Вы знаете, девиз моей гильдии: "Не рисковать жизнью за так".

- Я не понимаю, что значит "за так". Однако, мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, - проговорила Ракель. - Я хочу, чтобы вы продолжали. Что вам нужно?

- Во-первых, немного честности.

- Какое вы имеете право обвинять меня во лжи? - ледяным тоном спросила Ракель.

- Нет, не совсем так. Просто я хочу, чтобы вы сказали мне правду.

- Вы противоречите сами себе, - возразила Ракель. Уже не так холодно. - Что вы хотите знать?

- Почему вам нужно найти Алекса?

- Ну, я вам уже говорила, - начала она. - Он мой друг. Он исчез. Я беспокоюсь о нем.

- Дальше, - сказал я.

- Куда дальше?

- Какая цена?

- Я правда не понимаю, о чем вы говорите.

- Ракель, - снова начал я, - вы мне нравитесь. Но если то, что вы сказали, правда, вся правда и ничего, кроме правды, тогда нам лучше договориться и уехать. Я вернусь в Штаты на выпускной вечер дочери.

- Почему вы вдруг решили таким образом отказаться от дела?

- Потому, Ракель, что оно становится опасным. Похоже, в нем участвует очень много народа и в нем есть какая-то загвоздка, или, может быть, несколько загвоздок, о которых я не знаю. Это ставит меня в невыгодное положение: любой вокруг знает больше, чем я. А я знаю только одно. - Я сделал драматическую паузу.

- Что? - спросила она.

- Я знаю, Алекс не просто исчез, чтобы убежать с быками на корриду в Памплону. Я думаю, он участвует в чем-то сложном и, вероятно, нелегальном. И у меня есть ощущение, что в этом замешаны большие деньги

- Почему вы так считаете?

- Слишком много людей участвует в этом. Обычно такого рода интерес возникает, когда замешаны большие деньги.

- Понимаю, - проговорила она, немного подумав над моими словами.

- Хорошо. И что теперь вы хотите сказать мне?

- Хоб, вот лучшее, что я могу придумать в этот момент: найдете Алекса - получите пять тысяч долларов.

- Это реальные деньги или новая игра?

- Вы опять называете меня лгуньей? - Она покраснела.

- Вовсе нет. Я только хочу показать вам, что у меня есть расходы, мне надо нанимать людей, на каждом шагу давать взятки плюс мои собственные траты, когда я встречаюсь с информаторами.

- Я могу дать тысячу долларов прямо сейчас. - Она открыла сумочку и смотрела на меня.

- Скажу вам вот что, - ответил я, - давайте мне две тысячи сейчас и еще восемь, когда я его вытащу.

- Но это десять тысяч долларов! - Да.

- С вашей стороны не очень хорошо так поступать: в середине дела ставить мне ультиматум

- Вы можете подать жалобу в гильдию. Но поверьте, это совсем не много, учитывая, что вы до сих пор не сказали мне ничего полезного.

- Ладно, - вздохнула она. - Как вы думаете, скоро вы сможете его вытащить?

- Если ваши деньги готовы, я рассчитываю через три дня, самое большее через неделю, - пообещал я, - и тогда это дело можно будет закрывать.

Впоследствии я пришел в восторг от своего провидения.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

26. ГАРРИ, МАРИЯ

Гарри Хэм был немного смущен, вышагивая к пристани порта Ибицы рядом с Марией Гуаш. Хотя и был доволен Мария красивая женщина, в ней чувствовался класс, и он радовался прогулке с ней. Он даже начал надеяться, что они не слишком быстро узнают о братьях Гуаш и, может, вместе пойдут на ленч.

Но тут Антонио Планнеллс сказал Марин, что видел, как отчалило судно ее братьев. Миновав волнорез, они взяли курс на Барселону.

Услышав это, Мария нахмурилась Воды, где они обычно ловили рыбу, находились далеко от Барселоны.

- Зачем они туда пошли? Антонио, ты не мог бы попытаться вызвать их по радио?

- Они вне досягаемости моего передатчика, - объяснил Антонио, однако согласился попробовать. Он предложил Марии и Хэму подождать на причале, а сам спустился в захлавленную и набитую вещами маленькую каюту и принялся искать братьев на короткой волне.

Стоял прекрасный солнечный день. Ветер играл легкими темными локонами, выбившимися из-под косынки Марии. Белый круизный корабль с Майорки только что пристал к острову Тагомаго. Гарри обнаружил, что он невероятно счастлив, хотя не мог сообразить почему.

Потом вернулся Планнеллс.

- Я не поймал их. Но поговорил с Диего Туром. Он видел их перед тем, как повернул к дому.

- Где они были? - спросила Мария.

- Милях в двадцати к востоку от Кадаке.

- Это где? - спросил Гарри

- Севернее Барселоны, - объяснила Мария, - почти в Лионском заливе.

Она повернулась к Антонио Планнеллсу и задала несколько вопросов на огненно-быстром диалекте Ибицы. Затем снова обратилась к Гарри:

- Вроде бы они идут на север. В Направлении Монпелье или Марселя.

Гарри довез Марию до ее фермы. Он хотел пригласить ее на ленч, но не знал, как подойти. Даже и не вздумайте предложить женщине с Ибицы пойти куда-нибудь выпить.

В конце того дня Гарри сидел в кафе на Сайта-Гертрудис и читал газету. На пятой странице "Интернэшнл Геральд Трибюн" он наткнулся на статью. Гарри перечитал ее дважды и решил, что лучше позвонить Хобу.

Международный телефонный звонок с Ибицы - такое серьезное предприятие, что может занять большую часть дня. Гарри поехал в Санта-Эюлалиа, третий крупнейший город острова. Там продолжалось что-то вроде фестиваля. По улицам разгуливала веселая толпа, и место для парковки найти не Удалось. Сделав два круга по улицам, Гарри поехал в отель "Сес Рокес", в четверти мили от города, где его друг Карлитос сторожил обширную стоянку и позволил ему припарковаться бесплатно. Гарри по дорожке отправился в город пешком, обмениваясь с друзьями и знакомыми, которых встречал на пути, добродушными любезностями. Он не спешил, потому что на Ибице, где время измеряется неделями и месяцами и вряд ли минутами и часами, ни одно дело не делается в спешке. Но он чувствовал себя немного напряженно, так как у него было сообщение, которое нуждалось в отправке. Праздное очарование Ибицы стояло у него на пути и мешало выполнить работу.

Гарри подошел к заставленной машинами площадке для парковки на окраине города, миновал ее, срезал дорогу между домами и выбрался на центральный променад, Калле-дель-Киоско. Улица так называлась потому, что ее верхний конец представлял собой кафе на открытом воздухе, где вы сидели и видели своих друзей или своих врагов или просто каких-то людей. Ибица место такого сорта, где можно встретить кого угодно.

В тот момент у Гарри не было времени на любезности, хотя ему приходилось придерживаться этой традиции. На Ибице даже самое чрезвычайное и потрясающее происшествие, к примеру, пожар в доме, не оправдывает пренебрежения обменом любезностями. Он кивнул сеньоре, шившей ему рубашки,

обменялся приветствиями с ирландцем Алеком, который управлял "Эль Кабальо Негро", баром, где Гарри постоянно торчал. И наконец добрался до телефонной будки.

Телефонная будка появилась недавно и стала признаком модернизации Санта-Эюлалиа. Еще несколько лет назад на Ибице не было телефонов-автоматов. Если вы хотели позвонить, вам приходилось просить разрешения в баре, ресторане или отеле. Но потом "Ла Компанья Телефонико де Эспанья" поставила телефонные аппараты в кабины заводского изготовления размером с маленький фургон. Шесть телефонных будок приставили к двум стенам. Слева от входа стоял стол, за которым вы заказывали разговор. А на противоположной стороне - деревянная скамья, где вы ожидали соединения.

Не утруждайте себя покупкой телефонной карточки. У этих аппаратов нет даже отверстия, куда опускать монеты. Здесь разговоры на длинные расстояния проходили старомодным путем. Ваш оператор советовался с другим оператором, и они между собой решали, могут они соединить вас с собеседником или нет.

Летом, когда интенсивность телефонных разговоров достигала пика, международные звонки превращались в высокую комедию. Международная телефонная связь принесла в Санта-Эюлалиа страшный стресс и современную жизнь. Находились люди, главным образом иностранцы, которые весь долгий день выкрикивали Хосе непонятные звуки своих неизвестных языков. Хосе, низкорослого, грудь колесом, широколицего, веселого, но серьезного мужчину, отнюдь не пугала эта ситуация. Подобно многим испанцам, он любил чрезвычайные положения и вполне мог моментально взять их под контроль и выполнить нужную работу. Было только одно условие: вам не следовало ставить под сомнение способ, каким он выполняет свое дело, и самое главное - не говорить, что он выполняет его слишком медленно.

Хосе справлялся, разрешая каждую проблему по мере ее поступления. Он не говорил ни на одном языке, кроме испанского, но ведь ни одному испанцу это не мешало заставить себя понимать. Так или иначе, все звонки проходили. Временами Хосе посылал своего маленького сына Хоселито принести ему вафельный конус мороженого. Жаркая работа - пробивать из Эюлалиа международные звонки в июне.

Гарри и Хосе были друзьями. Гарри говорил на примитивном испанском, пользуясь глаголами только в настоящем времени или исключительно в инфинитиве. Понимали его все.

Гарри не упомянул о неотложности своего звонка. Он уже достаточно прожил в Испании и понимал, что такое заявление ни к чему не приведет. Стоит сказать испанцу, что дело срочное, и его разум тут же уходит в отпуск. Срочно? Кого-то убили? Для испанца это единственная причина поспешности.

- Париж, - сказал Хосе, глядя на номер, который Гарри написал ему. - Должно быть, важно, нет?

Гарри пожал плечами, чтобы показать, мол, звонок, по правде, для него не имеет значения и он просто не понимает, почему так утруждает себя, что даже встал с постели, чтобы сделать его. Потом он задумался: хотя, может быть, кое-какую важность он имеет.

- Bastante, - ворчливо проговорил Гарри. "Bastante" означает "более-менее", "довольно". Это вроде бы ничего не выражающее короткое слово может оказывать огромное влияние в некоторых уголках испаноговорящего мира. Гарри знал, что это слово в испанском языке более убедительно, чем "urgencias" <Неотложность (исп.)> или "rapidos" <Срочность (исп.)>. И когда Хосе сказал, мол, "muy caro" <Весьма дорого {исп.}>, то Гарри понял: разговор будет не таким дорогим, как если бы было "bastante caro".

- Для тебя я это устрою сейчас же, - объявил Хосе, разъединя леди, которая уже долго разговаривала со своим мужем в Копенгагене. Он положил руку на рычаг - да, у этих телефонов такие же рычаги, как у старых полевых аппаратов армии США, - и забормотал:

- "Pues, a ver" <Итак, посмотрим (исп.)> - И аппарат закричал.

И он тут же, точно по волшебству, получил Париж. Вот так оно и бывает. Гарри взял трубку. Только бы Хоб нашелся на другом конце.

27. Я И ГАРРИ ХЭМ

Я только лег отдохнуть после тяжелого дня, когда меня теребили Жан-Клод с друзьями, как вдруг зазвонил телефон. Гарри Хэм.

- Гарри? Как ты там?

- Жарко и устал, Хоб, но весь в делах. Добыл для тебя кое-какие новости.

Меня так поглотили сиюминутные заботы, что я начисто забыл, что моя жизнь не состоит лишь из одного дела, как это бывает в книгах у многих частных детективов, которые, похоже, между одним и другим делом живут в состоянии забытого в камере хранения чемодана. Они не находят лучших занятий, чем потакать своим алкогольным увлечениям и поглощать убийственные обеды, состоящие из дешевой еды и неновых острот. Настоящие детективы, такие как я, всегда одновременно ведут больше чем одно дело.

- Да, - сказал я, - жду твоих новостей.

- Насколько я сумел раскопать, - начал Гарри, - твои виндсерферы сейчас на рыболовном судне спешат во, Францию.

Гарри сообщил, что фирмой "Индустриас Марисол" управляют Энрике и Вико. Энрике уехал в Сан-Себастьян, а Вико покинул остров на рыбацьем судне. И оно

вроде бы направляется во Францию. Гарри почти убежден, что у него на борту пропавшие виндсерферы.

- Не думаю, что ты знаешь, куда во Францию?

- Точно не знаю, - согласился Гарри. - Рыболовные скорлупки предварительно не заполняют маршрутные листы. Но я сегодня видел в "Интернэшнл Геральд Трибюн" статью. Страница пятая в нижнем правом углу. Похоже, что завтра во Франции в заливе Гонфлер начинаются соревнования по виндсерфингу. На что ты хочешь спорить, что эти доски с парусом плывут туда?

- По-моему, ты действительно что-то раскопал, - решил я. - Хорошее начало, Гарри! Так ты летишь в Гонфлер и проверяешь, там ли они?

- Хоб, я не могу выехать из Испании, - оглоушил меня Гарри.

- Тебя за что-то разыскивают во Франции?

- Ничего похожего. Просто я подал заявление на permancia.

- Merde <Дерьмо (фр.)> - рассердившись, я проглотил готовое сорваться с языка ругательство. "Permancia" - разрешение на постоянное проживание в Испании. Оно дает определенные привилегии и накладывает несколько обязательств. Для того чтобы его получить, надо заполнить соответствующие анкеты, сдать паспорт и прожить в Испании полгода. Потом паспорт возвращают, и вы можете приезжать и уезжать сколько вам угодно.

- Когда, думаешь, твоя permancia будет готова?

- Недель через шесть.

- Чертовское неудобство, - признался я. - Ты не можешь попросить своего приятеля Беласко раздобыть твой паспорт и отдать тебе?

- Без капли пота, если бы дело было на острове, - объяснил Гарри. - Но ты же не хуже меня знаешь, что все бумаги уходят в Мадрид.

Заскрежетав зубами, я кивнул. Проклятая сверхцентрализованная Испания. Сам я убежденный сторонник региональной автономии.

- Ладно, - сказал я, - придется проверить мне.

28. ГОНФЛЕР

Я поехал на вокзал Монпарнас и сел на поезд в Гонфлер.

Гонфлер находится в двух часах пути от Парижа Это старый порт в Бретани на берегу Английского канала, как говорят англичане, или Ла-Манша, как говорит весь остальной мир. Порт играл важную роль во время наполеоновских войн.

Сняв в отеле "Арен" номер с прекрасным видом на залив, я моментально почувствовал себя лучше. Из окна виднелись узкие, красиво выложенные камнями улицы, шпили церковных колоколен и каменный узор спуска к заливу. Я заметил на улицах несколько плакатов: "Добро пожаловать, виндсерфингисты" Кроме этого, местные жители вроде бы особого интереса к соревнованиям не проявляли.

В Гонфлере особенно делать было нечего. И это мне нравилось. Я прогуливался по улицам и вдоль набережной, восхищался водными лыжами, которые выглядели так же, как на знаменитых современных французских рисунках морских пейзажей. То тут, то там я заходил в кафе, пил кофе или аперитив. Я бездельничал, наслаждался и баловал свою душу

Вернувшись в отель, я не особенно удивился, узнав от старшего коридорного, что меня спрашивал джентльмен и что теперь он ждет моего возвращения в гостиную.

Заглянув в бар, я увидел знакомую большую и сильную спину, затянутую в хлопчатобумажный твид, и львиную голову майора Найджела Уитона.

- Привет, Найджел, - сказал я, проскользнув на соседнюю табуретку.

Как я уже упоминал, я человек не мускулистого сложения. Когда речь идет о грязной работе, я не участвую. Зачем делать ее самому, когда под рукой есть специалисты, которые вечно нуждаются в деньгах.

Найджел Уитон - бывший доброволец "красных беретов" и бывший полковник плохо кончившей армии Моиса Чомбе <Моис Чомбе в борьбе за власть в Заире, пользуясь услугами наемников, поднял мятеж, который был подавлен>. До этого он хорошенько набил руку в различных неприятностях в Малайзии, Кении, Брунее и Афганистане. Уитон - высокий и, когда забывал втягивать живот, полный человек с густыми буйными каштаново-рыжими кудрями, с курчавой бородой и усами. Он немного походил на льва и немного на белокожего ребенка, слишком надолго оставленного на солнце. Лицо Найджела - памятник тропическому солнцу и беспробудному пьянству. Он был сложным человеком, одновременно состоявшим из нескольких типажей. Одна из его лучших ролей - чуть ограниченный бывший офицер Британской армии. Это типаж комичный. Но были и другие. Никто, даже сам Найджел, не знал, какой же из них истинный Уитон.

- Жан-Клод сказал, что у тебя есть для нас работа, - начал Найджел.

- Откуда ты узнал, что меня надо искать здесь?

- Я вспомнил, что в старые дни ты часто приезжал сюда, когда Париж уже стоял костью в горле, а для возвращения на Ибицу ты еще не созрел.

- Вы изучили мои привычки, Ватсон, - заметил я. Он кивнул.

- Кстати, как Кейт?

- Прекрасно, - ответил я.

- Она не вспоминает меня?

- По правде говоря, нет. У Кейт добрые старые дни остались далеко позади.

- Очаровательная женщина Кейт, - вздохнул Найджел. - Как дети? Все в порядке?

- Да, прекрасно. Они тоже тебя не вспоминают, Найджел.

- Ну, все равно здорово хорошо поговорить о добрых старых временах. А что случилось теперь, Хоб?

- Алекс Синклер. Помнишь его?

- Даже очень хорошо, - сказал Найджел - В те времена его домик на Ибице стоял рядом с моим. Дьявол Алекс, золотоволосый мальчик. Наверно, помнишь, я был шафером на его второй свадьбе. Сейчас не могу вспомнить, на ком он женился, на Маргарет или на Кэтрин?

- Что ты еще о нем помнишь?

- Он изготавливал подделки с Раулем Фонигом, предметы искусства. Потом работал с Берни Корнфилдом, они продавали воображаемые поместья как реальные. Потом вернулся в Штаты. Добровольно отказался от широко расхваленной свободы и пошел работать в какую-то большую адвокатскую фирму в Вашингтоне, округ Колумбия. Последнее, что я слышал, он жил в Джорджтауне и как сыр в масле катался.

- Тем же заканчиваются и мои сведения. Меня наняли найти его. Вроде бы он приехал в Париж с месяц назад и исчез.

- Кто тебя нанял? Если этот вопрос не кажется тебе нескромным.

- Нет, ты ведь теперь тоже в деле, так получается. Разыскивает его леди по имени Ракель Старр. По крайней мере, так она назвалась, когда пришла ко мне.

- Никогда не слышал о ней, - проговорил Найджел. - Наверно, не из тех, что были в старые времена?

Я покачал головой.

- Я представил ее Русу, он ее не знает. А если Рус не знает, значит, она на самом деле никогда не появлялась на сцене.

- Почему она хочет найти Алекса?

- Она мне не сказала. Кажется, личный интерес.

- С Алексом всегда так, - улыбнулся Найджел. - Что ты хочешь, чтобы сделали мы с Жан-Клодом.

- По-моему, это очевидно. Попытаться что-то раскопать. Особенно что Алекс на самом деле задумал, как и почему он исчез, где он сейчас.

- Выглядит вполне разумно, - согласился Найджел. - Когда ты возвращаешься в Париж?

- Скоро, - я неуверенно пожал плечами

- Что ты здесь делаешь?

- Еще одно дело, - ответил я.

- Ну старина, мы ведь теперь партнеры. Включи меня, - предложил Найджел.

Так я рассказал ему о Фрэнки и о том, что открыл Гарри.

- Ты хочешь здесь пересечься с парнем? - спросил Найджел.

- Да, если правда, что он и виндсерферы действительно прибыли сюда Надеюсь, что дело можно будет легко уладить.

- Много легче, чем пытаться действовать через суд, ага? - заметил Найджел. - Ну, полагаю, ты знаешь, что делаешь.

Я кивнул, хотя, по правде говоря, не очень-то знал.

- Можешь ты немного авансировать меня и Жан-Клода? - спросил Найджел. - По-моему, вы, американцы, относитесь к любому делу как к прогулке за деньгами.

Я дал ему пять тысяч франков на двоих с Жан-Клодом и список люден, с которыми хотел бы в дальнейшем поговорить. Он дал мне номер телефона, куда можно позвонить и оставить сообщение для него и Жан-Клода.

- Ты поедешь поездом? - спросил я.

- У меня все еще есть старая "Испано-Суиза", - покачал головой Найджел. - Увидимся в Париже.

Он повернулся, чтобы уйти.

- Кстати, Найджел... - проговорил я.

- Да, Хоб? - Он обернулся, великолепная военная фигура с небольшим животом.

- Насчет Турции. Я не подставлял тебя и Жан-Клода.

- Знаю, - ответил Найджел.

- Жан-Клод вроде бы не поверил мне. Откуда ты знаешь, что я говорю правду?

- Я давно отработал эту версию. Если бы я действительно думал, Хоб, что ты нас продал, мы бы сейчас не вели этот разговор.

- Почему не вели бы?

- Потому что ты лежал бы на дне канала Сен-Мартен с моими гантелями, привязанными к лодыжкам. Встретимся в Париже, Хоб.

29. ВСТРЕЧА С ВИКО

В тот вечер я взял такси и отправился на маленький аэродром, который обслуживал также Гавр и Пэ-де-Ко. Стоял ранний вечер. На востоке в районе Парижа висела хорошо занятая серая дымка. Вечерний рейс из Антиба опаздывал на двадцать минут. Когда пассажиры выходили, я стоял почти у самых ворот. Прибыло много людей. Но совсем мало мужчин интересующей меня возрастной группы. Остальные - женщины, дети, священники и военные. Я также заметил несколько латиноамериканцев, тотчас привлекающих внимание яркими шалями и туфлями с подошвой из пробки.

Я довольно легко нашел наблюдательный пункт, где мог сидеть и все видеть, не будучи замеченным. В кафе-баре напротив ворот, откуда выходили пассажиры, висело большое зеркало, в которое я мог разглядывать всех прибывших.

Вот прошли два священника и большая стайка девочек в школьных свитерах, наверно, волейбольная команда. Средняя школа "Всех Звезд" в Ницце против "Нырков" из Камарге. А может быть, и нет.

И тут я увидел мужчину. Он вышел из самолета и огляделся вокруг с таким видом, будто попал на Землю обетованную. Затем я увидел багаж. Пять ярких цветных виндсерферов и паруса в разноцветных парусиновых сумках.

Они плыли по багажной карусели, мужчина снимал их и аккуратно складывал рядом. Подошел носильщик, забрал сумки и отнес к лимузину с надписью: "Отель "Риц", Гонфлер". Вико уже собирался сесть в машину, когда по радио сообщили, что для него есть телефонограмма. Он пошел забрать ее. Когда он вернулся, лимузин уехал.

- Простите, - подошел я к нему, - могу я предложить подбросить вас в город?

- Не помню, чтобы мы встречались, - ответил он, - но буду очень благодарен. Мой багаж уехал без меня.

Он сел в машину Я тоже.

- Мы с вамп не встречались, - начал я, - но у нас есть общий знакомый. Мы оба знаем Фрэнки Фолкона.

- Кто вам сказал? - Он вытаращил на меня глаза.

- Мы знаем Фрэнки Фолкона, - повторил я - Мое имя Хоб Драconiан, я его управляющий и друг, а также частный детектив.

- Так вы знаете мистера Фолкона? - удивился он.

Вико, молодой человек между двадцатью и тридцатью годами, маленький, грудь колесом. Он выглядел как настоящий крутой парень. Но что-то в нем было не так. Что-то пробежало по лицу, и будто по камню расползлась трещина, какая-то слабость, даже не спрятанная в глубине, внешний изъян, отражающий внутренние

угрызения совести. Глядя на это лицо, ни о чем не удавалось думать, кроме драмы, отраженной на нем Какой драмы? Слабость против силы, привычка против непосредственности, житейские принципы против жизни в фантазиях. Я подумал, как много спрятано в этих маленьких темноволосых людях, выпячивающих грудь колесом, и на мгновение он стал для меня таким же загадочным, как житель Явы или Барсума.

Вико долго пялил на меня глаза, и его намерения не показались мне чистыми.

- Вы приехали ко мне от великого мистера Фолкона? - наконец восторженно воскликнул Вико - Первого мастера Америки по изготовлению досок для виндсерфинга?

- Да, это верно.

- Но, пожалуйста, это же замечательно, позвольте мне пригласить вас что-нибудь выпить! За встречу с самим мистером Фолконом! Надеюсь, в следующий раз. Это будет самое большое удовольствие, какое я только могу вообразить. Мистер Дракониан, вы не можете представить, какое для меня значение имеют виндсерферы Фолкона. Пойдемте в бар. Я сейчас же должен угостить вас, и мы поговорим.

Иногда людям трудно приспособиться к моему методу работы Они сжимаются, ничего не говорят. Но иногда они раскалываются. Особенно когда беседую с ними я. Я частный детектив, не склонный терроризировать людей, у которых хочу получить информацию. Совершенно напротив. Преступники говорили мне, что в моем присутствии они чувствуют взрыв божественно вдохновленной внутренней силы и уверенность, что будут вечно преуспевать в мире, населенном такими типами, как я. От сознания собственной грандиозности и в благодарность они часто раскалываются до самого ядра.

Но бывает, что встречаешься с типом вроде Вико. Всю беседу со мной он взваливает на себя С нелегким чувством я шел с ним в бар. Такое чувство возникает, когда собеседник не хочет полностью сотрудничать. Или когда готов сотрудничать чересчур скоро.

Вико заказал коктейль с шампанским для нас обоих. Уставившись на меня черными глазами, похожими на бусинки, он начал свой рассказ.

- Вы не можете представить, каким был для меня прошедший год. Моя жена, Мария, как раз потеряла рассудок.

Она страдала от бреда, вообразив, будто я летучая мышь-вампир. Она даже не позволяла мне близко подойти к ней. Вы можете представить, в каком я был отчаянии. Я поссорился с Энрике, моим старшим братом и партнером по бизнесу. Мы занимались сдачей в аренду оборудования для подводного плавания. Это было до того, как я что-то узнал о виндсерфинге. Я все время возился с одним и тем же старым скучным оборудованием, давал акваланги мускулистым немцам или французам, чтобы они могли нырнуть в глубины моря возле нашего

возлюбленного острова Ибица и на кончике своего копья вытащить последние остатки его быстро оскудевающей подводной жизни Если вы спросите, я скажу, дурных ныряльщиков с аквалангом ужасно много, а железное правило нашего бизнеса обслуживать главным образом их. Не хочу докучать вам подробностями, как я попал в такой противный бизнес, только скажу, что так получилось в результате завещания моего дяди Льята. Это история уже вошла в фольклор острова.

Не имеет значения, как я попал в этот презренный бизнес, я в нем. И потом в один прекрасный день я услышал о виндсерферах. Фактически они окружали меня, мелькали то тут, то там. Но когда вы становитесь жертвой врожденного консерватизма, что часто бывает с человеком в католической стране сильными семейными традициями, где ничего не делается вне семьи, вы топчетесь на месте, потому что сбились с пути. Много важных вещей проходило мимо меня. В течение пяти лет я ничем не интересовался, не мог бы вспомнить названия ни одной музыкальной группы, ни одного фильма. Это такая ужасная хандра, у нас говорят, что вызывает ее, или, по крайней мере, побуждает к ней южный ветер сирокко, или левантинец, или хамсин, как называют его в Израиле. Этот ветер, приносящий болезни, время от времени посещает наши берега это жаркий, пыльный, темный ветер, когда песок скрипит на зубах и раздражение ударяет в голову, он дует из Африки и приносит с собой ужасные суеверия и предсказания, все ждут прихода плохих времен. Именно так и было со мной, и тут не сколько запоздало, но чисто и ясно меня стукнуло сенсацией. Виндсерфинг. В ту же минуту я увидел, что эти маленькие суденышки, такие легкие, такие простые могут стать настоящей находкой для меня, решить все мои накопившиеся за годы проблемы.

Я выставлял виндсерферы у себя в магазине, сегодня пробовал один проект, завтра другой, пока наконец не пришел к бесподобным доскам несравненного Фрэнки Фолкона с Гуд-Ривер, штат Орегон. К этому моменту я уже стал вполне компетентным специалистом по виндсерфингу, человеком, способным идти вместе с остальной группой и с наветренной стороны, и против ветра, какой бы он ни был, но никогда не финишировавшим первым. Однако все изменилось, когда я попробовал свою первую доску Фолкона. Я начал занимать места в числе победителей.

Я попробовал вторую доску Фолкона. Успех стал еще грандиозней. Я вдруг понял, что следует сделать: собрать необходимые четыре или пять досок и оборудование и поехать на международные соревнования. Всего несколько побед - и я могу освободиться от бесчувственного смеха брата Энрике, ревнивого презрения отца, освистывания ровесниками, которые знали имена поп-идолов, но забыли собственные души. Поддерживаемый деньгами за победу, я мог бы подняться над этим. И все, что мне нужно - доски Фолкона под ногами.

- Следующий шаг был неизбежен. Я никому не сказал о своих намерениях.

Конечно, дорого, но я должен был получить эти виндсерферы. Это самая большая игра моей жизни, и я послал заказ. Когда они прибыли, я собрал все свое

мужество и оставил остров, оставил жену, брата, родителей, теперь есть только я, доски и смена белья. Так я вступил в новую жизнь.

Еще один коктейль, сеньор Хобарт! Пусть это будет наш сигнал к началу новой жизни, подальше от всех печалей и поражений прошлого.

Вико закончил и откинулся назад, сияющий и вспотевший, человек, прекрасно себя почувствовавший после исповеди, человек, трепетавший на пороге перехода в новую жизнь. Я понимал его. Так что можете представить, каким я казался себе подонком, когда спросил тоном прагматика, презираемого мною. Однако жизнь всегда есть жизнь:

- Все это очень хорошо, мистер Вико, и я желаю вам удачи в вашей новой жизни. Но что насчет оплаты этих пяти виндсерферов?

Момент возмездия, призыв к расплате! Именно частный детектив усилил остроту ситуации.

30. ВИКО

- Прошу прощения? - удивился Вико.

- Деньги за виндсерферы. Деньги сеньору Фолкону.

- Ах, деньги! Да, я платить!

- Вы заплатили? Когда?

- Простите. Я не имел в виду, что я УЖЕ заплатил. Я имел в виду, что я НАМЕРЕН заплатить. Простите, мой английский не очень хорош.

- Вы можете заплатить сейчас, мистер Вико? - Я не обратил внимания на его извинения.

- Да, конечно. Именно так. Полагаю, что могу. Но это, наверно, потребует немного времени. Вопрос дней. Тогда, конечно, я собираюсь заплатить.

- Вико, я не полицейский и, даже если бы был полицейским, не мог бы арестовать вас в этой стране, - объяснил ему я. - Во Франции против вас дела нет. Но у нас есть свои способы заставить таких халявщиков, как вы, заплатить или захотеть заплатить. Вы слышали о газетной обработке?

- Нет, а что это такое?

- Мы даем объявление в вашу местную газету, чтобы оно печаталось несколько недель подряд, сообщаем о вашем долге и спрашиваем, когда вы собираетесь заплатить. Если это не действует, мы определяем, какой ущерб вы нанесли нашему клиенту, и потом устраиваем вам много неприятностей.

- В моем случае в этом не будет необходимости. У меня есть деньги прямо здесь. - Вико вынул небольшой бумажник, достал из него чек и показал мне.

Я рассмотрел его и увидел, что это чек банка "Де Бильбао" на два миллиона песет с какой-то мелочью, Чек был выписан на имя Фрэнки Фолкона.

- Я вижу чек, - подтвердил я. - Почему вы не хотите отдать его мне для Фрэнки, и мы в расчете?

- Если бы я только мог! - воскликнул Вико. - В настоящий момент у меня нет денег на счете. Но через несколько дней они будут. На этой неделе я дам их вам, чтобы вы передали их своему клиенту. Время оплаты - после субботы.

- Почему надо ждать до тех пор?

- Потому что суббота - день главного события в соревнованиях по виндсерфингу в заливе Гонфлер. Премии наличными. За первое место выходит почти двадцать тысяч долларов Я могу выиграть эти деньги, сеньор Хобарт. Я уже брал два первых места на Майорке и одно в Барселоне. Я знаю, что у меня не самое лучшее время, но хорошее. Я знаю, кто соревнуется здесь, я могу побить их.

- Не знаю, - пожал я плечами. - Все это очень неопределенно.

- Конечно, неопределенно. Я человек, который живет, переводя фантазии в реальность. Взлет какого-то бедного парня, который хочет стать знаменитым матадором, или жокеем, или виндсерфингистом, всегда окружен ореолом невозможного.

На такую сентенцию у меня не было ответа. Я не собирался утверждать, что такого никогда не бывает.

- И подумайте, какая слава для досок Фолкона, - продолжал Вико. - Когда я выиграю, виндсерферы Фолкона появятся на мировой карте соревнований. Мистеру Фолкону придется нанимать целую фабрику народа, чтобы справиться со всеми заказами. Как вы можете проходить мимо такого шанса?

И правда, как? И какой еще у меня есть здесь шанс? Я мог найти местного адвоката и возбудить судебное дело против Вико. Но к чему бы это привело? К тому времени, когда закон начнет действовать, Вико и доски будут уже далеко.

- В субботу я буду в Париже, - сказал я.

- Для меня самое большое удовольствие прийти и увидеть вас.

Итак, я написал название отеля и отдал ему листок. И правда, мне пора было возвращаться.

Мой следующий собеседник не заставил себя долго ждать. Это случилось в тот же вечер, несколько часов спустя после отъезда Найджела. Рейс Пальма - Орли <Аэропорт в Париже> задерживался. Я закончил le grand plateau des fruits de mer, также известный как обед из даров моря, вышел из отеля, чтобы совершить вечерний моцион, и направился вниз к порту. Меня не особенно удивило, что кто-то из сидевших за столиком в кафе на тротуаре помахал рукой и окликнул меня с несомненным акцентом Нью-Джерси, матери коррупции.

- Эй, Хоб. Иди сюда, давай выпьем.

Тони Романья. Он избавился от темно-синего мафиозного прикида, и теперь на нем был легкий бежевый костюм с красными кантами на лацканах. В Нью-Джерси такого рода вещи продают богатым туристам в "Шорт Хиллс Трэвел Бутик". В этом костюме Романья выглядел как бежевый кит с красными кантами на плавниках.

- Привет, Тони, - сказал я, садясь за его столик. - Что привело тебя на опушку этого леса?

- Я слышал, что это исторический город, - ответил он, беззаботно улыбаясь.

- Ты выбрал хорошее место, - подтвердил я. - Знаешь, Гонфлер известен с одиннадцатого века. Особенно я тебе рекомендую церковь святой Катерины и алтарь Нотр-Дам-де-Грейс.

- Очень приятная информация, - одобрил Романья. - На самом деле я надеялся натолкнуться здесь на тебя.

- Как ты узнал, где меня искать?

- Тебя не так трудно найти, Хоб, - признался Романья. - Ты ведь раб привычек, правда?

- Когда-то был им, - согласился я, исподтишка разглядывая его. - Чего ты хочешь, Романья?

Широкое лицо Романьи приняло серьезное выражение. Он постучал по бокалу, усилив впечатление о собственной неуклюжести.

- Ты ищешь Алекса Синклера. - Слова прозвучали скорей как утверждение, чем как вопрос.

- Я ничего не признаю, - предупредил его я. - Но что, если ищущий? Зачем это тебе?

- Я тоже ищущий Алекса, - объявил Романья.

- Почему-то, мистер Романья, это не так сильно меня удивило, как вы могли бы ожидать. Довольно много людей вроде бы заинтересованы в Алексе.

- Ты знаешь, где он?

- Я бы не сидел в Гонфлере, если бы знал это. И ты бы тоже не сидел здесь.

- Но ты надеешься найти его?

Я кивнул.

- Детективное агентство "Альтернатива" всегда находит человека, которого ищет.

- Как бы тебе понравилось работать на меня?

- Не знаю, - ответил я - Сколько ты платишь? Обеспечиваешь ли медицинскую страховку? Планируешь ли пенсионные отчисления? Что ты хочешь, чтобы я делал?

- Это очевидно. Я хочу, чтобы ты нашел Алекса.

- Я это и делаю.

- Да, но для другого клиента. Когда ты его найдешь, я хочу, чтобы ты сказал мне первому. Конечно, я мог бы выловить эту рыбу сам, у меня много связей в столице, но зачем нам дублировать усилия?

- Это будет несправедливо по отношению к моему нынешнему работодателю, - возразил я.

- Может, и несправедливо. Но я хорошо тебе заплачу. И спасу тебя от множества неприятностей.

- Как "хорошо" и каких "неприятностей"?

- Я дам тебе чистых пять тысяч долларов, когда и, если ты скажешь мне, где найти Алекса.

- Мне нравятся круглые цифры вроде этой, - заметил я. - А теперь скажи мне о неприятностях.

- Вовсе никаких неприятностей, если будешь играть по правилам. - Романья улыбнулся. И на мгновение стал похож на потрепанного рубенсовского ангела с синими щеками.

- Мистер Романья, мне правда надо знать больше, чем вы говорите. Кто вы, кого представляете, почему заинтересованы в том, чтобы найти Алекса?

Романья поднялся, бросил на стол, особо не считая, пригоршню банкнот, и одернул свой китовый костюм.

- Пять тысяч долларов, если будешь сотрудничать, - напомнил он, будто надо было напоминать. - Бесконечные счета от врачей, если не будешь. Найдешь меня в "Рице". Сделай себе любезность. Не умирай. - Он зашагал прочь.

Я проследил, как он пересек площадь и сел в "Пежо-404" с шофером. Проследил, как он отъехал. Заметил номер машины, хотя не имел представления, что мне с ним делать. Потом Допил кофе. Когда подошел официант, заплатил за себя, помимо банкнот Романья оставил приличные чаевые, остальное положил в карман. Никаких напрасных трат. Никаких желаний.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

32. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ: ХУАНИТО

На следующий день утром я вернулся поездом в Париж, вполне удовлетворенный тем, как идут дела. Я не особенно продвинулся вперед в поисках Алекса и не вызволил для Фрэнки деньги за виндсерферы. Но, по крайней мере, появилась перспектива, что дела сдвинулись с мертвой точки и даже могут принести некоторые денежные поступления.

Когда я брал такси от вокзала Монпарнас к Форуму де Алль, обещанные Романья пять тысяч долларов плясали у меня перед глазами.

Стоял один из тех дней, которые время от времени бывают в Париже Голубое небо потрясающей прозрачности Мастером-Дизайнером здесь и там с безупречным вкусом разбросаны несерьезные белые облака. Под элегантными мостами Мирабо, де Гренель, де Бир-Хаким, д'Йена течет искрящейся серебристой змеей Сена, разделенная этими мостами на сегменты.

День был великолепный. Толпы переполняли улицы. На Форуме и на широкой террасе перед Бебором соперничали две музыкальные группы, стараясь завоевать внимание публики Одна в национальных костюмах Бретани исполняла фольклорные танцы. Другая, южноамериканская, состояла из двух ведущих гитар, бас-гитары и сопрано-гитары.

Я балдею от хорошей хуапанги, поэтому подошел, чтобы послушать их музыку, и узнал Хуанито, парагвайца, лидера группы из "Эль Манго Энкантадо". На нем была белая рубашка с оборочками и с широкими, надутыми воздухом рукавами.

- Об, встречай меня после выступления. - Засунув маракасы под ремень, он вспыхнул широкой улыбкой. - У меня есть для тебя новости об Алексе.

- А, у тебя новости. Я буду в "Ле Пер Транкиль", выпью чего-нибудь

Удивительно, как легко подцепить информацию, если знаешь, где сшиваться. По-моему, без преувеличения можно сказать, что я самый искусный в западном полушарии охотник за информацией. Конечно, это талант такой же, как и другие, и его главная составляющая - терпение.

- Привет, ты здесь, парень, - двадцать минут спустя сказал мне Хуанито, оставив своих приятелей обходить со шляпой слушателей - Как поживаешь, а?

Вдобавок к рубашке с рюшами на Хуанито были обтягивающие, как собственная кожа, штаны тореадора, спортивные туфли "найк" и белая с синим косынка в горошек, небрежно завязанная вокруг шеи, как у Джона Фойта в "Полночном ковбое". На этот раз он одарил меня мальчишеской улыбкой вместо обычной мрачной ухмылки апаша < бродяга, вор>.

- Послушай, Об, ты все еще хочешь увидеть Алекса? Радостная улыбка и сияющие глаза Хуанито сказали, что это будет мне чего-то стоить. Наверно, дорого. Никто так не любит вас, как парень, который собирается ополовинить ваш кошелек.

Я помедлил.

- Понимаешь, - начал я, - нельзя сказать, что я ищу его. Я имею в виду, что рад бы повидаться с ним, раз уж я в Париже. Но, если не повидаюсь, тоже не велика беда. Понимаешь, что я имею в виду?

Лицо Хуанито увяло. Я наблюдал, как счетная машинка в его мозгу сбросила тридцать процентов с цены, которую он собирался запросить за свою, возможно фальшивую, информацию.

- Брось, Об, - воспрянул он, снова натянув улыбку - Я знаю, что ты должен найти Алекса, а это ведь чего-то стоит, правда?

Я признал, что, вероятно, несколько франков, пожалуй, мог бы заплатить. Потому что ничего особенно волнующего от Хуанито не жду, так, пустяки.

- А сколько будет стоить, если я, допустим, отведу тебя прямо к нему?

- Можешь отвести? - спросил я.

- Ну, не прямо сейчас, но скоро. Однако сначала ты должен сказать мне, сколько это будет, по-твоему, стоить.

- Хуанито, если ты можешь отвести меня прямо к Алексу без крохоборства и мелочной торговли, - я наградил его тяжелым взглядом, - то получишь двести американских долларов, и я сделаю тебе любезность.

- Какую любезность?

- Я не скажу жандармам, что у тебя нет разрешения на работу во Франции.

- Как ты об этом узнал? - Его будто стукнули алебардой.

- Я не выдаю своих источников. - И своих счастливых догадок тоже.

- Пусть будет пятьсот, о'кей? У меня есть люди, чтобы позаботиться о справке для жандармов.

Я хотел было стоять насмерть, но потом решил, какого черта. Если это чьи-то деньги, потому что взятка и подкуп входят в расследование и оплачиваются клиентом, а возможно, и двумя клиентами, то пусть так оно и будет.

- Ладно, - согласился я. - Когда мы это сделаем?

- Встречай меня сегодня ночью перед Сент-Осташ. Знаешь, где это?

- Конечно, знаю. Ты что, принимаешь меня за туриста? - Я всегда могу найти любую точку в МОЕМ Париже

- О'кей, там и увидимся.

- Подожди минутку, в какое время?
- Давай, Об, сделаем это в полночь?
- Прекрасно, - сказал я. - Только окажи мне одну любезность, о'кей?
- Конечно, Об. - Он улыбнулся, но выглядел немного озадаченным.
- Перестань называть меня "Об". Ты южноамериканец, а не француз, у тебя нет оправдания в придыхании. Попробуйся - Х-О-Б.
- ..О-Б, - повторил Хуанито.
- Гораздо лучше, - одобрил я. - Hasta mas tarde. Не опаздывай. - И я ушел, погрузившись в размышления: полночь, гм-м. Интересно, что бы это значило.

33. ВИКО В ПАРИЖЕ

В тот же день ближе к вечеру я сидел на скамейке возле Сены, ожидая увидеть кого угодно, кроме Вико. Он сел на другой конец скамьи, но ничего не сказал.

Сегодня было воскресенье. Я вспомнил, что вчера он участвовал в соревнованиях по виндсерфингу в Гонфлере. Как предполагалось, сегодня, в случае, если он выиграет, Вико должен заплатить мне деньги Фрэнки Фолкона за доски. Глядя на него, я не мог определить, что произошло. Он не казался победителем с сияющими глазами. Но он не выглядел и как опущенный в воду проигравший. При таких обстоятельствах лучше всего спросить.

- И как прошли соревнования по виндсерфингу?
- Меня не интересуют ваши шутки, - буркнул он.
- О чем вы говорите?
- Вы прекрасно знаете.
- Нет, не знаю, - возразил я. - Что, по-вашему, я должен знать?
- Вы знаете, что я не участвовал в соревнованиях в Гонфлере. - Вико помрачнел.
- Откуда мне это знать?
- Оттуда, что вы украли доски, - почти крикнул Вико. Лицо его сморщилось. Он зарыдал. - Ох, подонок! Мой самый большой шанс! А вы не могли доверить их мне на несколько паршивых часов!
- Кто-то украл у вас доски? Как? Когда?
- Я думал, что их доставили из аэропорта в отель. А они туда так никогда и не прибыли.
- Но кто их взял? Не сомневаюсь, что люди видели.

- Большой мужчина в шоферской форме. Так сказал мне носильщик.
- Очевидно, что не я. У меня даже нет шоферской формы.
- Вы могли нанять человека, чтобы он украл мои доски, - заявил Вико.

Я не стал утруждать себя, объясняя ему иронию ситуации: он обвиняет меня в том, что я украл у него виндсерферы, которые он сам украл у моего работодателя. Парень, похоже, был не в том состоянии, чтобы понимать иронию. Вместо этого я спросил:

- Зачем бы я украл их?

- Для того, чтобы вернуть своему клиенту Фолкону.

- Хорошая идея, - согласился я. - Мне бы надо было подумать об этом вчера. Но ведь я уже согласился подождать оплаты. Разве вы не помните? Вико пожал плечами.

- Вико, проснитесь, - сказал я. - Я не крал ваших досок. До вас дошло?

- Не имеет значения, дошло до меня или нет, - снова начал Вико. - Проблема не в том, что я думаю, проблема в том, что подумают мои партнеры.

- Первый раз слышу о ваших партнерах. Я считал, вы один против всего мира пустились в приключение на виндсерфинге.

- Ну, я чуть преувеличил, - признался Вико. - Дело в том, что у меня есть партнеры, а им не понравится такое развитие события. Пропустить соревнования в Гонфлере уже очень плохо. Ну а как быть с другими европейскими событиями в, виндсерфинге? На следующей неделе Амстердам, потом Гармиш, озеро Констанс, Маджиоре. Очень важно, чтобы я там тоже поднимал парус.

- Сочувствую, - проговорил я. - Но вам бы следовало сначала заплатить за доски. А вместо этого вы на рыбацьем судне ввезли их контрабандой во Францию.

- Вы и об этом знаете? Мистер Дракониан, моя большая ошибка, что я это сделал. Но я был вынужден. Еще на Ибице я доверил брату, Энрике, который также бухгалтер "Марисол", послать сеньору Фолкону чек. Но вместо этого Энрике поехал в Сан-Себастьян, где, наверно, проиграет все деньги.

- Как бы то ни было, вы не заплатили. Вы украли доски.

- У меня паника, - Вико совсем разучился говорить по-английски. - И я не мог связаться с моими партнерами, которые путешествуют по Европе, наблюдая, как я соревнуюсь.

- Партнеры? Вы прежде не упоминали о них.

- Да, у меня есть партнеры, я разговаривал с ними, и мы решили заплатить вашему клиенту, мистеру Фолкону, за виндсерферы. Сейчас, немедленно.

- Правда? А я думал, вы не можете выделить и су, пока не выиграете гонку.

- Технически это правильно. Но у моих партнеров есть кое-какие деньги. К счастью. Мы не проклинаяем вас, мистер Об, за то, что вы забрали наши виндсерферы. Но теперь они мне и правда нужны. Следовательно, вуаля, плата.

Из внутреннего кармана он вытащил толстый коричневый конверт и вручил мне. Внутри лежала пачка купюр. Я быстро просмотрел их. Там были американские и французские деньги и несколько фунтов стерлингов. Всего понемногу.

- Сколько здесь? - спросил я.

- Двадцать пять тысяч долларов. Вы можете заплатить мистеру Фолкону, а остальное взять себе.

- Вико, почему вы решили дать мне такой гонорар?

- Потому что вы мне нравитесь, мистер Об. И потому что мне нужны эти доски, а вы, кажется, и есть тот ключ, который вернет их мне.

- Я уже говорил, что ничего не знаю о том, кто взял ваши, или, вернее, не ваши, виндсерферы.

- Так, все понятно, - проговорил Вико с убийственной мягкостью, которая иногда появляется у испанцев перед тем, как они взрываются и штурмуют баррикады. - Я не ставлю обвинений. Только найдите человека, который доставит доски по следующему адресу, - он вынул листок бумаги и протянул мне, - в течение сорока восьми часов, и все будут удовлетворены.

- Сделаю все, что смогу, - согласился я, пряча деньги в карман. - Но я ничего не обещаю.

- Пожалуйста, проследите, чтобы виндсерферы прибыли по этому адресу, - повторил Вико. - Ради собственного спасения.

Он поднялся, чтобы уйти. Я тоже встал.

- Вы мне угрожаете?

- Не я. Я не люблю насилия. Это мои партнеры, которых мы оба должны опасаться. - Он ушел.

На листке бумаги был указан адрес в окрестностях Парижа. Я спрятал его в бумажник. Потом позвонил Найджелу Уитону и договорился с ним о встрече в баре "Нью-Йорк Гарри".

- Понимаю, в чем проблема, - сказал он, когда я передал ему разговор с Вико.

- По-твоему, кто-то украл доски, кому нечего делать с остальной экипировкой? Или это просто случайность?

- Трудное положение, старина. Но я посмотрю, что можно сделать.

Уитон улыбнулся, и колокола тревоги забили у меня в голове. Я склонен верить, что мои друзья остались точно такими, какими были десять лет назад, когда я

видел их последний раз. И я всегда ошибаюсь. Я не тот, каким был десять лет назад, почему же они должны остаться прежними?

- Найджел, - пробормотал я, - у тебя нет случайно шоферской формы?

- Конечно, нет, старина, - возразил Найджел. - Скоро увидимся. - Он дошел до двери и обернулся. - Но, естественно, я знаю, где ее достать. - С этими словами он ушел.

Я ничего не знал о том, что все эти десять лет делал Найджел. Я примчался в Париж убежденный, что время застыло, все и всё осталось неизменным. Однако оказалось, что это совсем не так. Да так и не могло быть. Чем занимался Найджел, когда не работал на меня? И от кого я мог это узнать?

Когда я вернулся в "Синь", консьерж сообщил, что мне звонили. Некий Жан-Клод просил, чтобы я связался с ним как можно скорее. Я поднялся к себе в номер и позвонил.

Телефон ответил голосом, который звучал так, будто по-французски говорила обширная рыжеволосая женщина с сильным испанским акцентом. Испанцы - это негры Франции. Из них берутся консьержи второ-и третьеклассных парижских отелей. На социальной лестнице они на одну ступеньку выше алжирцев, которые по ночам метут улицы метлами, сделанными из пучка прутьев. Я перешел на испанский и услышал обычные испанские жалобы на холодность французского народа и на пресность их пищи. Убедившись, что я никого не знаю в Альбасете, она сообщила, что Жан-Клод ушел, но очень хотел со мной поговорить. Я дал ей свой номер в отеле.

До встречи с Хуанито оставалось еще полтора часа. Поэтому я принял ванну и лег вздремнуть. Вы, наверно, подумали, что я слишком много сплю. На самом деле это не так. Другие детективы тоже много спят. Они просто об этом не рассказывают. Но я твердо решил писать только правду обо всем, что касается моего расследования. Так позвольте мне придерживаться правды.

Я поставил свои "Касио" на запястье на 11.45, лег и почти сейчас же заснул. Будильник зазвенел чересчур скоро, и борьба с программой часов - надо же остановить проклятый колокольный звон - приятно разбудила меня. Я надел темно-синюю хлопчатобумажную спортивную рубашку, невесомый спортивный пиджак цвета хаки с множеством карманов и вышел в журчащую и теплую парижскую ночь.

34. СЕНТ-ОСТАШ

После краткого совещания консьерж отеля рассказал все, что мне надо знать о местоположении Сент-Осташ. Фактически это оказалось за углом. Я вышел из отеля "Синь" и зашагал по рю Рамбюто мимо Форум де Алль к Сент-Осташ

недалеко от Биржи. Когда-то этот огромный готический собор построили, соперничая с Нотр-Дам. Поднимаясь над мясными и рыбными лавками квартала, его парящие портики и розовые окна были хорошо видны в полной света парижской ночи. Когда я подошел, как раз наступила полночь. Я слышал бой гигантских уличных часов высотой четыре метра и весом больше тонны. Звук доносился из соседнего крытого перехода.

Через секунду после моего появления пришел Хуанито. Или, наверно, он был там раньше и поджидал меня. Он не сменил костюм испанского музыканта, который носил утром, только добавил к нему элегантную, длиной до талии темно-синюю пелерину, что придавало ему легкое сходство со студентами военной академии Сен-Сир.

- Ах, амиго, пойдём со мной, - воскликнул Хуанито и повел меня в Сент-Осташ.

Собор немного не дотягивал до пламенеющей готики <Готическая архитектура пламенеющего стиля возникла во Франции в конце XIII - начале XIV в, отличается обилием декора>, хотя сводчатый неф с нависающим замковым камнем был высокий. Мимо придела Богоматери, гробницы Кольбера мы приближались к алтарю, одновременно совершая краткий обзор французской истории. Здесь проходил обряд крещения Ришелье, Мольера, мадам де Помпадур. Здесь Людовик XIV принял первое причастие, и здесь похоронили Лафонтена, Мирабо и уже упоминавшегося Мольера <Жан Батист Кольбер (1619 - 1683) - государственный деятель, финансист. Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585 - 1642) - кардинал, государственный деятель. Мольер

Жан Батист Поклен (1622 - 1673) - комедиограф; Помпадур

Жанна Антуанетта де Пуассон (1721 - 1764) - фаворитка короля Людовика XV ; Жан де Лафонтен (1621 - 1695) - писатель, баснописец, Мирабо, Оноре Габриель Рикети (1749 - 1791) - деятель Великой Французской революции.>.

- Куда мы идем? - прошептал я.

- Когда ты последний раз был на исповеди? - прошелестел в ответ Хуанито.

- Ого, я еврей, мы не делаем вещей такого рода, - пояснил я.

- Ну тогда это будет для тебя новый опыт. - Он подвел меня к исповедальной кабине. Я с отвращением разглядывал ее.

- В чем дело? - спросил я. У южноамериканцев иногда прорезывается странное чувство юмора.

- Входи, - сказал Хуанито, показывая на кабину. - Увидишь.

Мне это не понравилось, но черт с ним, я вошел внутрь. Штора загоразживала вид на церковный зал. Наклонившись вперед, я обнаружил люк, его открывают, чтобы говорить со священником. Я отодвинул дверцу и открыл люк. С другой стороны донеслись шуршащие звуки, будто священник поправлял свою сутану, или что он там носит.

- Oui, mon fils? <Да, сын мой? (фр.)> - немного спустя проговорил мягкий голос.

Я нетерпеливо пожал плечами. Ситуация определенно выводила меня из себя. Огромная полутемная церковь, фантастические очертания, бесчисленные свечи, величественные скульптуры, аромат ладана и благочестия - все вместе моментально вызвало у меня нервное несварение желудка. Это явно не мой Париж. Но все же мне удалось на этой сцене восстановить некоторую часть здравомыслия, и я произнес обычным разговорным тоном:

- Привет, я Хоб Дракониан, кому имею удовольствие исповедоваться?

- Мне сказали, что вы немного дурак, - проворчал совсем несвященнический голос по другую сторону перегородки.

- Но все же не такой дурак, чтобы назначать встречу в исповедальной кабине, - заметил я. - Что это для вас, какое-то извращенное удовольствие? И, кстати, кто вы?

- Разговаривая с вами, я должен оставаться невидимым, - сообщил голос. - Это место мне кажется самым безопасным из всех, какие я мог за короткое время придумать. И его преимущество в том, что оно рядом с вашим отелем.

- Да, рукой подать, - согласился я. - Конечно, вы могли бы прийти ко мне в номер, я бы поставил несколько бутылок вина, и мы бы обо всем переговорили в цивилизованной манере. Я полагаю, это место безопасно до тех пор, пока священник не заинтересовался, во что мы играем в его кабине.

- Священник в Маракеше, он в отпуске, - возразил голос. - По-вашему, мы не умеем устраивать такие дела?

- Не знаю. А кто вы?

- Вам нет необходимости этого знать.

- Вы правы, - согласился я. - Но у меня также нет необходимости быть здесь. - Я встал. - Если вы захотите продолжить разговор, то найдете меня в "Пье дю Кошон", это рядом. И, наверно, я закажу гратинэ.

- Не так быстро, - зашипел предполагаемый эрзац-священник. - Сколько вы заплатите за информацию об Алексее?

Я снова сел. Наконец мы вернулись к реальности.

- Я должен сначала услышать информацию, потом буду судить, сколько она стоит.

- Моя информация потребует минимальной платы в пятьсот американских долларов, если вы решите, что она ценная. Это подходит?

- Да, - согласился я, - но только если ценная.

- Можете вы дать мне сейчас сто долларов, чтобы показать свои добрые намерения?

- Не будьте смешным, - фыркнул я.

- Ладно. Идите за мной.

35. ЭСТЕБАН

Мы вышли из Сент-Осташ, фальшивый священник и я, и промаршировали по рю де ля Трюандери и затем по рю Сен-Дени. Снэк-бары, бутики, секс-шопы, кафе - все работало в полную силу. Я покосился на своего компаньона. Высокий, с желтовато-зеленым цветом лица, хищными глазами и усами Панчо Вилья <Панчо Вилья, настоящее имя Доротео Аранго (1877 - 1923) - участник мексиканской революции 1910 - 1917 годов.>. То, что я принял за сутану, оказалось пончо.

- У вас есть имя? - спросил я. - Или к вам можно обращаться как к фальшивому священнику?

- Зовите меня Ишмаэль, - ответил он. - Нет, впрочем, не зовите меня Ишмаэль, это только нервный рефлекс от литературных курсов в Новой школе в Нью-Йорке, на которые я ходил в прошлом году.

- Это были хорошие курсы? - проговорил я, считая, что надо что-то сказать.

- Мне, в частности, нравилась грудастая молоденькая еврейская девушка, которая их посещала, - признался он. - Что же касается остального, то я буду счастлив, когда наконец перестану думать о белых китах по имени Моби Дик <"Моби Дик" - роман американского классика Германа Мелвилла (1819 - 1891). Белый кит, Моби Дик, символизирует рок, от которого никому не уйти.>. Вы можете звать меня Эстебан.

Мы еще немного прошли в приятном молчании.

- Куда вы меня ведете? - наконец спросил я.

Мы как раз подходили к тенистым аллеям, окружающим фонтан Непорочных. Это место связано с плохими воспоминаниями. Во время осады Парижа Генрихом Наваррским в 1590 году мертвые покидали кладбище, расположенное в этом районе, и, как рассказывают, танцевали на улицах. Сейчас днем это туристская достопримечательность, а ночью место, где заключаются подпольные соглашения и небольшие контрабандные сделки.

- По-моему, здесь будет так же хорошо, как и в любом другом месте, - объявил Эстебан.

Две фигуры отделились от бродяг, окружавших фонтан. Мне не понравилось, как они подошли прямо ко мне, отрезав меня от прохожих с одной и другой стороны. И мне не понравилась манера, с какой Эстебан попятился, его рука полезла в карман накидки и вновь появилась с чем-то блестящим. Это была не гармоника.

- Эстебан, у меня создалось о вас ложное впечатление, - проворчал я.

- Неужели?

- Я принимал вас за честного мошенника, а вы оказались момцером самого дурного полета.

- Момцером! - захихикал Эстебан. - Я забыл экзотический диалект Нью-Йорка. Как я хотел бы научиться говорить с идиомами.

- Если мы провернем нашу сделку, я бы мог стать вашим учителем идиша.

- Я моментально почувствовал к вам расположение, Хоб. - Эстебан без усилий произнес "Х" в моем имени. - Мне жаль, что я должен поставить вас в такие условия, какие вы себе и вообразить не можете. Политика - жестокая любовница.

- Перестаньте разыгрывать из себя злодея, у вас ничего не выходит, - усмехнулся я. - Послушайте, Эстебан, серьезно, давайте вы и я где-нибудь сядем и поговорим. Нет ситуаций, из которых нет выхода.

- Если бы дело было во мне, - протянул Эстебан с тем меланхолическим выражением, которое иногда появляется на лице южноамериканцев, когда они вынуждены расправиться с человеком, который им на самом деле нравится. - Но мои руки связаны. Приказ об этой акции идет прямо от "Эль Группо Бланко".

- Ох, идет прямо от "Эль Группо Бланко", - повторил я за ним.

- Да, это так.

- Черт, - возмутился я, - почему вы не сказали мне с самого начала? В таком случае вам позволено делать со мной все что угодно, раз уж "Группо Бланко" берет ответственность на себя. А теперь, Эстебан, честно признайтесь, разве это не дурацкая позиция?

По-видимому, мои слова пролетели над их головами. Даже не осмыслив, что я сказал, два оруженосца Эстебана, или как их еще назвать, соединились в одной точке, и этой точкой был я.

Я сделал свою игру. В широкую брешь между моими тремя преследователями я прорвался в сторону Севастопольского бульвара. Страх прибавлял скорости моим мелькающим ногам.

К несчастью, я этого не сделал.

Они были наготове. Когда я рванулся, один подставил ногу, а другой размахнулся. Похоже, будто они отрепетировали заранее. В мозгу у меня взорвались квазары. Ноги превратились в мыльные пузыри. В голове я услышал высокое пронзительное пение. Я так и не почувствовал, когда ударился о мостовую.

Любопытно, как испанский мир продолжает вторгаться в мою жизнь, хотя я уже давно оставил Ибицу. Должно быть, есть что-то в менталитете, что притягивает меня, заставляет разыскивать тоскливый дух древнего испанизма. Страны существуют как модели для нашего разума и дают нам окраску независимо от наших индивидуальных особенностей. Моя связь с Испанией была глубокой, ироничной и такой же обманчивой, как приключения великого Дона Кихота, моего прауродителя.

Такие мысли кружились у меня в голове, когда я лежал, брошенный на одну сторону кузова просторной вроде бы экскурсионной машины. Я решил пока притворяться, будто потерял сознание. Сквозь бахрому ресниц сощуренных глаз я мог различить у себя за спиной двух крупных мужчин, которые следили за мной с откидных сиденьев. Отдельно от них рядом с водителем сидел Эстебан. На водителе была шоферская фуражка. Легко заметить, что у южноамериканцев в любых обстоятельствах сохраняется чувство стиля. Конечно, способ, каким они меня похитили, не вписывался даже в длинный ряд моих самых фантастических ассоциаций. И что такое, черт возьми, "Эль Группо Бланко"? А, кстати, чего они хотят от меня?

Двое мужчин на откидных сиденьях тихо переговаривались между собой. Они говорили на языке, которого я никогда не слышал. Один из них время от времени обращался к Эстебану, и тот отвечал на том же языке. Мне вдруг пришло в голову, что они вовсе и не латины. Их язык показался мне немного похожим на албанский. Или, может, это один из македонских диалектов, которые после Александра Великого остались разбросанными по всем районам, где он прошел.

Мы уже миновали центр Парижа и направлялись к кольцевой дороге, которая окружает город. Потом свернули к Порт де ля Вийет и поехали на запад. Здесь движение стало не таким интенсивным. Мы обогнули северную границу города и свернули на юг мимо Порт Майо, проехали мило или чуть больше и оказались у Порт Дофин. Теперь мы были в Булонском лесу, большом, тщательно ухоженном месте для прогулок в западной части Парижа.

Когда мы катили по тенистым аллеям, я видел многочисленных проституток, выстроившихся, как на параде, вдоль тротуаров. Они все носили меха и ничего под ними. Мы приблизились к Алле де Лоншан, где слоняются мужчины-проститутки, затем мы пересекли территорию Гоночного клуба Франции, еще немного проехали и остановились прямо за высотами Прэ Катела на заболоченной земле недалеко от озера Инферье. Как говорят, сюда парижские банды притаскивают тела своих жертв.

- Отлично, Хоб, - произнес твердый, с хорошим произношением буквы "Х" голос Эстебана. - Это конец маршрута, как говорите вы, американцы.

Притворяться потерявшим сознание больше не было смысла. Все выглядело так, будто очень скоро меня ждет неотвратимая реальность: Большой Сон, о котором пел Джим Моррисон.

- Пожалуйста, выйдите из машины, - сказал Эстебан.

Я молча подчинился, на этот раз без неумных острот. Меня встревожило, что Эстебан не предупредил, чтобы я не пытался бежать. Вероятно, его не беспокоит, буду я пытаться бежать или нет. У него уже есть план, что со мной делать.

Эстебан и его помощники образовали круг, замкнули меня в нем и повели глубже в лес, где рос кустарник. Стояла ясная ночь. Сквозь ветви я мог видеть над головой Орион. Когда мы шли по газонам, наши ступни издавали высокий чавкающий звук. Один из мужчин был отвратительно простужен. Он без конца сморкался в белый платок. Я не сумел придумать, как мне использовать это преимущество, но, во всяком случае, хотя бы еще не отказался от таких мыслей.

Наконец мы вышли на небольшую поляну. Остановились.

- Теперь давайте поговорим, - предложил Эстебан.

Он сделал жест рукой. Два его помощника чуть попятнулись. От этого у меня улучшилось настроение. Не то чтобы я и правда поверил в восстановление наших отношений, но определенно начало было положено.

- Друг мой, - проговорил Эстебан, - может, это не самая лучшая идея - искать Алекса.

- Забавно, что это сказали вы. Я как раз начал думать о том же самом, - заметил я.

- Правда?

- Да, я так и эдак прокручивал эту мысль, - подтвердил я. - Алекс - штука *roquito complicado, verdad?* <Довольно сложная, правда? (исп.)>. Занятие вовсе не в моем вкусе. Я как раз подходил к решению написать, что выхожу из игры, и поехать домой к моим бывшим женам.

- Очень хорошая идея, - согласился Эстебан.

- Он не такой тупой, каким выглядит, - вмешался один из оруженосцев.

Я пропустил его реплику мимо ушей.

- Дело в том, что, если я брошу работу, у меня не хватит денег вернуться домой.

Эстебан уставился на меня. Потом издал короткий то ли рык, то ли смешок.

- Сеньор Дракониан, вы меня удивляете. Неужели вы пытаетесь заставить меня заплатить вам за то, чтобы вы бросили это Дело? Я бы скорей подумал, вы будете благодарны, если уйдете отсюда живым.

- Конечно, буду благодарен, - не стал возражать я. - Не поймите меня не правильно. Но, откровенно говоря, я не считал, что вы всерьез собираетесь меня убить.

- Как вы пришли к такому заключению?

- Только по одной причине. "Эль Группо Бланко" не одобрит. Никак не одобрит. Вы же знаете, как часто они меняют свои решения. В данный момент осторожность - приказ дня. Не взбивать волну. Иначе вы поставите под угрозу множество тщательно выношенных планов.

- Что вы знаете об "Эль Группо"? - спросил Эстебан.

- Что я знаю - мое дело. Я не собираюсь открывать то, что знаю, ни вам, ни кому-то еще. Для вас это тоже безопаснее, понимаете.

- У вас против нас много шансов, - пробормотал Эстебан. - Даже не знаю. Наверно, нам все же безопаснее, если вы будете мертвым.

- Вы ошибаетесь. Только по одной причине: убив меня, вы скомпрометируете Хуанито. Инспектор Фошон из полиции Парижа следит за каждым моим шагом. Он держит меня под постоянным наблюдением. Не думайте, что это маленькое похищение прошло незамеченным. Фошон и его люди готовы в любую минуту двинуться по моим следам.

- Однако никто не преследовал нас, - возразил Эстебан, хотя голос его звучал неуверенно. И кто бы мог быть уверен?

- Они не должны буквально висеть у вас на хвосте, - пояснил я. - Насколько я знаю Фошона, он вмонтировал "жучок" в вашу машину, едва только заметил, как разворачиваются события. Он мастер, этот Фошон. Но, по-моему, вы ждали, что во Франции столкнетесь с такими вещами.

Эстебан повернулся к своим помощникам, и они поговорили на языке, которого я не понимал. Слушая более внимательно, я решил, что это не албанский. Для меня он звучал как турецкий, может, азербайджанский. Только потом я узнал, что это был гуарани, основной язык индейцев Парагвая.

- Вы собираетесь прекратить поиски Алекса? - спросил Эстебан.

- Я подумаю. А тем временем перекрестите мою ладонь серебром или бумажными банкнотами, и я постараюсь облегчить вашу участь, когда этот восковой шарик растечется.

- Смешно, - сказал Эстебан. - Вы не в том положении, чтобы выдвигать требования.

- Мне дело представляется по-другому, - настаивал я. - Послушайте, Эстебан, заплатите. Ведь это не ваши деньги. Они принадлежат "Эль Группо Бланко". Там даже не заметят потери нескольких тысяч долларов, если вы проведете их как незначительную трату налетными.

- Несколько тысяч? Это невозможно. Мы действуем с очень ограниченным бюджетом. Для южноамериканцев ужасно дорого жить в Париже.

- Ладно, это ваши проблемы, - проговорил я. - К черту, ведь я у вас не взятку просил. Делайте что хотите. Но, пожалуйста, поскорей кончайте. Фошона, наверно, уже тошнит от лазания по кустам. И у меня есть более важные дела, чем торчать всю ночь с вами в Будонском лесу.

Эстебан провел еще одну краткую конференцию. Потом вытащил бумажник.

- Я дам вам десять тысяч франков, но вы должны прекратить поиски Алекса, - поставил он условие.

Я взял деньги и сунул в карман.

- Вообще-то, Эстебан, для вас лучше искать его вместе со мной, чем с кем-то другим. Я ищу Алекса, потому что это моя работа. А кроме того, я его друг и постараюсь сделать как для него лучше.

- Вы сказали, что перестанете его искать, - почти закричал Эстебан. В его голосе прозвучало искреннее возмущение. Типы, которые похищают людей, трогательно верят, что сами они могут лгать, сколько угодно, а все другие обязаны держать слово.

- Я должен продолжать поиски, но я не буду особенно стараться.

Видимо, Эстебан понял, что встретил равного себе в искусстве напускать туману. Ответный удар оказался слабым.

- Запомните, вас предупреждали. Берегитесь. В следующий раз, когда нам придется говорить с вами, это может быть последний разговор. - Жалкая угроза, но я понял: он пытался спасти лицо.

- Эй, а как насчет того, чтобы отвезти меня в Париж? - закричал я им вслед, когда Эстебан и его друзья направились к машине.

- Поедете назад с вашим другом Фошоном, - ответил Эстебан.

Вскоре я услышал, как заработал мотор и машина отъехала. Потом раздался треск веток. Из кустов выбрался инспектор Фошон и рядом с ним детектив в штатском.

- Очень хорошо, Об, - сказал Фошон. - Мы не спускаем глаз с этих парней. Но откуда вы узнали, что я совсем близко?

- По правде говоря, я не знал. Однако именно этого желал больше всего на свете, - признался я.

- Приятно, когда мечты сбываются, - согласился Фошон. - Десять тысяч франков можете отдать мне.

- Ну уж бросьте! Чтобы получить их, я прошел через кучу неприятностей!

- Мы вернем их, когда закончится следствие. Марсель, напиши расписку, - распорядился Фошон.

Второй полицейский в штатском, высокий, бледный, постриженный "ежиком", достал из кармана блокнот, что-то нацарапал и вручил листок мне. Я отдал ему деньги. Легко пришли, легко ушли.

37. ЖАН-КЛОД И НАЙДЖЕЛ; ОБ АЛЕКСЕ

Когда я подъехал на "Пежо" Фошона, перед отелем меня ждал Жан-Клод. Пока мы с Фошоном обменивались прощальными любезностями, он из осторожности шагнул в тень.

- Да, инспектор, - сказал я, - большое спасибо, что спасли меня. Вообще-то я держал ситуацию под контролем. Но поддержка со спины всегда приятна.

- Будьте осторожны, Об, - Фошон пожал плечами и состроил гримасу. - Помоему, вы, как говорят у вас в Америке, играете с мечом, подвешенным над головой.

- Да, так мы говорим, правильно, - согласился я. - Наверно, вы хотите, чтобы я через определенное время регулярно сообщал вам все, касающееся Алекса? Что я видел, слышал или сделал.

- Ох нет, - Фошон усмехнулся, хихикнув. - Только будьте осторожны, когда что-то делаете. Вы не жесткий человек, чтобы заниматься преследованием. И этим отличаетесь от нас, для которых это обычная рутина.

- Вы не могли бы сказать, что такое в Алексе привлекло внимание полиции Парижа? - спросил я. - За ним что-то есть, раз его разыскивают?

- Насколько мне известно, ничего нет, - ответил Фошон. - Но, конечно, кто знает, что принесет нам завтра.

И зашагал к машине, насвистывая "У моей блондинки" в собственной неподражаемой манере.

Когда Фошон уехал, Жан-Клод вышел из своего укрытия. Челюсть отвисла, брови взлетели к волосам. Я понимал, что сейчас стану объектом неприятной французской иронии, поэтому опередил его, пожав плечами и предложив:

- Пойдем в номер, выпьем по бокалу вина и обменяемся слухами, не против?

Жан-Клод тоже пожал плечами и вошел следом за мной в отель.

Найджел Уитон уже сидел у меня в номере и угощался здоровой порцией "Хайг энд Хайг", которое я купил в самолете. Найджел любил шутки вроде этой. Он заявлял, что такие проделки и умение открывать замки дают ему практику и держат в форме для более серьезных вещей. В тот вечер он надел свой твидовый

пиджак от "Харриса", хлопчатобумажные твилловые офицерские брюки и прекрасно начищенные испанские ботинки.

- Ах, это ты, дорогой мой! Вижу, случилось что-то похуже твоей маленькой прогулки в Гонфлер.

- Об этом мы и должны поговорить.

- Послушай, Об, - начал Жан-Клод, - я пытался предупредить тебя. Я звонил тебе, просил передать, что дело неотложное.

- А потом, когда я перезвонил, тебя не было.

- Я спустился в кафе за пачкой сигарет. Почему ты не позвонил еще раз?

Я не сумел найти убедительную отповедь его словам и решил побаловать себя глотком виски. Налив скотч в стакан для зубной щетки, я с минуту сердито покрутил его и устроил маленький водоворот. Потом попробовал.

- Так-то лучше, - крикнул я и раздражающе закашлялся. Я кашлял, а Жан-Клод хлопал меня по спине.

- Убери свои грязные когти, - прорычал я, - я всегда кашляю, когда пью. Жан-Клод, что за чертовщину ты собирался сказать мне по телефону?

- Я хотел предупредить тебя, чтобы ты не садился в машину ни с какими южноамериканцами.

- И как ты узнал, что меня надо предупредить?

- Вчера после полудня я кое-что обнаружил. Разве нет, Найджел?

- Да, я бы сказал, что ты определенно сделал очень много, - поддержал его Уитон. - У тебя ничего нет пожевать к твоему великолепному виски? Сырные палочки очень бы подошли.

Не понимаю, что происходит в Париже. Никто палец о палец не ударит без того, чтобы не напихать в себя еду.

- Послушай, - сказал я, - сырными палочками у меня и не пахнет. Жан-Клод, почему бы тебе не позвонить в "Ле Цинк" на этой же улице и не попросить их прислать нам сэндвичи.

- Французские кафе не занимаются доставкой еды на дом! - Жан-Клод смотрел на меня, будто я сошел с ума.

- Однако Мегрэ они обслуживают! - возразил я.

- Ох, не имеет значения, - вмешался Найджел. - Когда-то у тебя был лучший стол на Ибице.

- Это было, когда мне готовила Кэти.

- Как эта девушка стряпала свиные ребрышки по-китайски! - воскликнул Уитон.

Мне не хотелось углубляться в эту тему. Я повернулся к Жан-Клоду.

- Что ты узнал?

- У меня есть друг, - начал Жан-Клод. - Он официант в "Эль Манго Энкантадо" и подслушал разговор группы этих гаучо. Он сказал, что они обсуждали Алекса.

- Что они говорили?

- Он не мог понять. Они говорили на языке, которого мой друг не знает.

- Ему удалось выяснить их отношение к Алексу?

- Да, конечно. Мы обсуждали это. Он считает, что у них неопределенное отношение.

- В этих сведениях столько же смысла, сколько и во всем Другом в данном деле.

Я потянулся за сигаретой из пачки Найджела, а потом вспомнил, что бросил курить несколько месяцев, или, вернее, несколько недель назад. Но все равно взял. В данный момент это не имеет значения, потому что мне не верится, будто я так Долго проживу, что у меня успеет развиться рак легких.

- У меня для тебя чуть больше информации, - вступил Найджел. - Ты знаешь, что Алекс делал последние несколько лет?

- Продавал подводные поместья во Флориде, так мне представляется.

- И ты совсем не прав. Алекс работал у Аарона, Мерфи, Стейнмеца и Френкена.

- У адвокатов?

- Да, в юридической фирме. Они создавали фонды.

- Создавали фонды? Ты имеешь в виду для политических кампаний и прочего такого?

- Да. Но последний год или два они работали над специальным проектом. Он был связан с недавним разоблачением фондов для Ирана и никарагуанских контрабандистов.

- Мне что, надо вытягивать из тебя по слову? - разозлился я. - Найджел, забудь о драматической подаче своих новостей. Назови мне только факты.

Найджел рассказал, что Алекс оставил Европу лет пять назад. С помощью своей семьи в Вирджинии, уважаемой в обществе, он попал в "Селуин Групп". Эта фирма профессионально занимается созданием фондов. Несколько других групп тоже участвовали в усилиях частных лиц собрать деньги для никарагуанских контрабандистов. Алекс там был самым младшим клерком. По мере того как развивались события, он начал беспокоиться. Ему казалось, что все происходящее выходит за рамки законности.

Потом генеральный прокурор Мис дунул в свисток, правда с опозданием. Сформировали комитеты для расследования, вызывали свидетелей. Свое

положение Алекс оценивал весьма критически. Ему все не нравилось с самого начала. Слишком много людей с видом заговорщиков приходило и уходило из офиса. Правда, непосредственный босс Алекса, Том Огден, прямо сказал, что у них все в порядке, концы спрятаны в воду, ни у кого не будет неприятностей. Но потом началось расследование в конгрессе. Попросили дать свидетельские показания Кейси, Норта и Пойндекстера. Кейси получил инсульт и больше не поправился. Макфарлейн попытался совершить самоубийство. Тут Алекс с опозданием понял, что пора спасать собственную шкуру.

Конечно, он выполнял приказы Тома Огдена. У следствия не было ничего, что можно было предъявить ему как обвинение. Ничего, пока свидетельские показания давал Селуин.

Потом Селуин лег в больницу на шунтирование сердца. Он, вышел после операции в хорошем состоянии, быстро поправлялся и вдруг три недели спустя умер.

После смерти Селуина все тут же изменилось. У Селуина было много друзей на высоких постах, однако теперь это не улучшало положения Алекса. Комитеты, созданные для расследования, обнаружили заговорившие структуры, получавшие деньги, и теперь искали людей, входивших в них. Алекс почувствовал, что земля начинает гореть под ногами.

Конечно, документы Огдена могли бы полностью очистить Алекса. Но они внезапно перестали поступать. Через свои тайные связи Алекс узнал, что с ними что-то, видимо, делает вдова Селуина. Она предпринимала нужные шаги, чтобы защитить честное имя и значительную пенсию мужа, которую после его смерти выплачивали ей.

"Селуин Групп" распустили. Алекс получил чек с уведомлением об окончании контракта и долго и трудно размышлял, что же делать дальше. Создалась такая ситуация, что если бы комитет пришел к мысли, что надо заслушать Алекса, ему, вероятно, грозило бы уголовное дело. Как юрист он подсчитал, что может получить от двух до пяти лет за преступный сговор и по другим статьям.

Он обсудил положение со своим секретарем. Она работала с ним с самого его прихода в "Селуин Групп" и посоветовала ему исчезнуть из города. Конечно, ничто не предвещало, что комитет обязательно будет его разыскивать. Но, безусловно, им было бы приятнее, если бы он оставался в Вашингтоне. Поэтому ему было лучше уехать сейчас, пока никто им не интересуется, и устроить себе длительный отпуск где-нибудь за границей. К примеру, в Париже.

Алекс решил исчезнуть немедленно. Он полностью очистил свой банковский счет. Денег было немного, потому что правительство наложило арест на его основной счет. У него еще лежали деньги в "Кредит Сюз", в Парижском отделении банка, но немного, всего несколько сотен долларов. На первое время этого бы хватило. Он подписал доверенность своему секретарю, чтобы она взяла деньги, когда будет снят арест с его счета. И уехал.

Найджел сделал паузу, чтобы снова налить себе виски. - Откуда ты все это узнал? - спросил я.

- Мне рассказала Ракель. Как ты уже понял, она и есть секретарь Алекса.

- Мне она не говорила об этом, - протянул я.

- Потому что, старина, тебе не хватает интимного подхода. - Найджел выглядел чрезвычайно довольным собой. - В былые дни Кейт часто жаловалась мне.

Я не стал останавливаться на этом.

- Когда Ракель рассказала тебе эту историю?

- Прошлой ночью, когда я заехал к ней в отель, чтобы побеседовать. Она довольно милая малышка.

- Проклятье! - рассердился я. - Ей следовало бы с самого начала все рассказать мне. За какого рода балбеса она меня принимает? По-моему, Ракель и мне лучше сейчас же расчистить завалы.

Я потянулся к телефону.

- Если хочешь позвонить ей в отель, - лениво промурлыкал Найджел, - боюсь, ты ее там не застанешь.

- Где она?

- Я решил, что у меня ей будет уютнее. Ты еще не видел мою берлогу рядом с Пантеоном? Прямо возле Сен-Мишель, дорогое маленькое гнездышко. Она пожаловалась, что, с тех пор как прилетела в Париж, ни разу сносно не ела. И правда, Хоб, ты пренебрегал ею.

С минуту я в ярости тарачил на Найджела глаза. Однако потом мне пришлось расхохотаться. Я забыл о тяге женщин к Найджелу. Может, действовал сочный акцент британского высшего класса, или военная выправка, или веселая поглощенность земными заботами. Но как бы то ни было, женщины всегда вешались на Найджела.

- Отлично, Найджел, - сказал я. - Ты хорошо поработал. Но ты не узнал главного, что мне и вправду необходимо знать. А именно, где Алекс теперь?

- Что касается ЭТО, - заговорил Жан-Клод на своем своеобразном английском и с супернадменным видом провел пальцем по усам, - то надеюсь иметь для тебя один ответ за двадцать четыре часа.

- Расскажи, что ты раскопал, - попросил я.

- Но только я имею. Ты же не думай, что я собираюсь говорить тебе имена моих информантов, а?

- Нет, конечно нет, глупый вопрос. Но, Жан-Клод, это серьезно, или ты снова втираешь мне очки?

- Qu'est-ce que c'est <Что это значит (фр.)> - "втираешь очки"?

- В данном случае это значит говорить не правду и надеяться, что она сойдет за правду.

- Я так не буду делать, - запротестовал Жан-Клод. - Поверь мне, Об. Завтра вечером я смогу отвести тебя к Алексу.

- Прекрасно, - согласился я.

- Конечно, я буду требовать аванс, чтобы позаботиться о моих информантах.

- Мне тоже надо немного денег, Хоб, - вмешался Найджел - Я почти что обещал Ракель угостить ее лучшим в Париже казулет, ты же знаешь, мясным ассорти с бобами в горшочке.

- Тогда позволь ей заплатить самой.

- Перестань, Хоб, не будь таким. Разреши мне заплатить. А потом добавь это к счету, который ей предъявишь.

С нескрываемым неудовольствием я заплатил им обоим. Мы расстались, подчеркнуто проявляя взаимное уважение, хотя с моей стороны и без особого энтузиазма.

После их ухода я снова позвонил Иветт. Мы договорились встретиться завтра за ленчем. Она тоже могла мне кое-что рассказать. Во всяком случае, меня радовало, что Найджел не увидел ее первым.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

38. ГУРМАН В ТЮРЬМЕ

Если вы считаете, что во Франции плохие отели, то вам стоит испытать их тюрьмы. Наконец мне дали одиночную камеру. Я испытывал больше, чем легкую тревогу, когда стражник вел меня по коридору с узорно выложенным камнями полом, где вдоль одной стороны злобно выглядывали из камер и свистели заключенные. Французские тюрьмы очень старые.

Их строили и перестраивали еще в те времена, когда в Северной Америке жили только индейцы. В старых европейских тюрьмах есть что-то мистическое. Сотни лет террора и страданий проникли в поры камней моей камеры. Согласитесь, что в местах, которые так долго предназначались для заточения людей против их воли, есть своя аура. Нахождение в старой тюрьме, наверно, отравляет хуже, чем любой другой яд, потому что это духовное отравление. Ядовитые испарения сломленного духа лишают воли даже самого храброго заключенного.

А я уж точно не самый храбрый. По-моему, я уже объяснял, что к мачо, великолепным усатым мужчинам, не имею никакого отношения. И я не привык, чтобы перед рассветом меня вытаскивали из постели трое мрачнолицых полицейских из Парижских сил специального назначения, которые выглядели так, будто готовы отвоевывать назад Алжир, лишь бы раздобыть мое тело.

Они дали мне время, чтобы поспешно сходить в туалет, но ни минуты, чтобы застегнуть "молнию" на брюках и завязать шнурки. Двое стояли у меня по бокам, третий открывал двери. Так мы промаршировали по отелю. В холле стояли процветающие буржуа с их жеманными девочками в сверхтесных платьях и провожали меня неодобрительными взглядами. А меня полунесли - наполовину я касался ногами пола - в раннее парижское утро. Не сомневаюсь, что в сознании зрителей я выглядел виновным, иначе зачем бы меня уводила полиция? Разве жандармы вытаскивают невинных людей из постели? Вспоминая синевато-серые лица с выгравированным на них осуждением, я испытываю страстное желание окунуть их в грязь. В тот момент я мечтал о революции пролетариата с такими острыми зубами, каких мир еще никогда не видел.

Они втолкнули меня в зловещий синий фургон "Ситроен" с высокой крышей, который всегда появляется во время студенческих демонстраций. Двое из них сели со мной, глазами предупреждая - никаких жалоб или протестов, потому что любое движение или жест оправдывал бы их "вбивание в меня немного здравого смысла". Я сидел молча, понурил голову, приняв позу, которую любой опытный физиономист, каким себя считают все французы, определил бы как "положение тела", доказывающее виновность.

Мы подъехали к внешним воротам "Ла Сайте", большой тюрьмы в центре Парижа. Полицейские часовые отсалютовали и потянули вовнутрь железные ворота с извилистой позолотой наверху. Мы въехали и остановились во внутреннем дворе. Меня потащили в битком набитую и пахшую потом комнату, полную полицейских. У сержанта за столом возник короткий спор с моим стражником. По-моему, на корсиканском, потому что я различил только одно слово "Ессо!", сказанное сержантом, когда он взметнул в воздух руки. А тем временем мои стражники крутили, толкали и вытягивали наружу все мое нутро.

И поэтому я сижу здесь, одинокий, бледный, торчу без дела, будто осока, вырванная из почвы, и никаких адвокатов, чтобы позвонить. Извините, это была истерика. Но я и правда хотел видеть адвоката. Я хотел французского адвоката, который бы защитил меня, если французская юриспруденция вместо habeas corpus, неприкосновенности моей личности, решила выдворить меня отсюда, выдворить меня отсюда, выдворить меня отсюда...

Простите, это снова истерика. Она находит на меня даже здесь, в относительно безопасном месте, где я пишу эти воспоминания и вновь переживаю те дни. Моя камера примерно четыре фута в длину и ширину, толстые каменные стены, маленькое зарешеченное окно на высоте футов двенадцать, грязное ведро (позже я узнал, что в этом квартале часто отказывает канализация). И еще маленькая

скамейка, которая выглядела так, будто ее сделали шимпанзе в начале времен. И больше ничего, кроме нескольких посланий, нацарапанных на стене. Я сумел разобрать только одно из них, самое простое: "МУЖАЙСЯ!". Подпись - Франческо Иссазага. Наверно, баскская фамилия. Но какое это имеет значение?

С высокого потолка на длинном потрепанном шнуре свисала единственная лампочка в проволочной сетке. Я уставился на нее, но никаких идей она мне не подкинула. Больше всего раздражало, что нечего было читать. Забавно, что это одна из первых потребностей, о которой думает человек, оказавшийся в тюрьме. У меня на этот счет есть своя теория. Вкус к чтению развивается в некоторых из нас наравне и в таких же масштабах, как истинный аппетит к еде, ко сну, внебрачным отношениям, как сиденье на скамейке и смакование жалости к себе, большинство из нас никогда не страдает реальной потерей способности к чтению. Даже если мы не активные читатели, мы осознаем изобилие материала для чтения, которое окружает нас со всех сторон - газеты, журналы, книги, доски объявлений, меню, визитные карточки, надписи на телефонных столбах и тому подобное. Ежедневно мы купаемся в море напечатанных слов и стараемся обеспечить себя чтивом, когда отправляемся в воздушные, железнодорожные или автобусные путешествия или когда нам приходится проводить много времени в очередях в специальных агентствах, где ставят штамп визы в паспорта. Тюрьма - это тоже форма путешествия, вероятно, что-то вроде репетиции Великой Комнаты Ожидания перед грядущим путешествием на Небо, которое, можно сказать, давно уже предназначено большинству из нас. Да, это мрачные мысли, но *que voulez-vous?* Чего вы хотите? Я в тюрьме, я не обязан быть веселым.

Делать мне было нечего, только сидеть и приводить мысли в порядок. Помоему, еще Паскаль <Блез Паскаль (1623 - 1662) - французский математик, физик, религиозный философ и писатель> заметил, что большинством ошибок человек обязан своей неспособностью долгое время спокойно сидеть в комнате. Теперь у меня появился шанс попытаться разрешить мировые проблемы, по крайней мере в микрокосмосе.

Для начала я привел в порядок туфли и одежду, снял пиджак, сложил его, положил на скамейку и сел сверху. Но не успел я этого сделать, как тяжелый старомодный замок с наружной стороны двери скрипуче щелкнул, и дверь распахнулась. Я вскочил с излишней поспешностью, потому что ужасная мысль мелькнула у меня в голове. Во французской литературе и фильмах есть знаменитая сцена, которая рисует преступника в камере, ждущего решения, будет ли он казнен или помилован. Он ждет, глаза застыли на двери. Вдруг она распахивается. Врывается полицейский, хватает его и, несмотря на вопли и сопротивление, тянет к гильотине. Прощение отменено!

Да, во Франции они еще пользуются гильотиной. Не то чтобы мне немедленно грозила эта опасность. Обычно здесь довольно долго тянется сложный процесс, прежде чем эта штукавина входит в игру. Но я об этом забыл. Вернее, я как раз размышлял об этом, и у меня появилась мысль, а вдруг ОНИ забыли.

Итак, я приготовился действовать так же, как и мои предшественники, все осужденные, все равно, виновные или невинные, которых хватают и тянут под сводами коридоров, чтобы они встретили свой конец путем одной из самых стильных в мире казней, еще и сегодня существующей на нашей планете. Но, естественно, то, что случилось, не имело ничего общего с моими предположениями.

Мой визитер оказался стражником, одетым, как и все другие, но с одним исключением. Вместо круглой полицейской фуражки на нем был высокий, безукоризненно белый, щегольски заломленный набок колпак шеф-повара.

- Добрый день, мсье, - сказал он. - Я Анри, представитель Обязательного питания кухни "Ла Сайте". Я могу сейчас, мсье, принять у вас заказ на обед.

- Что вы порекомендуете? - Я хотя и был ошарашен, но ухитрился сохранить sang froid <Хладнокровие (фр.)>. Французские и английские слова смешались у меня в голове.

- Пища у нас простая, но мы выиграла награду "L'Incar-ceration" <Заключение в тюрьму (фр.)>, международного журнала тюрем. Для начала парижский суп и к нему порция паштета из гусяной печени с трюфелями, затем задняя ножка ягненка с гарниром из свежей спаржи, смешанной с мелкопорезанным красным перцем, и сверху все украшено сверкающим раввином из тончайшего оливкового масла. Конечно, мсье, если вы предпочитаете домашнюю птицу, то сегодня у нас есть прославленная утка в утонченном соусе из вишен Монморанси.

- Вот это я возьму. Я имею в виду утку. Если вас не затруднит, - бормотал я. - Хотя ничего не имею против бараньей ножки. Я понимаю, вы упомянули ее первой. Так что если вы предпо...

Я старался быть осторожным, не привередничать. Я совершенно не представлял, что означает поведение шеф-стражника. В конце концов, Франция - чудная страна, особенно если вам приходится иметь дело с французами.

- Выбор полностью предоставлен вам, - перебил меня Анри. - Могу ли я предложить вам малоизвестный "Строительный мусор-82", который мы сумели сохранить с прошлой недели?

- Что-нибудь среднее, - кивнул я. - Но скажите мне..., если я могу задать вопрос.

- Конечно, мсье, - ответил Анри.

- Что все это значит?

- Мсье? - явно озадаченный, спросил Анри.

- Куда я попал? - произнес я свой вопрос. - Заключение не должны выбирать пищу гурманов с помощью стражника в колпаке, шеф-повара с винным меню в кармане. Я всегда знал, что Франция суперцивилизованная страна, но это уже слишком!

- Нам нравится, мсье, думать о себе как о цивилизованных людях, - признался Анри. - Но могу уверить вас, что такое не каждый день случается в системе парижских тюрем. Дело в том, что в настоящее время мы празднуем Год Заключенного. Нет-нет, я не имею в виду, что это последний год. Я просто немного пошутил, мсье. Фактически я несвободен открыть вам, откуда поступает эта превосходная пища. Тюремная еда удовлетворит и императора. В течение курса очищения все будет раскрыто, не бойтесь, мсье.

Улыбаясь и кланяясь, Анри оставил мою камеру, не забыв запереть за собой дверь. Я снова сел на скамью и позволил себе расслабиться только на крошечную долю градуса. Трудно объяснить, почему я почувствовал облегчение. Но я попытаюсь, потому что оно прямо связано со странными событиями, ждавшими меня впереди.

Мое убеждение, или, давайте скажем, моя теория, что тут, в тюрьме, действуют люди, которые с большого расстояния управляют Духом Места. Что я имею в виду под "Духом Места"? Я говорю об особенностях, которые придают индивидуальность определенным географическим районам. Другими словами, Дух Места - это сочетание ассоциаций и взаимосвязей, объединяющих прошлое и будущее района. Очертания его границ определяют поведение граждан и даже дают окраску приключениям, которые переживают посетившие данный район.

Посмотрим на это еще проще: в Венеции случаются венецианские приключения, в Хабокене - хабокенские, и можно держать пари, что среди каменистых горных пейзажей Чирикахуа случаются приключения апачей.

Так же и с Парижем, городом, который быстро втягивает приехавшего в дух переживаемого времени. Конечно, у Парижа не один аспект. Многообразный и многослойный, он представляет множество лиц, возможностей и настроений. Все зависит от того, в какой Париж вы приехали. Или, точнее, какой Париж проходит через вас. Париж Жана Вальжана, Виктора Гюго, или Париж Осмена, или Париж Дантона, или Париж Комеди Франсез? Возможностей много, но любой выбор будет французским, а все вместе представят коллективную судьбу галльской сущности, по-прежнему развивающейся совокупности тенденций, что и есть Франция.

И пока я думал, мне пришло в голову, что после того как Анри, шеф-коп-повар, кланяясь, оставил меня, появилась серьезная возможность, чтобы реальные правила моей ситуации стали меняться. Мы оставили зыбкий мир разоблачений и вошли в новое царство фарса, французского фарса, глупей которого ничего нет. По крайней мере, так я думал.

- Иветт! - воскликнул я. Только что я думал о ней, и вот она стоит передо мной. Со СВОЕЙ улыбкой на лице. С соответствующей улыбкой. Знаете, что я имею в виду? Улыбка, которая говорит вам, что вы приняты в игру. - Привет, бэби, - хрипло проговорил я. - Мне приятно думать, что это ты.

- Правда? - так же хрипло произнесла Иветт.

- Vraiment <Правда (фр.)>, - ответил я. - Правда, что это ты, та самая одна-единственная, давным-давно обещанная мне в другой стране?

- Больше не ищи, - посоветовала Иветт. - Я здесь, вечная женственность, поселившаяся в невечной женщине.

- Я люблю слушать, как ты говоришь, - признался я. - Где ты научилась этому?

- В Барбизонской школе метафизической чепухи.

- Лэндсмен! - воскликнул я.

- Ваймеранер, - ответила она.

Я подошел ближе и коснулся ее лица. Почувствовал щетину. Открыл глаза. Узрел инспектора Фошона, терпеливо улыбавшегося, выпятив нижнюю губу, и с похвальным милосердием ждавшего, пока я полностью проснусь и приду в себя.

- С вами все нормально? - спросил он.

- О, конечно, прекрасно, - ответил я. - Приговор уже утвержден? Куда собираются меня выслать? На остров Дьявола? В Новую Каледонию? Если у меня есть выбор, мне бы приятнее было отбывать срок в замке Иф. Знаете, я большой почитатель Дюма.

- Возьмите себя в руки, - с отеческой строгостью проговорил Фошон. - Пойдемте со мной в офис. Произошла нелепая ошибка.

Мы зашагали по коридорам, сделанным не по меркам человека, поднялись на второй этаж в офис, куда не заглядывало солнце, в мрачное чистилище галлов, где меня лишили свободы. Фошон предложил мне поудобнее устроиться в большом кресле, которое он держит только для уважаемых посетителей, и послал за кофе с молоком и круассанами.

- Очень любезно с вашей стороны, - поблагодарил я. - А как там обед гурмана, который я раньше заказал Анри, шеф-стражнику?

Фошон озадаченно уставился на меня, потом с явным удовольствием разулыбался.

- А, вы шутите! Прекрасно! У вас, наверно, была галлюцинация. Простите, но у нас нет службы изысканных обедов для заключенных. Однако я бы с удовольствием сегодня вечером пригласил вас в первоклассный ресторан, чтобы отчасти искупить глупейшую ошибку моих подчиненных. Понимаете, я сказал Жаку Лефевру, младшему офицеру, если это правильно звучит по-английски,

заглянуть по пути в отель и попросить вас прийти и встретиться со мной. Жаку самому этого сделать не удалось, и он, уходя, оставил поручение, которое по странным обстоятельствам попало на рю Морг. Его ординарец, не знаю, правильное ли это слово, и помощники поняли так, что им поручено доставить вас. И они, считая, что вы обычный преступник, использовали обычные методы: грубо ворвались в ваш номер в отеле. Еще раз повторю, je suis desole <Я огорчен (фр.)> и прошу прощения.

- Ничего страшного не случилось, - пробормотал я, пожимая протянутую руку Фошона. У меня мелькнула мысль, что вся эта история, арест и потом извинения, могла быть полностью инсценирована для того, чтобы я оценил преимущества сотрудничества.

- Для чего вы хотели меня видеть? - спросил я.

- Моя новость доставит вам большое удовольствие. Мы все узнали о вашем друге Алексе Синклере. Неплохая работа парижских топтунов, а?

- Нет, - согласился я. - Вернее, да, и вправду очень хорошая. Когда я смогу его увидеть?

Фошон поднес зажигалку к "галуазке". С сигаретой в середине выцветшего рта "бантиком", сощуриив французские голубые глаза от табачного дыма, он наклонился вперед, ближе ко мне, и сказал:

- Ах! Что касается встречи, то боюсь, там есть трудности.

40. АРНЕ; АЛЕКС НАШЕЛСЯ

В "Ле Пер Транкиль", как обычно, толпился народ. В кафе под открытым небом в защищающих от солнца очках сидели поклонники парижских улиц. Я заказал омлет и бутылку оранжада и ждал, глядя на мир пожелтевшими увядшими глазами. В этот момент вслед за Гамлетом я мог сказать: нет ни мужчин, восхищающих меня, ни женщин.

Появился мим Арне, с набеленным лицом и покрашенным "бантиком" клоунским ртом. На нем были черные мешковатые штаны и клетчатая куртка с надписью: "W.C. Fields". Он некоторое время показывал свой номер, а потом подошел к моему столу и сел.

- Как жизнь? - спросил он.

Я сделал итальянский жест, означающий ничего нового.

- Плохо, как всегда? - сказал Арне.

- Недавние приключения с твоим другом Эстебаном не сделали ее лучше. - Я коротко пересказал ему события предыдущей ночи в Булонском лесу.

- Я никогда не говорил, что он мой друг, - внес поправку Арне. - Впрочем, может, он шутил. Эти южноамериканцы великие шутники.

- Я это заметил.

- Не беспокойся, - проговорил он. - Скоро что-то произойдет.

- Именно этого я и боюсь.

Арне вернулся к своему представлению и оставил в темноте незнания меня и мир. Я сидел и пытался вычислить, в какой момент в игру вошли южноамериканцы и какой смысл заключался в том, что рассказал мне Фошон. В таком настроении и нашел меня Найджел, когда прогулочным шагом, поигрывая ротанговой <Ротанг (ротанговая пальма) - лианы рода каламус, идут на изготовление мебели, стройматериалов и т.п.> тростью и геройски выпятив вперед подбородок, подошел к столику. Он был в безукоризненно белом летнем костюме и франтовато надвинутой на один глаз панаме.

- Скучаешь? - приветствовал меня Найджел, воплощение отвратительного добродушия.

- Твое "скучаешь" пачкает меня, - буркнул я.

- Ах, сегодня в полдень мы немного сварливы, так? - Найджел сел и с легкостью поймал взгляд официанта, еще одно неприятное открытие: мне это никогда не удавалось. Он заказал джин с тоником.

- Ладно, какие новости?

- Немного, - ответил я. - Если не считать, что Алекс нашелся.

- Значит, дело закончено?

- Не совсем. Я еще должен увидеть его и отдать деньги, которые привезла Ракель.

- Ну это просто деталь, - заметил Найджел. - Почему бы нам сейчас не пойти и не встретиться с ним?

- Потому, я цитирую инспектора Фошона, там есть трудности.

- Минуточку. - Найджел долго потягивал свой джин с тоником, нашел в серебряной узорной коробке начатую манильскую сигару и прикурил. Потом откинулся на спинку стула и скрестил ноги. - О'кей. Я готов ко всему.

- Инспектор Фошон сказал, что он знает, где Алекс. А трудность в том, что он пообещал Клови никому об этом не говорить, пока Клови не закончит съемку фильма.

Найджел заворчал и сделал еще один долгий глоток джина с тоником.

- К этому я не готов. Почему он дал Клови такое обещание?

- Алекс нужен Клови в фильме. Алекс две недели участвовал в дорогостоящих съемках. Снимать все заново будет еще дороже. Но еще хуже то, что Клови на это не пойдет Ты же знаешь его репутацию. Или он снимает фильм с начала до конца, или отказывается от него.

- Однако какое это имеет отношение к Алексу? То есть почему люди не могут его увидеть?

- Фошон сказал, что Клови озабочен, потому что Алекс уже дважды исчезал и срывал-расписание съемок. Задержки в работе стоили больших денег и поставили под вопрос весь проект Теперь, когда Алекс снова появился, Клови держит его затворником, пока не будут сняты финальные кадры фильма.

- Затворником где?

- В этом и заключается обещание Фошона: он никому не должен говорить где. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут закончены съемки.

- Но почему Фошон оказывает Клови такую любезность?

- Это требует некоторого разъяснения. Ты же знаешь, что французское правительство путем различных гарантий и льгот вкладывает средства в большинство отечественной кинопродукции. Фильм Клови уже стоил около десяти миллионов долларов. Расходы окупятся, когда он выйдет на экраны, если, конечно, с Клови все будет в порядке и он закончит работу. Министр культуры хочет видеть этот фильм завершенным. И, кстати, его дочь участвует в производстве.

- Иветт? - спросил Найджел.

- Конечно, Иветт. Вот так обстоит дело. Важные персоны хотят, чтобы Клови закончил свой фильм. Алекс необходим Клови. За Алексом не числится никаких преступлений. И поэтому Фошон рассуждает так: если американец хочет покинуть родину, то нет закона, запрещающего ему это сделать.

- Но он сказал тебе, что с Алексом все в порядке?

- Именно так и сказал. "Целый и невредимый" - его точные слова. У французской полиции нет причины брать на себя заботу, если разыгрывается какая-то дурацкая интрига. Если человек хочет отгородиться от мира и не отвечает на телефонные звонки, хорошо, это его дело. Ведь полиция не арестовала американского миллионера Говарда Хьюза, который несколько лет сидел запершись, правда? Это пример Фошона, не мой.

- Так какой у нас следующий шаг?

- Я вот что думаю, - ответил я. - Ты и Жан-Клод похитите Клови и будете угрожать ему кошмарными пытками, пока он не откроет, где прячет Алекса.

- Для этого нам понадобится машина, - задумчиво протянул Найджел. - И стоять это будет немало.

- Забудь об этом, - оборвал я его. - Это только гипотеза, и притом недействующая.

- Хорошо. Но что мы должны делать?

- Я немедленно пойду позвоню Клови и потребую от него объяснений, - объявил я.

- Да, - согласился Найджел, - по-моему, ты должен это сделать.

- Увидимся позже, - бросил я и пошел внутрь кафе, чтобы воспользоваться телефоном.

Я подошел к столу размена и попросил жетон, маленькую круглую железку, которая приводит в действие аппараты, запрограммированные на жетоны. Привлечь внимание девушки, сидевшей за кассой, оказалось довольно трудно. Она была увлечена спором с одним из официантов, маленьким парнем с глупым лицом и длинными поэтическими волосами, некий местный вариант циника-нигилиста. Разговор они вели такой скучный, что его не стоило переводить. Наконец мне удалось вытребовать жетон, и я направился вниз. Там в подвале находятся туалеты, телефонные будки и неизбежная консьержка.

У этой туалетной сторожихи были глаза василиска, нос гарпии, плоские седые волосы и бескровные губы. Я бочком пробирался к телефонной будке, как немедленно раздалось угрожающее: "Мсье?" Она протягивала мне маленькое полотенце для рук. Я тут же понял, что она решила, будто я иду в туалет. Конечно, я мог бы объяснить, что всего лишь хочу воспользоваться телефоном. Но эта публика не любит объяснений, им нужны только деньги. Поэтому я взял полотенце, дал ей десять франков и вошел в телефонную будку.

Я видел, как она следит за мной через цветное стекло, и опять начал чувствовать, что меня окружают некие таинственные силы. Часы, проведенные в камере "Ла Санте", и правда не очень полезны для душевного равновесия. А у меня оно и в хорошие времена довольно шаткое.

- Да, алло, кто говорит?

Меня озадачил неожиданно зазвучавший возле уха голос Клови. Хотя ответ донесся из трубки после того, как я набрал номер.

- Клови? Это Хоб.

- Кто?

- Об!

- А, почему вы сразу не сказали? Где вы? Почему не держите со мной связь? Вы пропустили вчерашнюю съемку. Вы знаете об этом?

Я было собирался устроить ему черт-те что за то, что он скрывает от меня Алекса, но, подумав, решил, что сначала лучше объяснить причину моего отсутствия.

- Я хотел позвонить вам сегодня утром, но пришли полицейские и вытащили меня из постели...

- Стойте, - прервал меня Клови.

- Пардон?

- Я хочу, чтобы вы спасли эту историю. На следующей съемке вы расскажете ее перед камерой.

- Простите, Клови, но, кажется, я не совсем вас понимаю.

- Сегодня вечером мы снимаем ключевую сцену, - стал объяснять Клови. - Во время съемки вам надо что-то говорить. Что вы скажете, не имеет значения, мы потом сделаем Дубляж в нашей собственной манере. Продублируем после того, как пойдем, о чем, собственно, получилась сцена. До вас доходит?

- Нет. Простите, я хотел сказать "да".

- Будьте в десять ноль-ноль. Без опоздания. Присутствует вся труппа. Это большое дело, мальчик. Мы рассчитываем на вас.

- Ох, не беспокойтесь, - заверил его я (что было глупо, как я теперь понимаю).

- Кстати, Алекс шлет привет, он не дожидается встречи с вами. Так в десять!

Он повесил трубку. Я сидел в телефонной будке, держал трубку в руках и с отвисшей челюстью смотрел на свое отражение в стекле. С минуту я сомневался в реальности происходящего, но потом взял себя в руки. Да, он это сказал. Алекс! Сегодня в десять!

Раздался злой стук в дверь. Консьержка. Я встал и вышел.

- Мадам? - спросил я.

- Полотенце, - буркнула она, вырывая его из моих рук. - Никто не берет полотенце в телефонную будку.

Я подумал, надо бы попытаться объяснить ей, но это было слишком трудно. Легче сунуть еще десять франков и ускользнуть по лестнице вверх.

"Подожди, пока об этом услышит Найджел", - подумал я, и скромное торжество нарастало у меня в груди.

Потом я остановился на полшаге и хлопнул себя по лбу ладонью правой руки. Я не удосужился спросить у Клови адрес, где будет съемка.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

41. ТЕЛЕФОНЫ В КАФЕ

Взглянем мельком на Париж. Бело-синие прямоугольники названий улиц. Грили самообслуживания. Люди, несущие длинные батоны французского хлеба, известного как багет. И рядом продуктовые рынки под полосатыми навесами или зонтами. Величественная красота сделанного людьми, осознающая себя эталоном вечной живописи жизни. Длинные низкие баржи на Сене - ле бато. И по соседству рыболовы. Японские туристы в аккуратных деловых костюмах, обвешанные фотоаппаратами. И всюду - любовь. Любовь, разлитая в воздухе. Пары, гуляющие, держась за руки. Или обвив руки вокруг талии друг друга. То здесь, то там они останавливаются чтобы обменяться бесконечным поцелуем. Взглянем мельком на ориентиры. Эйфелева башня, Нотр-Дам, башня Монпарнаса, Сакре-Кер, Дворец Инвалидов, Пантеон, Люксембургские сады, завихрения машин вокруг площадей Этуаль и Конкорд. И дизельные грузовики, пылящие вдоль бульвара Сен-Мишель.

У частных детективов есть пословица: прежде чем повернуться к изощренному, не забудь об очевидном. Поэтому я повернулся и снова спустился по затянутым ковром ступенькам к телефонным будкам, туалетам и назойливой консьержке.

Когда я оказался в наблюдаемом ею пространстве, она нахмурилась. И я заметил, как ее рука, защищая, легла поверх стопки бесценных полотенец. Я мельком кивнул ей - делового человека не может беспокоить бессмысленность полотенец в телефонной будке. И тут я понял, что израсходовал свой единственный жетон на предыдущий звонок.

У меня не было времени, как идиоту, возвращаться назад. Я выудил из кармана стофранковую купюру.

- Силь ву пле, пять жетонов, а сдачу оставьте себе.

Эти слова вызвали улыбку поджатых и бескровных губ. Мое необычное поведение подкреплялось хорошей французской валютой, поэтому теперь она, наверно, ничего против меня не имела.

Зажав в кулаке жетоны, я бросился к телефонной будке, которую как раз занимала обширная блондинка средних лет с продуманным макияжем. Она устроилась там так, будто собиралась весь день провести в болтовне с матерью, живущей где-то в парковой зоне, то ли в Пасси, то ли в Сен-Жермен-ан-Лай.

Я постучал жетоном по стеклу, надеясь запугать ее. Я забыл, что это Париж, родина Невозмутимых. Она бросила на меня взгляд, который яснее ясного говорил: "Убирайся к своей бутылке в сточную канаву, санкюлот". Потом она снова повернулась к телефону, очевидно решив говорить, пока не закроется кафе или не замерзнет пекло, в зависимости от того, что случится раньше.

В отчаянии я обернулся к консьержке, наблюдавшей за происходящим с обычной иронической ухмылкой.

- Мадам, - сказал я, - мне нужно сделать звонок по обстоятельствам чрезвычайной важности. Будьте добры, помогите мне. - Пока говорил, я положил ей на стол еще одну стофранковую купюру.

- Мсье доктор? - спросила она с немедленно смягчившимся при виде денег выражением.

- Exactement! <Точно! (фр.)> - воскликнул я. В конце концов частный детектив - это своего рода врач болезней социального организма. Или что-то в этом смысле, я готов спорить, если возникнет необходимость.

- Идите за мной, мсье. - Она поднялась из-за стола, собрала в блюдце монеты и положила в карман своего темного бумазейного платья. Потом провела меня через дверь с надписью "Выхода нет" в длинный, тускло освещенный крохотными лампочками коридор к двери с надписью: "Входа нет". Тут она отперла дверь и вошла. Я следовал за ней по пятам.

Мы попали в своего рода кладовку. Вдоль одной стены до потолка высились стальные полки с выстроившимися рядами бокалов. Посередине сгрудились старые столы. На одном из них лицом вниз лежал маленький лысый мужчина в штанах, спущенных до лодыжек. Когда мужчина поднял голову, под ним оказалась совсем крохотная женщина с искусно завитыми волосами и в юбке, задранной до бедер, Я подумал, что снова влез в очередной акт дурацкой пьесы.

Последующий спор троицы персонажей начался с пронзительного крика и продолжался в более спокойных тонах. Я обнаружил телефон и тотчас направился к нему. А консьержка в это время объясняла, что мсье доктор должен сделать звонок по обстоятельствам чрезвычайной важности и почему бы мсье Альберту и мамзель Фифи для своих совокуплений не поискать дешевый отель.

На этот раз по телефону Клови ответила секретарша. Понимая, что вся троица наострила уши, о чем я буду говорить, я начал так:

- Это доктор Дракониан. Мне надо немедленно поговорить с мсье Клови.

- Но вы не постоянный доктор мсье Клови, - возразила девушка. - Что случилось с доктором Амбрузом?

- Речь идет о хирургии. Мне надо немедленно поговорить с мсье Клови.

- Это имеет отношение к его анализам?

- Может быть, - ответил я.

- Позитивное или негативное?

- Я сообщу это только самому мсье Клови.

- Можете сказать мне. У мсье Клови нет от меня секретов.

- Тогда он сам вам скажет. У меня есть ясные инструкции на этот счет. Мадемуазель, пожалуйста, не отнимайте у меня времени. Соедините меня с мсье Клови.

- Ах, мне очень огорчительно, но я должна сказать вам, что мсье Клови оставил указание никому не говорить, где он. По секрету я могу сказать, что он сегодня вечером снимает кульминационную сцену своего нового фильма. На ней не разрешено никому присутствовать, кроме актеров и технического персонала. Но как только мсье Клови вернется...

- По-моему, вы не поняли, - перебил я ее, - я тоже появляюсь в этом фильме.

Потребовалась минута, чтобы она восприняла сказанное.

- Вы ДОКТОР мсье Клови, и вы также актер?

- Да, конечно, я играю роль иностранного доктора. Ей это не понравилось.

- Вы совершенно уверены...

- Конечно, уверен! - снова перебил я. - Там требуется мое присутствие. Мадемуазель, если я не появлюсь, произойдет ужасный провал.

- Хорошо, я скажу вам, но, надеюсь, у меня не будет неприятностей, - после некоторого колебания наконец решила она. - Сегодняшняя ночная съемка будет проходить в "Клозери де Лиля" на Монпарнасе. Или, вернее, сначала съемочная группа встречается там на обеде. Потом они поедут туда, где проходит заключительная часть сцены.

- Где?

- Я сама, мсье, не знаю. Мсье Клови намерен объявить об этом на встрече съемочной группы.

Я от души поблагодарил ее и повесил трубку. Обернувшись, я обнаружил, что маленький лысый мужчина и малюсенькая женщина с тщательно сделанной прической уже в полном порядке. Аккуратно застегнутые, они вместе с консьержкой стояли в ряд и пялили на меня глаза.

- Большое спасибо, мадам, - сказал я консьержке, поклонился двум другим и направился к двери.

- Если вы будете так любезны, мсье, один момент, - обратился ко мне лысый мужчина.

- Да? - ответил я в легком замешательстве от их напряженных взглядов.

- Мы не знали, что вы актер, - проговорила консьержка.

- Полагаю, не знали, - ответил я, задумавшись, не считается ли преступлением перевоплощение в кинозвезду.

- Не будете ли вы возражать дать нам автограф?

- С величайшим удовольствием, - согласился я. Мужчина протянул мне большое меню. Я написал наискось свое имя и вернул ему.

Он взглянул, потом озадаченно посмотрел на меня.

- Возможно, мсье будет так любезен, что окажет нам честь своим сценическим именем?

- Ну конечно! - Я снова взял меню. Быстро, смело, вдохновляемый чем-то вроде рокового каприза, который кажется таким логичным в Париже, я написал над своим именем: "С наилучшими пожеланиями от Алена Делона".

- Я его каскадер, - объяснил я, прежде чем они успели бы заметить отсутствие сходства.

42. ПЕРЕД КАМЕРОЙ

Я пропустил обед в "Клозери де Лиля", но за соответствующие чаевые мэтр вспомнил, что он подслушал слова, сказанные таксисту, когда группа Клови уезжала. Они отправились в отель "Лозан" на острове Сен-Луи. Я взял туда такси.

Сен-Луи - маленький островок на Сене, расположенный чуть выше острова Сите, почти в географическом центре Парижа. Это заповедник узеньких, узорно выложенных камнями улиц и безмолвных рядов архитектуры без претензий. В отеле "Лозан" когда-то жили некоторые из самых знаменитых французских поэтов и художников. Сейчас парижская мэрия, владеющая отелем, великолепно обновила его, и он стал превосходным задником для исторических драм.

Все в порядке. Итак, я вошел в сцену, где люди в напудренных париках под ослепительным светом прожекторов шипели друг на друга, произнося свой текст. Заметив Клови, я стал пробираться к нему.

- Рад, что вы здесь, - бросил мне Клови. - В этой сцене вы играете Бодлера <Шарль Бодлер (1821 - 1867) - французский поэт, самое известное произведение - "Цветы зла">.

- Неужели? - удивился я. - Вы и правда хотите, чтобы я играл Бодлера?

Мне хотелось выразить, что я по-настоящему польщен. Но удержать внимание Клови было очень трудно. Как раз в этот момент в другом конце помещения он увидел старого друга, высокого парня с оливковой кожей и в пальто из верблюжьей шерсти. Может, французского гангстера, или актера, исполняющего роль французского гангстера, или даже кого-то совершенно другого, играющего актера, исполняющего роль французского гангстера. Ведь они в Париже любят такие игры, по крайней мере в том классе, который может разрешить себе несколько смен одежды.

Я повернулся к Иветт, стоявшей рядом со своим пюпитром, полным листов сценария и инструкций осветителям.

- Да, - сказала Иветт, - очень большая честь, даже если это сложная шутка со стороны Клови. Тут раскрывается часть его метода нахождения актера, который очень противоречив. Пойдемте со мной в костюмерную. Нам лучше, если вы будете одеты и подготовлены.

Я проследовал за ней через переполненную маленькую комнату. Мы миновали коридор и подошли к двери с надписью "Гардероб". Там Иветт сказала гардеробщице, чье имя я так и не уловил, что вот, мол, самый новый Бодлер Клови.

- Что вы имели в виду под самым новым Бодлером? Сколько их у него было? - спросил я у Иветт, пока гардеробщица пошла подбирать мне костюм.

- Вы третий. - Она обратилась к гардеробщице:

- Не забудьте о туфлях!

- О каких? - крикнула в ответ гардеробщица. - О полосатых, которые чередуются во сне, или об огорчительно-нормальных черных и серых?

- Черных и серых.

- Что случилось с другими двумя Бодлерами? - продолжал я расспросы.

Гардеробщица вернулась с охапкой, тяжелой на вид, темной одежды, с белой рубашкой и с черными и серыми туфлями. Иветт показала, чтобы я все забрал, и повела меня снова в коридор.

- С двумя другими, - повторил я. - Что с ними случилось?

- Одного из них арестовали за попытку ограбления банка в Ницце. Как вы можете догадаться, он оказался человеком двух профессий, хотя, конечно, Клови не мог об этом знать, когда приглашал его.

- А другой?

- Его сбила машина. Два месяца в больнице.

- Не очень счастливая роль. Интересно, почему Клови выбрал меня.

- Потому что вы подходящего размера, - объяснила Иветт. - У нас нет времени заказывать новые костюмы. Особенно туфли. Их трудно достать за два-три часа.

- А что такого особенного в этих туфлях?

- У Клови есть теория о Шарле Бодлере и туфлях. Для Клови туфли - главный символ перемен настроения, которые испытывает Бодлер.

- Это фильм о Бодлере?

- Не совсем, - возразила Иветт. - Трудно сказать, о чем фильм Клови. Никто ничего не знает, пока Клови не закончит редактировать, и переснимать, и переснимать. Вы можете переодеться здесь. - Иветт показала на дверь.

- Иветт, - сказал я, - простите, но я не знал, где сегодня была назначена съемка.

- Ничего не случилось, - ответила она с таким видом, который ясно показывал, что очень даже случилось. И на минуту мне стало приятно. Она сердилась из-за моего опоздания, а это предполагало, что у нее что-то ко мне есть. Но, немного подумав, я понял, что любой был бы раздраженным, если бы ему пришлось простоять в течение всего обеда, встречая опоздавшего. Так что это не обязательно личное.

- Что-то произошло? - спросила Иветт.

- Нет, а почему вы спрашиваете?

- Потому что вы стояли здесь и очень долго смотрели в потолок, и я подумала, что у вас приступ или что-то в этом роде.

- Назовите это озарением, - предложил я. - Правда, что Алекс здесь?

- Ох, да. Он где-то здесь.

- Вы сказали, что я его ищу?

- Я сегодня с ним не разговаривала. Но я уверена, что мсье Клови сказал ему. Вам лучше начать переодеваться.

Я открыл дверь и вошел в маленькую прихожую. Иветт осталась на пороге. В дальнем углу стояла ширма, за ней я и начал переодеваться.

Когда я застегивал пуговицы на длинном черном пальто Бодлера, меня охватило жуткое чувство. В смятении я вышел из-за ширмы, чтобы заняться усами и гримом. Иветт стояла у дверей и выглядела легкомысленной и привлекательной в джинсах "луи" и белой рубашке. Темные волосы она собрала в "конский хвост". Над верхней губой выступили крохотные капельки пота, щеки зарумянились. Она выглядела такой свежей и полной жизни, как сама весна. Тут я резко оборвал поток своих мыслей. Потому что и вправду не знал, в какую катастрофу на этот раз втянет меня моя роковая ментальность.

- Мне хотелось бы встретиться с вами, когда закончится съемка, - сказал я.

Она одарила меня милой улыбкой, улыбкой, которая может ничего не означать. Улыбкой, которая появляется, когда все перед вами открыто и мир кажется полным надежды.

Затем из коридора донесся голос Клови, он звал ее. Иветт подошла ко мне и прижала к ладони что-то волосатое.

- Ваши усы, - сказала она. - Желаю удачи.

Отель "Лозан" находится на набережной Анжу на северной стороне острова Сен-Луи, почти на равном расстоянии от Мостов Мари и де Сюлли. Когда я был Бодлером, то обычно Жил здесь в маленькой комнатке под карнизом крыши. Отсюда я смотрел на Сену, горделиво несущую свои воды, и находил, что контраст между многообразной изменчивостью реки и застывшими линиями набережных и мостов - это символ самого искусства. Дело было очень давно, до несчастного приключения с Жанной Дюваль.

И оно было несколько лет назад. А теперь, поскольку я, Бодлер, наслаждаюсь одним из все более редких периодов нормальности, я решил прийти сюда снова. Сегодня вечером регулярное сборище знаменитого Гашиш Клуба, куда приходит так много благородных особ, конечно, не потому, что одобряют курение гашиша, а просто очарованные нашей привычкой к нему, жаждущие поговорить с нами, поудивляться нашему бесстыдству, поклониться алтарю нашего разума.

Я поплотнее завернулся в свой длинный плащ, ночь стояла холодная, пригладил несколько торчавшие усы и вошел в отель.

Камера проводила меня по лестнице. Там стояла наш лидер, Президент, как мы ее называли, и приветствовала меня. Миновав ее, я поднялся по лестнице и вошел в тесную восточную комнату. Воздух в ней сгустился от дыма горевшего в камине угля и табака в трубках джентльменов из высшего общества и от множества свеч. Собравшиеся сидели на софах с длинными элегантными трубками в зубах, отдыхали на легких стульях, покрытых травчатым шелком и атласом. Между затылками болтали, смеялись, спорили. Я наблюдал за ними, и мне казалось, будто они слегка дрожат, будто сами стали галлюцинацией, которую искали.

Я заметил моего дорогого друга Теофиля Готье <Теофиль Готье (1811 - 1872) - французский поэт, писатель, критик.>, почему-то он оказался выше, чем я ожидал. - Как дела? - спросил я его.

- Вечер только разогревается, - ответил он. - Обычная толпа. Вот на этой кушетке ты можешь увидеть Делакруа, Буассара с дурацкой шляпой на голове и братьев Гонкуров <Эжен Делакруа (1798 - 1863) - живописец и график, глава французского романтизма. Жозеф-Фердинан Буассар де Буаденье (1813 - 1866) - французский художник, романтик, друг Бодлера. Гонкуры: Эдмон (1822-1896), Жюль (1830-1870) - французские писатели, по завещанию Эдмона в 1896 году основана Гонкуровская премия.>, которые как всегда щеголяют надменным видом.

- А кто этот толстяк с чашкой Кофе?

- Мсье Бальзак <Оноре де Бальзак (1799-1850) - французский писатель>. Он приходит только ради беседы. Он говорит, что столько выпивает кофе и алкоголя, что у него развился иммунитет к воздействию Черного Дыма.

Краем глаза сквозь свет прожекторов я заметил, что Клови делает круговые движения рукой. Я истолковал их значение так, мол, он хочет, чтобы Готье и я походили по кругу, чтобы камера могла следить за нами. Я взял Готье под руку и медленно повел через комнату.

- А кто эти двое вон там? - спросил я, потому что двое мужчин только что вошли и суровым взглядом смотрели на происходившее.

- Тот, что слева, конечно, Вагнер, ты можешь определить это по его небрежному галстуку. А другой - восходящий молодой поэт по фамилии Рильке <Рихард Вагнер (1813-1873) - немецкий композитор-новатор. Райнер Мария Рильке (1875-1926) - австрийский поэт>. В подборе собравшихся тоже проявляется "метод Клови". Рильке не мог встретиться, к примеру, с Бодлером, потому что родился после смерти поэта.>- Вагнер и Рильке подошли к нам. Камера повернулась к ним.

- Алекс, ведь это ты под бородой, правда? - почти не шевеля губами, прошептал я Готье.

- Кто бы говорил, - ответил Готье. - Черт возьми, как поживаешь, Хоб?

- Я? Я прекрасно. Но, черт возьми, как ты? И, дьявол тебя побери, куда ты исчез?

- Позже поговорим, - сказал Алекс. - Откровенно, старина, я очень рад тебя видеть.

44. ДЕЛО ЗАКРЫТО; В ОДНОЙ РАКУШКЕ С АЛЕКСОМ

Вскоре Клови закончил съемку. Внизу в зале приемов устраивалась вечеринка для съемочной группы, это один из автографов Клови. Я снял костюм, избавился от грима и спустился вниз, постепенно теряя привилегии, какие были у Шарля Бодлера. Но я напомнил себе, что совсем не так ужасно быть добрым старым Хобом Драconiаном, особенно когда он на грани завершения дела.

Я ждал, что Алекс бросит меня и снова улизнет. В конце концов, это было бы в духе того, что уже случилось. Но вышло совсем по-другому. Он разыскал меня в зале приемов, предложил удрать, где-нибудь выпить и поговорить. Мы ушли с вечеринки и взяли такси. Алекс знал студенческую забегаловку недалеко от Пантеона, и мы пошли туда. Не помню, как она называлась. По-моему, "Позолоченная ракушка", потому что все в Париже если не золотое, то, по крайней мере, позолоченное.

Там на маленькой, залитой светом площадке очень медленно танцевали пары под звуки барабана, электрогитары и коктейльной палочки. Они танцевали слишком медленно. Должны были так танцевать, контролируя свои движения. Старая игра с силой воли. Мы уже видели такое и раньше. Танцующие носили туалеты, показанные в этом году в салонах моды, и, наверно, имели какое-то отношение к моде в творчестве Клови. Почему кого-то могут интересовать нелепые идеи Клови насчет туфель Бодлера? Меня раздражала его заикленность на важности этого символа. Кто, по его мнению, он такой? Нелепый позер,

похлопывающий по спине дух времени и проповедующий с несуществующей кафедры.

Оркестр был именно такой, какой и можно ожидать в подобном претенциозном месте. Мандолина и деревянная флейта играли народные песни Бретани. Мы заказали кувшин горького бельгийского пива и блюдо мидий в пряном соусе и начали разговор.

Алекс не очень изменился за те десять лет, что я не видел его. Он выглядел хорошо, высокий, мускулистый блондин. Однако он казался немного запуганным, тщательно выбирал столик, сел спиной к стене, чтобы видеть всех входивших и выходявших.

- Так что нового? - спросил Алекс.

- Что может быть нового? - пожал я плечами. - Я теперь частный детектив, по моему, это ново.

- Полная перемена по сравнению со старыми временами, - заметил Алекс. - Ты больше не играешь даже в покер?

- Редко.

- А как продвигается детективный бизнес?

- Неплохо. Я нашел тебя.

- Да, ты нашел. Но это не в счет. Фактически я все время пытался встретиться с тобой.

- Ты? Почему?

- Хоб, мне нужна помощь. Конечно, я готов заплатить за нее.

- В каком деле?

История Алекса началась несколько лет назад. Как и я, он оставил Европу, вернулся в Соединенные Штаты и начал искать работу. Адвокатский экзамен он сдал несколько лет назад в Вашингтоне, округ Колумбия. Теперь с помощью одного из дядей он пошел работать в корпорацию Селуина, в группу основателей фондов. Шел 1985 год. В 1986-м Алекс обнаружил, что находится в центре интересной ситуации: собирает деньги в фонд помощи никарагуанским контрастам и для секретной операции в Иране, которую Белый дом пропагандировал в те годы. Тогда за махинации при сборе денег для этих фондов кое-кто попал в газеты. Хотя Селуин и другие были замешаны в этом деле не меньше.

Как раз в то время Алекс встретил Ракель, одного из секретарей группы Селуина. Она и Алекс начали встречаться. Через месяц они переехали в маленькую квартиру в Джорджтауне. Алекс продолжал работать у Селуина.

Прошло еще несколько месяцев, и Алекс помимо воли стал замечать, что собрано очень много денег для различных проектов, касавшихся никарагуанских

контрас и Ирана, Но сколько бы денег ни поступало, борцам вроде бы перепадало все меньше и меньше. Создалась любопытная ситуация. Все совершалось под лозунгами патриотизма. Однако трудно было отделаться от впечатления, что некоторые люди делали на патриотизме очень большие деньги.

Потом пришел 1987 год, и вдруг Иран и никарагуанские контрас попали в газеты. Фонды помощи оказались связаны, их окрестили "Иран-Контрас", а дело получило название "Ирангейт". Кейси, одному из шефов проекта, сделали операцию на мозге, здоровье к нему не вернулось, и вскоре он умер. Полковника Оливера Норта застрелили. Адмирал Пойндекстер, старший над Алексом, попал под подозрение. Многие попадали под подозрение еще до того, как их выживало правосудие.

Алекс понимал, что его дни на этой работе сочтены. Фактически и дни фирмы Селуина тоже.

Именно тогда, в те финальные дни, Алекс увидел на стене роковые слова, как и в мифе предвещавшие гибель <Имеется в виду миф о вавилонском правителе Валтасаре, который пировал во время осады Вавилона персами, как вдруг увидел кисть руки, писавшую на стене слова "Мене, мене, текел, упарсин" Пророк Даниил истолковал эти слова как гибель царства Валтасара и его самого. См Библия, Книга пророка Даниила, 5 - 25>. Не требовалось много времени, чтобы сообразить: его начальство впуталось в дело, которое, каким бы благородным ни казалось, когда его начинали, сейчас выглядит чертовски противозаконным.

Расследование все шире и шире забрасывало сеть, и в нее попадалось множество мелкой рыбешки. Политика была такой же, какой бывает всегда, в этом можете не сомневаться. К тюремному заключению собирались приговорить гораздо больше мелких рыбешек, чем крупных рыб. И Алекс очутился совсем не в лучшем положении. Хотя и ни в чем не виноватый, он все же участвовал в общей работе "Селуин Групп".

Серьезными неприятностями грозило и доверие Селуина, который, узнав, что у Алекса есть счет в банке Швейцарии, время от времени переводил на него деньги, собранные для контрас, или для того, кто их получал вместо них. Алекс от этих операций никакой выгоды не имел, но дело выглядело так, что могло заинтересовать следствие.

Он обсудил положение с Ракель. Она через свои секретарские связи узнала, что следователи из офиса специального прокурора намерены заняться проверкой участия Алекса в сделках Селуина.

- Нельзя сказать, что я не смог бы доказать свою невиновность, - заметил Алекс.
- Я мог доказать, но это потребовало бы уйму времени и денег. Хотя главное было в другом. Пока тянется вся эта волокита, мне пришлось бы торчать в Вашингтоне. А вот этого выдержать я не мог. Ты же знаешь меня, Хоб.

Я кивнул. Этого я бы тоже не смог выдержать, если к тому же был запасной вариант.

- И что ты сделал?

- Я решил, что пора паковать вещи и уходить. Фактически похоже, что я спохватился слишком поздно. До Ракель дошли слухи, что мне уже выписана повестка явиться на допрос. Я уехал в тот же вечер. Ракель осталась, чтобы позаботиться о разных мелочах. Избавиться от квартиры, сдать вещи на хранение и тому подобное. Предполагалось, что мы встретимся в Париже.

- Эту часть я знаю, - кивнул я. - Но потом ты исчез. Во всяком случае, так сказала Ракель.

- Да, я исчез, - согласился Алекс с веселой улыбкой. - Или, по крайней мере, казался исчезнувшим. Насколько знала Ракель, я будто сквозь землю провалился.

Я опять кивнул.

- А что случилось на самом деле?

- Я на время скрылся из вида, - пояснил Алекс. - В тот момент лучшего не пришло в голову. Я услышал кое-что о Ракель, и это встревожило меня.

- Что именно?

- Похоже, она разговаривала с одним из следователей прокурора по особым делам. Парнем по имени Романья. Наверно, ты видел его где-нибудь здесь.

- Он где-то здесь, - кивнул я. - Но почему Ракель это сделала?

- Она иногда ведет себя будто Женщина из Дома Мормонов. Ты видел ее такую?
- Алекс с мрачным видом долго смотрел на меня.

- Да, когда она первый раз пришла ко мне в офис.

- Иногда она делает странные вещи, Ракель. Знаешь, она и в самом деле из мормонов. А среди них вырастают люди с причудами. Никогда не знаешь, что придет ей в голову, вдруг она решит, будто должна что-то сделать. Возможно, с ней все в порядке, а параноя у меня. Но, по-моему, мне лучше обратиться из Европы.

- А что насчет Романья?

- Я не знаю, есть ли у него ордер на мой арест. Но он крутится слишком близко, чтобы мой разум оставался в покое. Я решил пока все бросить, а потом посмотрим, как обернется Дело.

- Ты уже нагляделся вдоволь?

- По-моему, да. Я созрел и готов к следующему шагу.

- И какой это будет шаг?

- Вот для этой части плана мне нужна твоя помощь.

- Нет, - ответил я.

- Хоб, ты только выслушай.

Все тот же прежний Алекс. И я выслушал его. Все тот же прежний Хоб.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

45. ЛЯ БУЛЬ

Пожалуйста, не просите меня объяснить, как Алекс перетащил меня из таверны в центре Парижа, где мы что-то ели и что-то пили, на сиденье взятого в аренду "Ситроена", который, оставив позади огни столицы, мчался по темным пригородам Парижа к побережью Атлантического океана. Должно быть, я сошел с ума. Алекс умел воздействовать на меня. Это не та дружба, какой бывает добрая старая дружба. И так же, как у некоторых других мужчин, у которых множество жен и взаимозаменяемые семьи, не спрашивайте у меня, кто для меня дороже - семья или друзья.

Я чувствовал себя очень виноватым из-за того, что сидел рядом с Алексом в "Ситроене", мчавшемся через ночь, будто мы и раньше много времени проводили вместе, из-за того, что смеялся его шуткам, будто привык это делать. Мы оба были немножко пьяны, и ландшафт был темный, огромный, пустой, таинственный, и, насколько хватало глаз, мы были единственными представителями человечества, Алекс и я под звездами Матери Ночи. Такой я сентиментальный, застрелите меня

Наконец мне удалось убедить себя, и не без оснований, что фактически я исполняю свои обязанности, сопровождаю Алекса, куда бы он не направлялся, и что я могу сообщить Ракель, моему работодателю (которая может быть в сговоре с Романья) местонахождение Алекса. Конечно, я также расскажу и Алексу о том, что мне придется сделать, чтобы он мог принять меры предосторожности. Черт возьми, ведь в моем соглашении с клиентом не говорится о том, как мне поступить со старым приятелем.

Алекс пообещал, что он все объяснит, и я позволил ему вытащить меня из безопасной таверны рядом с Пантеоном, где на длинных деревянных скамьях сидели студенты французских колледжей со своими кувшинами пива и где бегали с блюдами мидий и сине-черных перламутровых ракушек веселые потные официанты в рубашках.

Наконец мне удалось создать иллюзию, будто я все еще работаю для Ракель, моей клиентки, и мчусь через ночь с Алексом для того, чтобы узнать его

местонахождение и потом сообщить о нем Рабель, а она, вероятно, сообщит Романья. Только сначала я предупрежу Алекса, что собираюсь сказать ей

Но, пожалуй, я и сам, черт возьми, не знал, о чем думал. В арендованном "Ситроене" с откидным верхом продырявился глушитель, и я не мог слышать даже собственных мыслей, не то что разговаривать с Алексом и понять, что происходит. Он, наверно, сам пробил дыру в глушителе, чтобы не пришлось разговаривать со мной. Никто ничего мне не говорит. Даже для меня это уже слишком. Хватит.

- Алекс, - сказал я.

- Что, дружище?

- Останови где-нибудь машину.

- Что случилось?

- Нам надо поговорить.

Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он понял.

- Хорошо, дружище, - согласился он. - Кстати, недалеко отсюда есть симпатичный маленький ресторан, совсем близко к Анжеру. Надо сделать перерыв.

Он сделал, как я просил, но ничем не поделился. Я всегда восхищался Алексом. Но это не обязательно означает, что я всегда буду делать то, что он захочет.

Я слишком поздно вспомнил, что у Алекса есть склонность к самым худшим в мире местам, где можно поесть. Лучше бы я подумал об этом до того, как мы свернули на стоянку машин возле маленькой гостиницы на шоссе номер 23 чуть к югу от Ле Мана, тогда бы я съел больше мидий в Париже.

Это был один из тех ресторанов с соломенной крышей, к которым всегда надо подходить с подозрением. Так и вышло: оказался чрезмерно дорогим и с плохой едой, что редко бывает во Франции. Надо отдать должное Алексу, он сумел найти исключение из правила.

Ладно, это преувеличение, видимо, там было не так уж плохо, но я вдруг вспомнил, что ни разу не поел прилично с тех пор, как приехал в Париж. И, буду откровенным, из-за этого я испытывал большое недовольство. А вы бы не испытывали?

Вам может показаться, что я выбрал довольно неподходящее место для жалоб - середину безумного броска к французскому взморью. Если быть точным, к Ля Булю, расположенному в нескольких милях от не очень знаменитого (если не считать удара немецких подводных лодок во время второй мировой войны) порта Сен-Назер. Но как есть, так и есть. Я жалуясь, когда доволен. Хотя я и согласился помочь Алексу, движимый, наверно, каким-то слепым импульсом, теперь я задумался. Я думал, и думал, и думал, и потом мысли помчались с безумной скоростью.

После нескольких чашек скверного кофе, но с приемлемым коньяком, сопровождавшим его, я попросил Алекса объяснить, что за черт, что он сейчас делает и почему счел необходимым взять меня в это путешествие.

- Все очень просто, - улыбнулся Алекс. - Я должен исчезнуть.

- Ты уже это делал, помнишь?

- В тот раз это была игра. Сейчас пришло время для настоящего.

- О чем ты говоришь?

- Хоб, они посадят меня в тюрьму. Эти люди, на которых я работал. Они загнали меня в угол. Хотят все повесить на меня.

- О чем ты говоришь?

- О деле с пропавшими фондами для "Иран-Контрас".

- Но разве они могут это сделать?

- Они собираются заявить, будто я обжулил их, перевел ключевые фонды на свой собственный счет. Мне не стоило позволять им использовать мой счет. Но я считал себя очень ловким. Короче, как бы то ни было, теперь я должен на несколько лет покинуть этот мир и дать делу шанс отстояться.

- Покинуть? Куда? Как?

- Старый фокус с опознанием.

- Новый паспорт?

- И все бумаги тоже. Я покидаю свою старую личность. Люди с которыми я должен встретиться, могут это устроить.

- Это туда мы едем? Чтобы встретиться с какими-то фальсификаторами?

- Это безопасно, - успокоил меня Алекс. - Но все же я немного нервничаю. Поэтому мне и нужно, чтобы ты поддерживал меня.

- Зачем тебе вообще пачкаться, связываясь с какими-то жуликами? Если тебе и правда нужны фальшивые бумаги, я найду надежного человека в Париже.

- Эти парни делают первоклассные документы. У них есть именно то, что мне нужно. Все пройдет нормально. Особенно когда они увидят, что я не один.

Я замолчал и не смог удержаться от циничной мысли. Если Алекс надеется на мою помощь в случае перестрелки, то он даже не представляет, каким будет одиноким. Не знаю, что, по его мнению, делают частные детективы, но многие из нас прекрасно обходятся без оружия, как бы скучно это ни казалось читателям.

- Ты имеешь в виду, что у тебя нет оружия?

- Конечно, нет. За кого ты меня принимаешь? За разновидность гангстера?

Алекс покачал головой, вынул что-то из кармана и постучал по моим коленям. Штуковина была металлической и массивной. Не для моих колен.

- Что ты делаешь? - чуть раздраженно спросил я.

- Возьми, - посоветовал Алекс, - положи в карман.

Я рассмотрел предмет под столом. Он вложил мне в руку большой, еще немного в масле автоматический пистолет.

- Постой минутку... - начал я.

- Хоб, вообще-то тебе не придется его использовать.

- Проклятье, я и не собираюсь его использовать. Я не возьму. Забирай назад.

Я протянул ему под столом пистолет.

- Хоб, - попросил он, - пожалуйста, не устраивай сцены.

- Проклятье, - фыркнул я, - забирай назад эту штуковину.

- Хоб, послушай...

- Нет, это ты послушай. Забирай назад эту Богом проклятую штуковину.

- Я пытаюсь объяснить тебе, что заплачу две тысячи долларов только за то, чтобы эта штуковина лежала у тебя в кармане.

- Две тысячи долларов? - повторил я.

- Да, я так сказал.

- Только лежала, без использования?

- Держи ее в руке и, если понадобится, покажи.

- Две тысячи долларов? - опять повторил я. Он кивнул.

- Сказать легко, - проворчал я.

- Протяни руку под столом, - попросил он.

- Подожди минуту, - сказал я. - Мне надо освободить ее от твоей штуковины. - Я ухитрился всунуть тяжелый пистолет в карман пиджака, где он лег невидимой шишкой и, наверно, оставит неотстирывающиеся полосы. Потом я снова протянул под столом руку.

- Пересчитай, - посоветовал Алекс и что-то передал мне.

Это был конверт.

Конверт, чем-то полный.

Чем-то, толщиной с полдюйма.

Я заглянул. Очаровательные французские тысячефранковые купюры. Я перебрал их пальцами. Наверно, довольно близко к двум тысячам американских долларов. Я положил конверт в карман.

- Теперь позволь объяснить тебе основные правила, - начал я. - Прежде всего, я не собираюсь ни в кого стрелять. Не знаю, что ты читал о частных детективах, но мы перестрелок не устраиваем.

- Не беспокойся, - повторил Алекс, - пистолет только для того, чтобы показать.

- Он заряжен?

- Конечно.

- Почему, ведь его надо только показать?

- Невозможно правдоподобно блефовать с незаряженным пистолетом. Брось, Хоб, давай лучше уедем отсюда.

Мы расплатились и забрались в "Ситроен" Алекса. Потом, наращивая скорость, помчались по темной дороге с высокими заборами с каждой стороны, отгораживавшими низинную плоскую местность.

- Какой следующий шаг?

- Анжер.

Мы были в сердце ничего на пути в никуда. Ужасное предзнаменование. Но у меня в кармане лежали неожиданные две тысячи долларов.

46. УДАР

Примерно в полночь мы миновали Анжер. Улицы без тротуаров, вдоль них вытянулись плечом к плечу здания. Высокие узкие дома с крутыми карнизами. Прямоугольники кварталов, похожие на окаменевшие внутренности средневекового чудовища. Европа - наше прошлое, мы должны возвращаться в него и время от времени эксгумировать, физически проникая в слои, ведущие к нашему нутру. Серые, коричневые и иногда вспыхивающие под светом звезд.

Но тогда, проехав всего несколько сотен ярдов по спящему городу, мы увидели указатель: "Нант - Ренн - Лаваль". Свернули туда и миновали пригороды и маленькие городки вдоль берегов Луары - Сен-Жорж-сюр-Луар, Варад, Энсе-ни - и наконец въехали в Нант. Фирменное блюдо этого района - лягушачьи лапки, однако у нас не было времени остановиться и попробовать. Мы продолжали следить за указателями на Ванн и Ренн. Потом по двухполосной дороге обогнули их, пробрались через множество строек и наконец оказались на шоссе номер 165. Миль пятнадцать мы промчались по открытой местности и перед самым Савенэ свернули на шоссе номер 171. Вскоре мы уже катили по темному промышленному

центру Сен-Назера и, оставив его позади, дальше к маленькому городу Ля Буль, всего в нескольких милях от Сен-Назера.

Время приближалось к четырем утра. Мы миновали Ля Буль, нагромождение бретонских домов, и выбрались на дорогу, идущую вдоль побережья. В конце концов мы подъехали к Докам, расположенным почти у самого устья Луары, но защищенным с севера от Атлантического океана извилистым берегом.

- Ты знаешь, как пользоваться пистолетом? - Алекс припарковал машину близко к докам и повернулся ко мне.

Я вынул пистолет из кармана и при свете маленького фонарика Алекса осмотрел его. Это был автоматический "браунинг" 45-го калибра. Я плохо помнил, как действует предохранитель. Как я уже говорил, стрельба - не мое хобби и мне удавалось большую часть времени вполне прилично жить, обходясь без нее. Минуту или две Алекс наблюдал за моими неловкими попытками, потом взял у меня "браунинг".

- Вот так, - сказал он, вынимая обойму и вкладывая ее в гнездо барабана. Он показал мне, как снова вставить обойму зажать патрон и как действует предохранитель. Наконец он вернул мне пистолет.

- "Браунинг" на предохранителе, - пояснил он, - чтобы выстрелить, оттяни курок вниз. Потом подними, прицелься и нажми. Вот и все.

- Поскольку я не собираюсь ни в кого стрелять, - проворчал я, - мне вообще-то и не надо знать всю эту чепуху.

- Хоб, в роли частного детектива ты пустое место. Я плачу тебе две тысячи долларов за то, чтобы ты выглядел опасным. Или хотя бы компетентным. По крайней мере, ты мог бы внимательно меня слушать, когда я показываю, как работает эта штуковина.

- Ладно, - буркнул я, взял пистолет и повторил все манипуляции Алекса. В конце концов, раз уж я занялся детективным бизнесом, то надо быть готовым. Никогда не знаешь, какого рода умения могут тебе пригодиться.

- Готов? - через несколько минут спросил Алекс.

- Не сомневайся, готов, - подтвердил я. Если быть совершенно откровенным, никакого безграничного энтузиазма я не испытывал. Только две тысячи долларов во французской валюте несколько подкрепляли меня. Кроме того, мне всегда нравился Алекс, а теперь был шанс помочь ему удрать.

Мы вышли из машины и пошли к докам. Ярдов через двадцать Алекс нашел место встречи: пристань, принадлежавшую фирме "Морские перевозки. Дюпон и сыновья". Ворота оказались незапертыми, так что мы вошли без труда и направились к главному зданию, обошли его и очутились у моря

Возле причалов. Мы продолжали свой путь, пока не подошли к длинному пирсу, уходившему в воду. В дальнем его конце горел яркий свет, и Алекс объяснил, что именно там должна произойти смена его личности.

- Хоб, - обратился он ко мне, - мне надо, чтобы ты оставался здесь, в стороне. Только никому не позволяй пройти на пирс.

- А что мне делать, если кто-нибудь попытается?

- Скажи, чтобы убирались к черту, и все.

Мне это не нравилось, но что я мог поделать? Я нашел высокую железную бочку с дизельным топливом и скорчился за ней. Алекс вытащил из кармана маленький револьвер, по-моему, 32-го калибра, проверил затвор, посмотрел на меня и сказал:

- Пожелай мне удачи, старина. Повернулся и зашагал по пирсу.

Еще до того, как он ушел, я услышал в море тархтение лодочного мотора, совсем близко к пирсу. И прежде чем Алекс дошел до яркого света, я уже мог различить очертания судна, черное пятно на фоне умеренно серой темноты неба и воды. Сгусток черноты прижался к причалу, не зажигая огней.

Я видел силуэт Алекса, стоявшего далеко в море у конца пирса.

Судно заскрежетало, ткнувшись в пирс. Я вынул "браунинг" и снял с предохранителя, хотя все еще не собирался его использовать. Но оставаться беззаботным было вовсе неразумно.

Двое мужчин перелезли из судна на пирс. Я видел их силуэты, низкорослые мужчины резко контрастировали с высокой фигурой Алекса. Затем у меня за спиной раздался шум.

Я оглянулся, но никого и ничего не увидел. Я снова повернулся к воде. Теперь на пирсе было уже трое мужчин, все ниже Алекса. Они начали спорить. Я не мог разобрать, что они говорили, но голоса звучали все громче, и один из мужчин ругался.

После этого началась драка. Алекс вырвался из рук нападающих, и я услышал звук револьверного выстрела. Один из низкорослых схватился за плечо и сыпал проклятиями. Затем закрутилось невероятно быстро. Алекс вихрем носился по пирсу, и я слышал выстрелы. У меня создалось впечатление, что стрелял Алекс. Потом раздались автоматные очереди, безобразный звук в тишине ночи. Шляпа Алекса взлетела в воздух, и я увидел, как разлетелась его голова.

Тело Алекса рухнуло на пирс. Низкорослые подняли его и бросили в свое судно. Оно отчалило.

Я стоял с заряженным пистолетом в руке и, как мне казалось, очень долго смотрел в море.

47. ФОШОН

Не могу вспомнить, как я вернулся в Париж. По-видимому, я вел машину Алекса. Только совершенно не помню, как я это делал. Большая часть меня действовала автоматически. Просто я делал то, что должен был делать. Потом мне даже не удалось вспомнить, где я припарковал машину. Несколько часов того утра для меня так и остались белым листом. Затем я обнаружил, что сижу в кафе на Елисейских Полях и пью коньяк. Как только я попытался восстановить, что же произошло, мои мозги тотчас отключались. Если я все же заставлял себя думать об этом, перед глазами возникала картина: темный пирс, светло-серая вода, силуэты людей, вспышки револьверных выстрелов и сверкающая очередь автомата. Алекс падает на спину, голова разлетается...

Не помню, как я попал из бара на Елисейских Полях в офис Фошона. Меня давили усталость и чувство вины, ведь каким-то боком я тоже ответствен за случившееся.

Я рассказал инспектору Фошону все, что видел. Он слушал меня, и выражение его лица не менялось. Не взлетали вверх брови, ни разу, даже чуть, не дернулся рот. Он был плотным человеком, Фошон, и, сгорбившись, сидел там, на своем деревянном стуле с прямой спинкой, и делал пометки в маленьком черном карманном блокноте.

Когда я закончил, он спросил, есть ли у меня что-то еще в дополнение. Я ответил, что ничего нет. Он извинился и пошел к столу в дальней части комнаты. Позвонил и с кем-то недолго поговорил, потом вернулся ко мне.

- Я звонил в жандармерию в Сен-Назере, - пояснил он. - У них нет сведений о происшествиях в Ля Буле прошлой ночью. Они проверят этот район и перезвонят мне. Вы уверены, что ничего не упустили в своем рассказе?

- Нет, так все и было, - подтвердил я. - На вас вроде бы это не произвело впечатления. Наверно, потому, что не очень интересное убийство.

- Пока, - объяснил мне Фошон, - у нас есть только ваши слова о том, что убийство совершено. И все.

- Вы хотите сказать, что не принимаете мои слова в расчет? - Я вытаращил глаза, не способный поверить в такое отношение.

- Не думаю, что вы пытались солгать мне, - возразил Фошон. - Но я заметил, что вы эмоциональный человек и, вероятно, у вас время от времени бывают галлюцинации. Вы тот склонный к фантазиям и имеющий видения тип, который подробно описан Юнгом <Карл Густав Юнг (1875 - 1961) - швейцарский психолог и философ, основатель аналитической психологии.>. И, кроме того, последнее время вы жили под высоким напряжением.

- Психоанализ как раз то, что мне нужно, - произнес я тоном, перегруженным сарказмом и жалостью к себе. - У вас есть еще какие-нибудь мнения насчет меня?

- Только одно. Ради дружбы вы попадаете в нелепое положение.

- Может быть, и попадаю, - согласился я. - А что мне тем временем делать?

- Я бы хотел, чтобы вы в следующие несколько дней оставались в Париже. Если мы найдем доказательства, указывающие на преступление, нам нужно будет еще раз побеседовать с вами.

48. РОМАНЬЯ

Я понял, что мне нужно. Нечто американское. Место, где можно выпить в американском стиле. Начать с маргеритас и начос и кончить блевотиной в ванной. Я знал такое место. Такси доставило меня в "Ковбой", техасо-мексиканский ресторан на втором этаже, на площади 18 июня 1940 года, напротив железнодорожного вокзала Монпарнас. "Ковбой" моментально переносит вас в южные штаты. На одной стене - карта Республики Техас, на другой - мексиканское пончо. Пол выложен испанским кафелем, а официантки носят короткие юбки, как у студенческого капитана болельщиков, и ковбойские сапоги.

Я уселся за стойкой бара, но прежде чем успел начать свой генеральный план, меня нашел Романья. Я рассказал ему об Алексе. Как и Фошон, он вроде бы не удивился, не пожалел и не совсем поверил.

- Значит, он наконец ушел из этого мира. - Вот и вся эпитафия Романья на смерть Алекса.

Я кивнул. - Но Фошон не нашел доказательств?

- Пока нет.

- Тогда, наверно, нам еще рано сбрасывать его со счета. Он сидел здесь, в баре, рядом со мной, крупный неуклюжий мужчина, сгорбившийся над глиняной кружкой пива.

- Ты случайно не из офиса прокурора по особым делам? - спросил я.

- Правильно, - улыбнулся он.

- И ты здесь, чтобы забрать Алекса и отвезти в Штаты?

- Этим занимаются американские судебные исполнители, - покачал он головой. - Я здесь по другим делам. Но мне также было поручено следить за Алексом.

- Почему бы вам не охотиться за крупной дичью, а Алекса оставить в покое?

- Невинного, незначительного Алекса, - хмыкнул Романья.

Не люблю, когда саркастичны другие. Сарказм - это моя привилегия. Самодовольное выражение Романья выдавало, что он обладает знанием, в которое я не посвящен.

- Алекс говорил тебе, что его счет использовался Селуином? - спросил Романья, сделав большой глоток пива.

Я опять кивнул.

- Тебе интересно услышать другую версию?

- Угу, - промычал я.

- Тогда давай сядем за столик и закажем кувшин маргеритас, - предложил Романья. - Не возражаешь, если я закурю сигару?

Шел последний день операции. Алекс и Селуин целые сутки стряпали бухгалтерские отчеты. Банковские счета находились в хаотическом состоянии. Ничего удивительного, потому что Селуин постоянно залезал в счета, жонглировал миллионами на счетах за границей, которые он контролировал.

К четырем часам они сделали все что могли. Но удовлетворительной картины не получилось. Селуин это понимал.

- Я в плохом положении, - признался он Алексу. - федеральные власти собираются навесить на меня деньги, не указанные в отчетах. Но фактически мне оставалось от них очень мало. Фонды распределялись по другим счетам, к которым у меня не было доступа.

- Если до этого дойдет, видимо, вы сможете заключить сделку, - предположил Алекс.

- По правде говоря, это немудрое решение, - возразил Селуин. - Самое худшее, что меня ждет, это несколько лет тюрьмы. Для хорошего поведения уже нет времени. Но если я уйду, то останусь на высоте. Я сохраню веру в своих людей, и они сохранят веру в меня.

- Аминь, брат мой, - сказал Алекс. - Что касается меня, я на время покину эту страну. Поселюсь в Париже и буду писать мемуары.

- У меня семья, я не могу этого сделать, - с легкой завистью вздохнул Селуин. - Ну и последнее. - Он достал большой голубой чек и протянул его Алексу.

- От наших друзей в Персидском заливе, - пояснил он. - Положите его на счет "Арабко".

Чек был на десять миллионов долларов, самое крупное единовременное пожертвование из полученных фондом. Алекс положил его в свой кейс и в последний раз окинул взглядом стол. Он очистил его еще вчера. Потом взял кейс и направился к двери.

- В злачные места Европы? - саркастически улыбнулась Эллайс Миллс, клерк, встречавшая посетителей в холле.

Алекс улыбнулся. Эллайс уже давно забронировала ему место в самолете. С тех пор она постоянно напоминала об этом и почти открыто намекала, что он мог бы склонить ее поехать с ним.

Однако Алекс не считал, что она именно та женщина, которая ему нужна. Он помахал ей на прощание рукой и вышел.

Он взял такси и поехал в Первой Национальный банк. Как человек Селуина, Алекс во всех законных и полузаконных операциях имел право подписи на чеках пожертвований. Для Селуина, который почти все время проводил с клиентами и дарителями, было удобнее, чтобы Алекс занимался движением и перемещением средств с одного счета на другой.

Алекс стоял перед зданием банка. Никогда раньше он не думал о жертвованиях как о реальных деньгах. Ни когда разразился скандал по поводу сделки с оружием для Ирана, ни когда они направляли собранные для никарагуанских контраст средства на другие счета. Это касалось полицейских и грабителей, сидевших на самом высоком уровне, а он развлекался от души, наблюдая за махинациями (и выполняя их). Ему также пришлось признать: он не ожидал, что дело придет к сегодняшней развязке. Хотя неожиданный крах "Селуин Групп", расследование в конгрессе - все случившееся было предсказуемо с самого начала. Да, его тяготило участие в нечистой возне, но он полагал, что люди, с которыми приходится работать, знают, что делают. При таких высоких ставках и так хорошо защищенных операциях трудно думать о неизбежности крушения.

Но в конце концов это произошло, и он стоит здесь с последним чеком. Еще одно звено к сотканной паутине...

А что, если он не добавит его? Что, если он оставит его себе?

Алекс никогда не был крупным мошенником, только однажды и недолго. Однако сейчас он стоял с чеком на десять миллионов баксов. Он знал, как положить деньги на свой швейцарский счет и как забрать их оттуда и перевести на запасный закодированный безымянный счет, который у него был в Лихтенштейне.

Крупные игроки хватали обеими руками. Наступило время для служащих подгрести оставшееся.

Паспорт лежал у него в кейсе. Он не стал утруждать себя возвращением в квартиру за одеждой. Когда в кармане лежат десять миллионов долларов, принадлежащих кому-то другому, наступает время действовать. В тот же вечер Алекс вылетел первым классом "Эр Франс" в Даллас.

- Это твоя версия, - сказал я Романья.

- Теперь меня это интересует не больше, чем крысиная задница, - усмехнулся он. - Я отстранен от этого дела и сегодня вечером отправляюсь домой. Но не

потому, что я поверил, будто Алекс мертв. По-моему; он инсценировал всю эту историю.

- Зачем?

- Для того, чтобы ты мог засвидетельствовать его смерть. Его предполагаемую смерть. И когда власти примут эту версию, он полностью освободится и под своим новым именем будет по-настоящему в безопасности и сможет тратить десять миллионов, как ему заблагорассудится.

- Какие десять миллионов? Ты, должно быть, говоришь об одном из главарей этой заварушки "Иран-Контрас".

- Нет, я говорю об Алексе. О нем и о его секретаре, известной тебе Ракель Старр. Я почти уверен, что это она втянула Алекса в историю с деньгами. А теперь приехала сюда, чтобы забрать свою долю. Как я представляю, подобие смерти, или что там случилось с Алексом, ставит крест на ее планах. Но я могу понять и точку зрения Алекса: устроить сцену смерти и сохранить несколько миллионов долларов.

- Алекс никогда такого не сделает, - почти автоматически пробормотал я.

- Не сделает? - повторил Романья, вдруг разозлившись. - Что ты о нем знаешь? Тебе точно известно только одно: он старый приятель той поры, когда вы оба жили на Ибице как хиппи. У нас есть досье и на тебя. Ты пустое место, тебя мы не принимаем в расчет. Ты живешь в мире, который выдумал в мечтах. И если ты думаешь, что Алекс остался тем же самым босоногим парнем, какого ты знал, то ты и правда чокнутый.

- Вы можете доказать, что он присвоил десять миллионов долларов?

- Нет, не можем. Пока еще не можем. Но мы совершенно уверены.

- Счастливого пути домой. - Я оставил деньги за выпивку и встал.

- Я думаю, это многое изменит и для Нивес, - заметил Романья.

- Кто такая Нивес? - Я остановился, ухватившись пальцами за дверную ручку.

- Ты думаешь, что прекрасно знаешь своего старого приятеля. А сам даже не слышал о Нивес. - Он хихикнул. - Идите и проверьте, кто она, мистер Частный Детектив.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

49. НИВЕС

В холле меня ждала леди.

Когда я вошел, она поднялась. Должно быть, Алекс показывал ей мою фотографию, потому что она без колебаний узнала меня. Высокая и красивая молодая женщина, в которой чувствовался класс. Такой отпечаток откладывает на людей рождение в семье, где много денег. Но чтобы быть справедливым, добавлю: в этом есть и что-то врожденное. Черная шелковая юбка, открытая шелковая блузка, высокие каблуки-"шпильки". В любом случае, я бы мог держать пари на что угодно, что ее имя Нивес. И я выиграл, хотя, естественно, ничего не получил за это.

- Мистер Дракониан? Я Нивес Тереза Мария Санчес и Иссасага. Мне очень надо поговорить с вами.

- По-моему, нам обоим надо поговорить, - согласился я. - Пойдем в кафе?

- Лучше в ваш номер, - предложила она. - Мой самолет "Эр Франс" был полон, я устала и хотела бы снять туфли.

Так мы пошли в мой номер.

Нивес устроилась на кушетке в эркере окна, я - на обшарпанном вертящемся стуле. Сидела она очень прямо, одна из тех привычек, каким учат в школе, где готовят принцесс Латинской Америки. Волосы цвета воронова крыла, блестящие и свежие. На шее маленький золотой крест. Плетеный золотой браслет. Никакой губной помады, но от природы яркие, сочные, хорошо очерченные губы, широкий рот. На глазах легкие зеленые тени.

- Алекс рассказывал о вас, - начала она - Вы были его другом в прежние времена, в Испании.

- На Ибице, - уточнил я.

- Да. Это что-то вроде клуба, правда? Я кивнул.

- Откуда вы знаете Алекса?

- По Вашингтону, - ответила она. - Не думаю, что вам известно, но мы должны пожениться.

- Верно, об этом я ничего не знаю.

Мы немного посидели молча. Какого черта, я не знал, что сказать. Ее жениха только что убили, о чем тут говорить? Я надеялся, что она не захочет, чтобы я еще раз описывал подробности. Меня уже тошнило от этого, тошнило от Алекса, от его жизни и от его смерти, тошнило от этого дурацкого дела, которое началось для того, чтобы вызвать у меня невыразимую депрессию.

- Ладно, - наконец заговорила она. - Хочу рассказать вам об этом. Мне нужен ваш совет.

Она выбрала прекрасного советчика. Но что можно ответить в таком случае?

- Начинайте, я наострил уши, - сказал я. А тихий голос в голове добавил: "Ослиные уши, старина, ослиные".

50. АЛЕКС, НИВЕС

Алекс встретил Нивес два года назад на балу в посольстве, точнее, на приеме в посольстве Парагвая. Алекс любил надеть шелковый смокинг, зализать волосы и отправиться на такого рода сборище. И неважно, что они все без исключения скучные. Ему в них нравились помпезность и торжественность, утонченно украшенное окружение, самоуверенные, с сильными характерами люди, посещавшие такие мероприятия. Человеку, выросшему в Бронксе, приходится видеть много реальностей жизни. Блеск и великолепие Алексу нравились гораздо больше, чем реальная жизнь, если признать, что реальная жизнь - это грязь, боль и ложь.

Он, как обычно, прекрасно проводил время на приеме, когда вдруг столкнулся с Нивес. Ей было двадцать два, и она первый год жила в Вашингтоне. Ее отца назначили новым атташе по культуре в посольство Парагвая. Она почти безукоризненно говорила по-английски, так же как по-немецки и по-французски. Она учила языки с детских лет. Культурная, но Провинциальная девушка, полная благоговейного страха перед миром Вашингтона, такого отличного и в то же время схожего с замкнутым маленьким дипломатическим миром Асунсьона.

Алекс пригласил ее танцевать. Они хорошо смотрелись вместе. Он - высокий, широкоплечий блондин. Нивес - хрупкая, с шелковистыми волосами и лицом мадонны.

Тогда Алексу было года тридцать два. Связь началась очень скоро. Они с ума сходили друг от друга. Но возникли трудности.

Главная проблема - социальная. Алекс, младший адвокат в "Селуин Групп", вашингтонской фирме, создающей фонды, не выглядел человеком, которого ждет большое будущее и шикарные перспективы. Он всегда мог заработать двадцать или тридцать тысяч в год, может, даже добраться до пятидесяти. Но это еще очень далеко от тех денег, которые нужны, чтобы жить, как друзья и родственники Нивес.

Эта проблема раздражала Нивес. Она обыгрывала способы, как выйти замуж за Алекса, надеясь, что со временем семья смирится с ее браком.

Но он не хотел поступать таким образом. Он соглашался с семьей Нивес, что он ее не стоит. Алекс искренне верил, что богатство дает особые привилегии, накладывает особый отпечаток. Он не относился к богатству цинично. Как относительно бедный парень, он сознавал, что не имеет права жениться, чтобы таким путем войти в класс больших денег.

Конечно, был шанс, что со временем семья Нивес простит свою блудную дочь и у нее будет много ее собственных денег. Но такой вариант Алексу не подходил. Он не хотел жить на средства жены, не видел себя в роли альфонса. То, что было мечтой Жан-Клода - жениться на богатой женщине, Алексу представлялось кошмаром.

Он не смог бы жить на средства жены. Он хотел иметь собственные деньги. Алекс привык давать, а не брать.

Все это могло бы остаться теоретическим рассуждением, если бы Алекс не обнаружил, что попал в такое положение, когда можно сделать удачный ход. Как один из служащих, имеющих право подписывать банковские документы "Селуин Групп", он перемещал пожертвования со счета на счет, а потом еще на другие счета, и никто не мог бы сказать, кто в конце концов получает деньги. Однако создавалось впечатление, что в результате большая часть пожертвований не доходит до никарагуанских контраст. Так возникла идея.

Со счетов, которыми управляли Селуин и другие, очень много денег уходило на сторону. Это был грабеж и мошенничество. Алекс начал искать способ, как взять что-то и для себя. Задумывалось все просто так, в качестве теоретического упражнения. По крайней мере, вначале.

Операция выглядела достаточно легкой. Он мог перевести чек, на котором стояла его подпись, на один из швейцарских счетов, а затем переместить деньги на собственный швейцарский счет. Потом еще раз перевести, уже на другой свой счет, на котором даже не указана фамилия, а только код.

Постепенно идея все больше интриговала Алекса. Бросить все и открыть чистую страницу, но с большими деньгами. Начать новую жизнь как богатый человек с красивой женой в услужливом и коррумпированном Асунсьоне.

Он полагал, что сумеет направить в другое русло по меньшей мере сто тысяч долларов. Может быть, больше. При общей неразберихе и сокрытии поступлений пожертвований деньги, вероятно, можно долго крутить, переводя со счета на счет. К тому времени, когда они придут к нему, Алекс будет уже далеко, а деньги просто будут помечены как "неучтенные", что часто случается в делах подобного рода.

Ракель участвовала в этом плане. По-видимому, последняя искра, давшая идее движение, пришла от нее. Алекс и Ракель жили вместе чуть больше полугода. О любви они никогда не говорили. Алекс не любил ее, но подозревал, а вернее, боялся, что она его любит.

Ракель просто генерировала хорошие идеи и была необходима для выполнения плана. Очень скоро выяснилось, что без ее участия обойтись нельзя.

Все происходившее Алекс обсуждал с Нивес. Она очень рассудительная девушка и очень страстная. Необычное сочетание.

- При любых обстоятельствах я буду жить с тобой, - говорила она Алексу. - Даже если у тебя не будет денег. Я люблю тебя, и только это имеет значение. Но

мне нравится, жизнь, которую я вела дома. Тебе, Алекс, она тоже понравится. Однако я не думаю, что ты будешь счастлив, живя на мои деньги.

- Конечно, - соглашался Алекс.

- Это глупо, но я уважаю тебя за такое отношение. Тут все дело в твоей гордости. Значит, ты должен иметь собственные деньги, иначе ты никогда не будешь счастлив.

- Допустим, я смогу достать очень много денег, - отвечал Алекс. - В данный момент не имеет значения как. Выйдешь ли ты за меня замуж и будешь ли жить со мной в Асунсьоне?

- Да.

- Даже если у меня будет другое имя и слегка измененная внешность?

- О чем ты говоришь?

Алекс рассказал ей об оружии для Ирана, о никарагуанских контрабандистах, о пожертвованиях и о том, как он собирался воспользоваться довольно большой их частью.

Нивес молча слушала, пока он не закончил, потом рассмеялась.

- Сначала ты напугал меня. Я решила, что ты задумал ограбить банк или магазин "Север-Элевей". Но, Алекс, дорогой, то, что ты хочешь сделать, вовсе не квалифицируется в реальной жизни как преступление. Ты просто немного облегчишь воров от бремени их добычи. Они должны бы дать тебе медаль.

- Они дадут мне тюремное заключение, бесконечное, как ад, если поймают.

- Тогда, если ты собираешься это сделать, лучше украсть побольше, - посоветовала Нивес. - Потому что такой шанс тебе выпадет только раз в жизни, а приговор, наверно, будет один и тот же, возьмешь ли ты много или мало. Если тебя поймают. Но ты должен сделать так, чтобы тебя не поймали.

- А я и не планирую быть пойманным. В этом я рассчитываю на Ракель. Она во всем участвует. Мне нужна ее помощь, и мне придется дать ей какую-то часть полученного.

- Конечно, ты должен заплатить ей.

- Мы будем держать все в секрете. Никто не должен знать о наших отношениях. Никто, пока я не смогу жениться на тебе.

- Надеюсь, тебе не потребуется много времени.

- Меньше месяца. Но мне нужна помощь и некоторых твоих друзей. Ты сумеешь связать меня с полезными людьми в Парагвае?

- Конечно.

_ Некоторые люди в Асунсьоне могут вычислить, кто - после минутного сомнения продолжал Алекс. - Будут проблемы?

- Конечно, нет. Они подумают, как умно ты поступил. Никто не сообщит американским властям.

- Наверно, парагваец не сообщит, но американец вполне может.

- Не наши друзья в Асунсьоне.

- А что, если один из них не совсем правильный американец?

- Не беспокойся, любовь моя. Не совсем правильный американец долго в Парагвае не задержится.

Нивес открыла сумочку и достала портсигар из панциря черепахи, потом прикурила длинную темно-коричневую сигарету "Нат Шерман".

- Алекс никогда не рассказывал мне о мелких деталях своих планов, - продолжала она. - Мы договорились, что он сделает то, что необходимо, а я буду ждать его в Асунсьоне.

- Ему потребовались имена парагвайцев в Париже, на которых ой мог бы положиться. У меня здесь есть кое-какие друзья. Вы должны понять, я и правда не знала, что происходило. Я и правда не считала, что так уж плохо забрать деньги у напыщенных дураков, готовых всегда поддерживать заварушки с наемниками. Я думала только об одном: каким Алекс приедет ко мне в Парагвай. Он будет по-другому выглядеть. По меньшей мере, усы. Или, может, небольшая пластическая операция на лице. Это было самое волнующее приключение, в каком я когда-либо участвовала. Такое романтическое. Я была безумно влюблена. Или без памяти увлечена. По-моему, поэтому я до сих пор ни о чем не задумывалась.

- Что значит, вы до сих пор не задумывались?

- Ну, над тем, что Алекс будет делать. Естественно, возьмет деньги. Приедет в Париж. Затем исчезнет. Ракель наймет вас, чтобы найти его. Это то, что мы заранее запланировали. Вас выбрали потому, что вы хорошо знали Алекса, и потому, что Алекс считал, что вы будете..., податливым.

- Податливым, - с горечью повторил я. - Вы имели в виду послушным. И в придачу легковверным.

- Это симпатичное качество, Хоб, - заметила Нивес. - Не теряйте его.

- Что еще вы знаете?

- Вы должны стать свидетелем смерти Алекса. И тогда под принятым после "смерти" именем он начнет новую жизнь со мной в Парагвае. Но, конечно, оставалась одна часть плана одно совсем не безопасное дело. Дело, которое так и осталось висеть в воздухе.

- Ракель? - спросил я.

- Да, правильно. Ракель. Вот об этом я не хотела думать. Но в конце концов пришлось. И я поняла, хотя, надеюсь, не права, что единственный способ для Алекса реально быть в безопасности - смерть Ракель.

Да, конечно. И, видимо, Нивес не знает всего. Ракель планирует разделить с Алексом не только деньги, но и его жизнь. Она любит его и не собирается молча проглотить отрицательный ответ. Он должен быть ее или Нивес.

Если он уедет с Нивес, если он бросит Ракель, то можно рассчитывать на взрыв. И пока у Ракель хватит сил, пар будет выходить очень долго и очень громко.

Где теперь Ракель?

Я позвонил в отель. Ее номер не отвечал. Это ничего не доказывало, но у меня мелькнула мысль - я знаю, что случилось. Когда Ракель узнала о смерти Алекса, это стало для нее сигналом встретиться с ним. О встрече они договорились заранее, и она думала, что теперь они вместе исчезнут со сцены.

Для Алекса это был шанс убить ее.

Если бы я только знал, где назначена встреча.

- Алекс что-нибудь говорил, где он будет после всего? - Я обернулся к Нивес.

- Нет. Он только сказал, чтобы я ждала его в Асунсьоне. Но я не могла. Я имею в виду, что грабеж - это одно, но я не смогла бы вынести, если бы он и вправду убил эту несчастную женщину.

Я поднялся, стараясь почти физически стряхнуть с себя убийственную депрессию, которая навалилась на меня после того, как я видел "смерть" Алекса.

- Пошли.

- Куда мы теперь?

- Искать Алекса, - ответил я.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

51. РЕАНИМИРОВАННЫЙ АЛЕКС

Я решил, что единственная надежда для нас - это Клови. Больше никого я не мог представить ни в Париже, ни в любом другом городе, кто мог бы знать, где Алекс собирался встретиться с Ракель. Если мы допускаем, что Алекс еще жив. А в тот момент мне пришлось это допустить.

Я окликнул такси и объяснил водителю, что мы сделаем несколько остановок. Водитель пожаловался, что на этом он теряет плату за проезд, тогда Нивес сунула

ему тысячефранковую купюру. В ней есть класс, в этой Нивес. Конечно, тут помогает и то, что она богата.

- В "Де Маго" Клови не оказалось. Мы проверили кафе "Флор" и пивную "Липп", пока еще ехали по бульвару Сен-Жермен. Следующая остановка "Дом" на Монпарнасе. Здесь Нивес взяла дело в свои руки. Управляющий превзошел себя в любезности. Он был безутешен из-за того, что пришлось сказать Нивес, что мсье Клови сидел здесь всего полчаса назад и ушел, не обмолвившись и словом, увы, куда он направляется дальше.

- Как досадно, - пробормотала Нивес, задумчиво постукивая по зубам сложенной бумажкой в тысячу франков. - Мне и правда очень важно найти его сегодня вечером.

Глаза управляющего бегали от купюры к шикарной особе, от денег к женщине, от Молоха к мадонне, назовите это как вам угодно. Алчность недолго боролась с осторожностью, которая в конце концов потерпела полное поражение.

- Я предполагаю, - неуверенно начал управляющий, - вы могли бы попытаться найти мсье Клови дома.

- И где это может находиться? - ласково промурлыкала Нивес.

Управляющий проявил верх любезности и написал на бумажке адрес, а она проявила верх щедрости и сунула ему тысячу франков. Затем мы опять сели в такси и назвали адрес: набережная Д'Орсе на берегу Сены.

Клови жил в большом старом многоквартирном доме с черными коваными железными решетками на окнах и коваными железными воротами, которые стояли, как опускающаяся решетка крепости, между улицей и парадным входом. Я нажал кнопку переговорного устройства.

Клови в вышитом красном шелковом халате сам открыл дверь. С проигрывателя звучало что-то приятное, но незнакомое мне. Позже я посмотрел на пластинку и прочел: "Камилл Сен-Санс, Первая симфония".

- Клови, - начал я, - мне ужасно неприятно беспокоить вас, но мы приехали по делу о жизни и смерти. - Мелодраматично, но, по-моему, очень точно.

- Тогда, я полагаю, вы должны войти, - довольно грубо, как мне показалось, предложил Клови. Но лицо его просветлело и он превратился в само очарование, когда разглядел Нивес.

- Надеюсь, мадемуазель, вы еще некоторое время останетесь в Париже, - обратился он к ней. - Вы прекрасно подходите для моей следующей картины. Вы когда-нибудь играли? Это не имеет значения. Моя теория актерской..

Нивес не собиралась подхватывать игру Клови.

- Наверно, мы сможем обсудить это в другое время, - проворковала она с еще более ослепительной улыбкой, чем обычно. - Сейчас у нас неотложное дело.

- Ах да, знаменитое дело о жизни и смерти. Но сначала могу ли я предложить вам обоим по стакану вина? Немного ледяного "Антреша" 84-го года? И у меня также есть очень приличная маленькая...

- Клови, нам надо немедленно найти Алекса. - Нельзя позволять ему вести бесконечный винный монолог.

- Но, Об, вы сами видели его мертвым! - Совершенно обескураженный, он вытаращил на меня глаза.

- Я видел то, что должен был видеть. Но вы знаете, и я знаю, что Алекс не умер. Вы помогли ему в этом?

- Не понимаю, о чем вы говорите, - ледяным тоном произнес Клови - И кто эта молодая леди?

- Это невеста Алекса, - объяснил я. - Она из Парагвая. Ведь вы знаете о ней, Клови?

- Вы Нивес? - Он изучающе смотрел на нее.

- Нивес де Санчес и Иссасага, - произнесла она. Голос твердый и ясный, спина прямая, плечи квадратные, все точно так как учили ее в школе предварительного покорения. - Как вы, наверно, знаете, после поддельной смерти Алекс хотел встретиться со мной в Парагвае.

- Ладно, - сказал Клови. - Садитесь. Поговорим.

Он повел нас в элегантную маленькую гостиную, полную бутылок, сделанных в кустарных мастерских, всевозможных безделушек и мягкой мебели с позолоченными ножками, которая стоила, должно быть, состояния, но выглядела ужасно неудобной.

- Узнаю вас по фотографии, - сообщил Клови Нивес. - Алекс показывал мне ту, которая сделана в Вашингтоне. Я так рад встретиться с вами. Да, Алекс обсуждал со мной свой план. Я нашел его весьма романтичным. И одновременно в нем есть политическое звучание. Я аплодирую искусству Алекса: он сумел отнять деньги у злых плутократов из Вашингтона. И я аплодирую его решению начать новую жизнь, помогая в Африке бедным. Это благородный жест. Я сам хотел бы его сделать. Но, увы, каждый владеет в искусстве чем-то одним. Несмотря на пример Рембо <Артюр Рембо (1854 - 1891) - французский поэт, в девятнадцать лет отказался от литературной жизни, уехал в Африку и занялся торговлей в пустынях.>.

- В Африке? - удивился я. - Вы сказали в Африке? И что, по-вашему, Алекс будет там делать?

- Он подробно описал мне свою мечту, - проникновенно улыбнулся Клови. - Он намерен принять свою новую личность, взять деньги и основать в Африке клинику. Место для бедных, больных, бездомных. Он хочет взять за образец личность доктора Альберта Швейцера <Альберт Швейцер (1875 - 1965) - теолог, миссионер,

врач, музыковед и органист, в 1913 году организовал госпиталь в Ламбарсие (Габон) Исходный принцип его мировоззрения - "преклонение перед жизнью".>. По-моему, это замечательная идея.

- Конечно, замечательная, - согласился я. - А он не говорил вам, какое место займет там Ракель? И Нивес?

- О, безусловно! Это самая лучшая часть. Вы все вместе туда едете и вместе работаете. И живете все вместе в тройном браке. По-моему, это очень мужественно с его стороны, так пренебречь буржуазной моралью.

- Значит, вы знаете, где теперь Алекс? - спросил я.

- Может быть, да, а может, нет, - ответил Клови, не раскрывая своих карт.

- Это и правда чрезвычайные обстоятельства, - настаивал я. - Пожалуйста, скажите нам, где он собирался встретиться с Ракель.

- Ах, вы даже об этом знаете? - удивился Клови с хитрым выражением на лисьем лице. - Тогда вы, видимо, понимаете, как необходима осторожность. Мадемуазель Нивес, не думайте слишком плохо о нем, если он уедет с Ракель и без вас. Семья втроем по сути своей очень нестабильна, конечно, в этом часть ее очарования, но она эфемерна.

- Вы все не правильно поняли, - вмешалась Нивес. - Алекс собирается на мне жениться. Поверьте, это не иллюзия с моей стороны.

- А как же тогда Ракель? - спросил Клови.

- Предполагалось, что Алекс где-то встретится с ней и расплатится, - начал я. - Так считает Ракель. Но, по-моему, у Алекса другие планы.

- На что вы намекаете?

- Мы думаем, или, вернее, боимся, - продолжал я, - что Алекс собирается убить ее.

- Как мне кажется, это едва ли вероятно, - возразил Клови, однако было заметно, что он задумался. Потом вскочил и начал расхаживать по комнате, рассеянно пробегая пальцами по позолоченной мебели. Наконец он повернулся к Нивес.

- Вы уверены, что он планирует жениться на вас? Нивес кивнула.

- Я помогала организовать его вылет из Франции. Клови опять задумался. И по лихорадочному движению его бровей можно было видеть, как в нем идет логическая борьба с преклонением перед героем. В конце концов он задал ключевой вопрос:

- Вы богаты, мисс Нивес? Она кивнула.

- Проклятие! - воскликнул Клови. - Тогда, видимо, это правда. Хотя я всегда аплодировал идеализму Алекса, у меня тоже возникали сомнения на этот счет. Слова чересчур легко слетали у него с языка. Да! Я обманывался.

- Где он? - спросил я.

Клови посмотрел на меня. Теперь он стал серьезным.

- Что он собирается делать, когда встретит Ракель, если не хочет взять ее с собой?

- Он планирует на долгое время избавиться от нее, - ответил я. - Сейчас он мертв, так что вполне может делать все что захочет. И он достаточно богат, чтобы проверить дело, не оставив следов. Все сойдет гладко. Ракель сейчас в пути У меня нет доказательств, но я хотел бы встретиться с Алексом раньше, чем Ракель. Поехали, Клови!

Он стоял в центре комнаты с видом человека, не способного принять решение. Потом он что-то надумал, обернулся и пролаял:

- Подождите. Я сейчас вернусь. - И тут же выскочил из комнаты.

- Что это могло бы означать? - обратилась ко мне Нивес.

Я пожал плечами. Это было представление. Я имею в виду, позирование.

Вскоре Клови вернулся в гостиную. Он сменил халат на грубовато выглядевший кожаный пиджак, надел солнечные очки янтарного цвета и натянул на набалдашник трости водительские перчатки.

- Пошли, - бросил он, направляясь к двери.

- Куда мы идем?

- Глупый вопрос, - сказала Нивес, потянув меня" выходу вслед за Клови.

52. КЛОВИ

- Эй, послушайте, разве в самом деле необходимо так быстро гнать? - спросил я.

Мы все трое втиснулись в отделанную орехом пилотскую кабину машины Клови. Реставрированная "Испано-Суиза" со старомодным мотором переходила от надрывного кашля к паническим завываниям и делала это так громко, что мне пришлось выкрикнуть свой вопрос. Нотка страха прозвучала в нем сильнее, чем я бы хотел. Клови не обратил внимания на мои слова, а Нивес вела себя так, будто наслаждалась всем происходившим. Я бы тоже наслаждался, если бы не уверенность, что через секунду мы въедем в автобус и нас разотрет в лепешку или мы снесем собственными головами витрину магазина.

В Париже была поздняя ночь, два часа, движения почти никакого, что делало наше положение еще хуже, потому что позволяло Клови прибавить скорость. Подумав, я вспомнил, что он, наверно, ждал всю жизнь такого честного, как перед Богом, настоящего чрезвычайного события. Но все равно, Клови мог бы подождать еще несколько минут и вести свою идиотскую спортивную машину на безопасной

скорости и не пугать, черт возьми, пассажиров, не страдающих, как он, склонностью к самоубийству.

Мы пронеслись по Елисейским Полям, будто танковый дивизион с реактивными двигателями, с диким скрежетом на двух колесах обогнули Триумфальную Арку, пулей пролетели по авеню Клебер. И каким-то чудом выскочили на кольцевую дорогу, никого не задавив.

Позади я слышал сирены полицейских машин. Мы их обогнали. Будь я проклят, если мы не обогнали радиоволны, на которых полицейские переговаривались друг с другом.

Затем мы оказались на шоссе номер 135 и покатали по прямой дороге под зыбкой тенью листьев между ровными рядами деревьев. За час мы оставили позади миль сто или больше.

- Куда мы едем? - удалось выдохнуть мне.

- Уже приехали! - крикнул Клови, сворачивая к вывеске "Аэровокзал Анненси".

Впереди мы увидели маленький аэродром, огороженный стальной сеткой, и сетчатые ворота, закрепленные цепью Клови, даже не сбросив скорости, въехал в них, и при свете одной фары мы подкатили к низкому зданию аэропорта рядом со взлетно-посадочной полосой.

Клови резко затормозил. Чуть пошатываясь, я вылез из машины вслед за Нивес.

- Что здесь происходит? - спросил я. - Где Алекс? Трое мужчин вышли из темного здания аэропорта. При выглянувшей на три четверти луне я сумел разглядеть, что они вооружены револьверами. Один из них Жан-Клод. Второй Найджел.

- Привет, ребята, - бодро бросил я, хотя особой бодрости не испытывал. - Не знаю, как вы догадались приехать сюда, но я, честно, рад вас видеть.

- Что будем с ними делать? - спросил у Клови Найджел.

Высокий и торжественный, Клови стоял в полутьме и стягивал перчатки.

- Они знали, - коротко бросил он. - И я подумал, лучше привезти их сюда.

- И ты, Клови, - сказал я.

- Я не обещал вам розовый сад, - пожал плечами Клови.

- Эй, эй, парни, давайте все проясним, - снова начал я. - Сделаем один гигантский шаг от края надвигающейся катастрофы, забудем об Алексе, пойдем куда-нибудь и пропустим пару бокалов. Для вас это о'кей?

- Возьми себя в руки, Хоб, - строго одернул меня Найджел. - Мы все сожалеем. Но разве ты не можешь хотя бы вести себя как мужчина?

Я вытаращил глаза. Найджел всегда был человеком со странностями, но это слишком даже для него. От Жан-Клода я мог ожидать любого предательства.

Привыкаешь ко всему, когда имеешь дело с американцами иностранного происхождения. Но Найджел? Найджел Уитон? Мой старый приятель Найджел?

- Допустим, ты здесь немного посидишь, пока мы разберемся что к чему, - предложил Найджел, жестикулируя револьвером.

Третий шагнул к свету. Высокий, светловолосый, застенчиво улыбающийся. Это был Алекс. У меня поехала крыша.

- Пошли вы все к черту! - заорал я. Если мне предстояло умереть за свой характер, то это означало бы, что я ушел как трус. Я закинул голову и издал вопль, который можно было услышать во всей Франции и даже, наверно, в части Испании. Но когда я начал вопить в полную силу, Клови ударил Меня по черепу железным ободом.

53. СТОН БАБОЧКИ

"Сказать по правде, с тобой могло бы получиться хуже. Ты мог не просто потерять сознание, ты мог умереть. А это не очень забавно, ты не находишь?" - так я рассуждал сам с собой. Вернее, одна часть моего разума предавалась рассуждениям, пока вторая часть плавала в ослепительном море света. Мне казалось, что я слышу накатывающие волны на берег, и это было странно. Париж стоит в глубине континента, а не на море. В тот момент, когда я обдумывал эту мысль, показалось несколько фигур, они словно выткались из тумана, и я приготовился к встрече с приятными видениями, или к галлюцинации, или называйте это, как хотите. И тут я почувствовал, как кто-то трясет меня. Грубо. Резко.

- Просыпайся, Хоб.

Какая-то адская ситуация, потому что я еще не знал, кто это. Я не знал, кто мне говорит "просыпайся", но я понимал, что этот кто-то вне меня чего-то от меня хочет. А я находился в одном из тех состояний, в какое впадаю, когда меня резко ударяют по черепу. Я будто бы всплывал и наполовину находился не здесь, и слух разыгрывал со мной странные шутки. Будто бы я плыл в туннеле и слышал пугающие голоса, которые искажались и менялись, отскакивая от стен.

Одно было ясно. Я не правильно оценил ситуацию. И не стоило особенно проклинать себя за это. Не моя вина, если люди лгут. Но вина или не вина, я попал в беду. И поскольку у меня не было плана, я решил, что пока лучше притвориться потерявшим сознание. Откровенно говоря, я бы предпочел зимнюю спячку, если бы знал, как в нее впасть. Весной всегда все кажется лучше, вы не согласны?

- Ну, старина, как ты себя чувствуешь? - немного спустя произнес знакомый голос.

Я узнал этот голос и открыл глаза. Возле меня на низком стуле сидел Алекс. В руках у него маленький пистолет. Он не нацелил его в меня, но в то же время и не отвернул в сторону

Я старался придумать, что бы сказать, и выдохнул лучшее, что пришло в голову:

- Привет, Алекс.

- Привет, старина, - с задумчивым выражением ответил Алекс. В его голосе я не услышал иронии. На нем был комбинезон из плотной хлопчатобумажной ткани и черная кожаная куртка, как у пилотов. Выглядел он очень мужественно. И еще солнцезащитные, отражающие свет очки. Это меня встревожило. Когда смотришь фильмы, то парни всегда надевают такие очки, если идут кого-то убивать.

Мы были в маленьком офисе, наверно, в здании аэропорта. Над головой флюоресцентный свет. До середины стены доходят светло-коричневые панели под дерево. Потолок кремовый. Под ногами серовато-зеленый линолеум. Несколько столов. Один пустой, на другом экземпляр газеты "Монд", полные пепельницы, телефон. Эти подробности не имеют значения, но я ухватился за них потому, что меня немного беспокоило: а вдруг это последнее, что я вижу? И когда дьявол спросит: "Как выглядела комната, в которой тебя убили?", мне хотелось бы быть способным дать ему приличный ответ.

- Знаешь, старина, - между тем говорил Алекс, - ты поставил меня в трудное положение. Почему тебе понадобилось заниматься расследованием?

- По-моему, из-за Ракель, - ответил я. - Разве я могу позволить тебе убить ее?

- Конечно, можешь, - возразил Алекс. - По-видимому, мне надо бы тебе объяснить. Но я был уверен, что ты понимал.

- Что понимал?

Алекс потер ладонью глаза и печально посмотрел на потолок.

- Невыносимая женщина, по-моему, ты сам понял. Она пришла в эту жизнь, чтобы многим людям, в том числе и себе, создавать какие только есть несчастья.

- Может, и так. Но это не оправдывает убийства.

- Нет, Хоб, вполне оправдывает.

- Алекс, не начинай снова.

- Хоб, мы много раз на Ибице обсуждали вопросы такого Рода. Но тогда ты был более независимым мыслителем. Жизнь в Америке словно размягчила твои мозги. Хоб, проснись, ты превратился в моралиста из телевизионной драмы.

- Алекс, мне все равно, что мы тогда говорили. Человек за жизнь наговаривает много чепухи. Но ты не можешь убивать людей только потому, что они невыносимые.

- О, понимаю, у тебя нет такой привычки, - вроде бы обрадовался Алекс. - Но если это происходит случайно, то не имеет большого значения. Правильно?

- Нет, не правильно, - возразил я.

- Ну конечно, не правильно. Однако давай оставим абстракцию Человеку дается только одна жизнь. Ты можешь представить жизнь человека, которого преследует Ракель?

- Где сейчас Ракель?

- В дороге, едет сюда.

- И ты собираешься ее убить?

Алекс покачал головой и спрятал в карман пистолет.

- Перестань болтать глупости, Хоб. Я убиваю людей только теоретически. Я собираюсь ее купить.

- Думаешь, она позволит? Ведь она любит тебя, Алекс.

- Совершенно верно, - согласился Алекс. - И она чертовски разозлится, узнав, как в реальности обстоят дела. Но, по-моему, она практичная особа. Миллион долларов мелкими купюрами облегчит ей долгую дорогу к хорошему самочувствию.

- Она не собиралась расстаться с тобой? - спросил я

- Нет, но это осталось в прошлом. Нынешняя ситуация такова: у нее в руках реальный миллион наличными, а это должно перевесить пять миллионов в здешней валюте.

- Ну, ты знаешь ее лучше, чем я.

- Она скоро появится. Не беспокойся, все будет нормально.

- Я видела огни со стороны города. - В комнату вошла Нивес. - Они приближаются. Думаешь, это она?

- Вероятно, - пробормотал Алекс.

Нивес выглядела великолепно Латиноамериканская красавица. Такой место на сцене.

- Я подумала, - начала Нивес, - наверно, я слишком мягко относилась к делу. Ты и правда, Алекс, считаешь, что она устроит неприятности? Может, тебе надо убить ее?

- Нивес! - воскликнул я.

Она не обратила на меня внимания.

- Я имею в виду, только если ты считаешь, что так будет лучше. Ты больше знаешь о таких делах, чем я.

- Не беспокойся, - заметил Алекс. - Я никогда не планировал убивать ее. Ты все придумала сама.

- И все равно, это совсем неплохая мысль, - задумчиво протянула Нивес.

В комнату вошли Клови, Найджел и Жан-Клод.

- Алекс, я хочу задать вам один вопрос, - начал Клови. - Все эти слова, какие вы говорили о миссионерской работе в Африке, - вы лгали мне?

- _ Вовсе нет, - запротестовал Алекс. - Я искренне верил сам. Это часть моей натуры. Альтруизм. Спросите любого, кто знает меня. Спросите Хоба, он знает меня по Ибице. Но другая часть моей натуры не позволяет мне быть альтруистом. Эта алчная часть заболевает, когда я, будто тупица, наблюдаю, как другие парни захватывают богатства. Когда телевизионные комментаторы несут свою обычную морализаторскую чепуху, алчная часть говорит: "Хе-хе-хе". - Он повернулся ко мне. - Это, Хоб, национальная игра в мораль. Мы, люди, составляющие огромную аудиторию телезрителей, говорим "Хе-хе-хе", когда год за годом комментаторы показывают нам драму, где воруют дорвавшиеся до власти. Мы Народ Слепцов. По-моему, комментаторы просто визжат от восторга, когда в политике разыгрывается скандал. Такая штука, как "Ирангейт", должно быть, многим сделала состояние. Так вот, на этот раз я не хочу быть одним из зрителей, я хочу быть одним из берущих. Каждый выбирает свой путь. Это американский путь. Я хочу забрать деньги и девушку, поехать в Южную Америку и жить как принц мафии.

- Но больница! - воскликнул Клови. - Что будет с больницей?

- Всему свое время, старина, всему свое время.

- Но не сейчас?

- Правильно. Пока еще не до Африки. Я слышал, сейчас там жаркий сезон.

- Вы отправляетесь в Парагвай с этой женщиной, чтобы вести роскошную жизнь капиталистического бездельника?

- Правильно, Клови. По-моему, это верное обобщение. Пожалуй, я лгал вам. Но с хорошими намерениями.

- Самообслуживание! - фыркнул Клови.

- Вы знаете что-то лучшее? - усмехнулся Алекс.

- Нет, - сказал Клови. - Я не могу позволить, чтобы все так кончилось.

- А как вы хотите, чтобы кончилось? - спросил Алекс.

- По-моему, вы должны дать мне миллион тех долларов, которые вы украли, а я передам их в благотворительную организацию для африканских детей.

- Кстати, - вступил Найджел, - пока ты еще здесь миллион для меня и для Жан-Клода тоже не будет ошибкой.

- А ты что хочешь, Хоб? - обернулся ко мне Алекс.

- Я бы хотел вернуть некоторые свои мечты, - ответил я.

- Как ты думаешь, дорогая? - Алекс посмотрел на Нивес.

- Дай им всем половину, - решительно заявила Нивес, - и пусть они сами разделят. Таким образом мы расстанемся с ними друзьями, и у нас еще будет пять миллионов. Но что бы ты ни решил, делай быстро, дорогой. Парагвайский "Боинг-707", пилотируемый Качем и Армадилло, приземлится с минуты на минуту.

- "Боинг-707"? - нахмурился Алекс. - Но ты же знаешь, я хотел истребитель.

- Я старалась угодить тебе, любовь моя, но у них нет истребителя на такое расстояние. Мы не сможем заправиться топливом раньше Тенерифа.

- Ты все прекрасно устроила, - согласился Алекс. - Как тебе удалось разрешить вопрос с французским воздушным пространством?

- Это совсем нетрудно, - пояснила Нивес. - Наш полет зарегистрирован как возвращение домой официального парагвайского наблюдателя за недавними маневрами НАТО.

Издали донесся звук мотора самолета. И тут дверь с размаха распахнулась, в комнату ворвалась Ракель.

- Привет, Ракель, - улыбнулся Алекс. - Рад, что ты правильно установила связи. У нас с тобой есть дело, которым надо заняться.

- Кто эта Барби в черном варианте? - Ракель посмотрела на Нивес.

- Это Нивес, - ответил Алекс.

- Ах вот оно что, вот оно что? - Ракель окинула взглядом Нивес с ног до головы. - Алекс, ты пытаешься мне сказать то, что я думаю?

- Боюсь, что так, - подтвердил Алекс. - Прости, но по-другому не получается. Послушай, Ракель, у меня здесь для тебя миллион долларов. - Он полез во внутренний карман куртки.

- И у меня для тебя тоже кое-что есть, - сказала Ракель, открыла сумку и выстрелила в Алекса. Мне показалось, что звук похож на пистолет 38-го калибра. Потом она обернулась и всадила пулю в Уитона.

54. МЕКСИКАНЦЫ

Мне удалось выбить пистолет из руки Ракель, она повернулась и выбежала в дверь. Клови с потрясенным видом последовал за ней. Алекс, раненый, но не потерявший уверенности стоял, держась за плечо, из которого несильно текла

кровь. Найджел снял рубашку и обнаружил на боку царапину. Леди с маленьким пистолетом не отличалась точностью.

Затем вошли эти парни. Их было двое, маленькие мрачные парни с усами, как у бандитов, с широкой грудью и автоматами. Они походили на мексиканцев и правда оказались мексиканцами. Их появление выглядело в некотором роде забавно. Они будто выплыли из дымовой завесы, неизбежно наполнившей комнату после выстрелов. Помню, я сказал: "Черт возьми, услышали шум в другой стране". И заметил, что Алекс, Найджел и Жан-Клод тоже вроде как поплыли к боковой двери, когда эти парни вошли с противоположной стороны. Таким образом я остался между ними посередине, единственный безоружный. Ничего хорошего пребывания в центре мне не сулило.

- Чего я хочу? - заявил один из мексиканцев. - Я хочу только виндсерферы. Они моя собственность. Вы говорите там, где они, и никаких неприятностей. Поняли?

- Они у Хоба, - немедленно ответил Алекс. Ты что! - воскликнул я.

- Минутку, - начал мексиканец, но Алекс и другие, с оружием на изготовку, спиной продвигались к боковой двери.

- Одну минуту, - повторил мексиканец.

- Простите, мы опаздываем, - сказал Алекс. Положение, которое вы, наверно, назвали бы настоящей Мексиканской демонстрацией силы. Но огонь никто не открывал. Алекс, Найджел и Жан-Клод просочились в дверь и скрылись из вида. Остались только я и мексиканцы, которым не понравился поворот событий, но они ничего не могли изменить.

- Кто вы, ребята? - спросил я, прерывая довольно тяжелое молчание, наступившее после ухода троицы.

- Я Пако, - ответил тот, который и до сих пор вел переговоры. - Он Эдуарде. А вы должны быть Хоб Дракониан.

Я сообразил, что, конечно, "должен быть", но в данный момент это мне не доставляло удовольствия.

- Мы партнеры вашего друга Фрэнки Фолкона, - пояснил Пако.

- Я не знал, что у Фрэнки есть партнеры.

- Молчаливые партнеры, - продолжал Пако. - Мы вложили деньги в его бизнес. Это, парень, много денег.

- Так вы партнеры, - вроде как согласился я. - А что вы здесь делаете?

- Ищем наши инвестиции.

- Вы прилетели во Францию и теперь угрожаете мне оружием из-за пяти досок для виндсерфинга?

- Какой к черту виндсерфинг! - явно рассердился Пако. - Мы интересуемся содержимым, вот что нам надо.

- Разве они сделаны не из полиуретана? - удивился я.

- Парень, я должен говорить это громко? Внутри этих досок мы кладем наш товар.

- Наркотик? - Я вытаращил на него глаза. - Вы имеете в виду марихуану?

- Он думает, мы говорим "сигареты с марихуаной"! - Пако посмотрел на Эдуарде и засмеялся. - Мы обсуждаем, парень, черную героиновую смолу. Настоящий мексиканский продукт. Тончайший героин в мире.

Внезапно у меня в голове все сложилось в цельную картину: черная героиновая смола из затонувшего танкера, идущего в Орегон, будто нефть разливается по побережью. Яростное желание мексиканских банд распространить свой продукт по роскошным кафе европейского общества. Позже я узнал, что для них стало навязчивой идеей, вопросом статуса продавать свой героин под носом у наркобаронов Марселя и победить конкурентов. Они считали, что хотя французский героин и вполне ничего, но он старомоден, а мексиканский - продукт новый он лучше и самое главное - он мексиканский. Странно: национальная гордость при торговле таким товаром. Но с другой стороны, мне кажется правильным и вполне естественным, что не только воры в военных мундирах, но и торговцы наркотиками могут быть патриотами.

- И как вы видите, сеньор, - продолжал Пако, - для нас важно получить свой груз. Деньги, конечно, тоже важно. Но мы хотим ввести наш продукт в международное героиновое соревнование, которое в этом году будет в Сан-Себастьяне.

С летного поля донесся звук самолета, заходящего на посадку. Он отвезет Алекса в Парагвай. Это интересно, но не имеет значения. В данный момент я в руках этих парней, и мне лучше бы думать о своих трудностях.

- Никогда не слышал об этом международном соревновании, - вытаращил я глаза.

- Конечно, о нем не печатают в газетах, - улыбнулся Пако. - Если вы не слышали о нем, сеньор, то, наверно, потому, что вы не из нашего круга.

Гордое презрение, как у всех людей "его" круга, с которыми я долго имел дело. Да, мне нравился этот человек с автоматом и в рубашке-гуябера. Мне нравятся мужчины, которые гордятся своим товаром.

- Но сейчас, сеньор... - Он снова вернулся к делу, помахивая автоматом с беззаботной небрежностью, никуда не целясь. Отблески стали танцевали у меня перед глазами, и я увидел, не прозорливо, не слишком ясно, что попал в мир неприятностей. - Сейчас нам больше всего нужна от вас одно: местонахождение досок для виндсерфинга.

- Мой друг, - начал я, - если существует что-то, чего я страстно хочу, то только одного: сообщить вам местонахождение досок для виндсерфинга. Но, увы, кто-то их украл, и мы все горюем об этом.

- Вы не скажете? - спросил Пако голосом ярмарочного злодея, более злобным, чем само зло.

- Омбре! <Человек! (исп.)> - закричал я, чувствуя приближение развязки. - Я не могу вам сказать того, чего не знаю!

- Очень плохо, - пробормотал Пако, покачивая головой. - Боюсь, нам нужен для вас мексиканский болезненный предмет.

- Не надо мексиканский болезненный предмет! - закричал я.

- Надо мексиканский болезненный предмет. Эдуардо, принеси колющие ножницы и воздушный компрессор из багажника машины.

- Острый инструмент тебе тоже нужен? - спросил Эдуарде.

- Да, принеси острый инструмент тоже!

Они оба самодовольно усмехнулись, будто мексиканский болезненный предмет был чем-то очень комичным. Конечно, если за его действием наблюдать, а не испытывать на себе. И у меня возникло сильнейшее желание быть зрителем, хотя я вынужден был стать участником... Смятение охватило меня, и в этот момент я услышал собственные слова:

- Ладно, ваша взяла. Мы можем отложить мексиканский болезненный предмет. Я поведу вас к виндсерферам.

- Ты это сделаешь и предашь собственных друзей?

- Конечно, раз это для хорошего дела вроде спасения собственной шкуры. А я верю, что именно это и делаю.

- Да, ты ведешь нас к виндсерферам, а мы позволяем тебе жить. - Презрительная усмешка явно отрицала искренность слов, а скривившиеся губы предвещали неминуемое предательство, если нам так повезет, что дойдет и до этого.

- У тебя есть пять секунд сказать нам, куда идти, - поторопил меня Пако.

Великолепно. Мало того, что они поставили передо мной неразрешимую задачу, так еще добавили и лимит времени.

55. УИТОН

Не знаю, как бы я вел себя под пытками. К счастью, мне так и не пришлось этого узнать. Дверной проем вдруг заполнила впечатляющая твидовая громада Уитона.

- Отпустите его, - насмешливо бросил Найджел. - Ему ничего не известно о виндсерферах.

- Откуда вы знаете, что ему неизвестно о виндсерферах? - спросил Пако.

- Потому что я сам их забрал.

Мексиканцы искали возможность сделать с Найджелом нечто ужасное, но он встал за шкаф с картотекой. К тому же они заметили, что он вооружен легкой быстрострельной "коброй би стинг", новым индонезийским оружием, которое в прошлом году израильтяне показали на Бейрутской выставке зверств. В другой руке Найджел держал гранату с нервно-паралитическим газом, предназначенную для того, чтобы сосредоточить ваше внимание на небольшой утрате, всего лишь на потере зрения. Правда, только в том случае, если вы не успели вовремя закрыть глаза, когда она начала действовать.

- Сержант, - распорядился Уитон, обернувшись к мужчине в униформе, чья кепи французского полицейского смутно виднелась за его спиной, - уведите этих людей.

Появление сержанта сопровождалось еще четырьмя французскими полицейскими в форме и с автоматами "узи". Двое других полицейских выбили окна и вошли, выставив вперед автоматические пистолеты. Мексиканцы были обезоружены. Пришла пора бросить автоматы и положиться на адвокатов. Они не сопротивлялись, когда на них надели наручники и увели.

Потом, стряхивая капли дождя со светло-голубого плаща, в комнату вошел Фошон.

- Привет, босс, - обратился к нему Уитон.

- Хорошая работа, Найджел, - похвалил Фошон.

Так я получил первый намек, что мой старый друг, Найджел Уитон, работает в полиции.

- Полицейский информатор! - воскликнул я, окидывая его соответствующим гневным взглядом

- Да, старина, - подтвердил Найджел. - Я работаю в полиции уже несколько лет. С тех пор, как инспектор Фошон помог мне выбраться из беды, в которую ты втянул меня в Турции.

Я пропустил его слова мимо ушей.

- Как к тебе попали виндсерферы?

- Проще простого, - усмехнулся Найджел. - После нашей встречи в Гонфлере я не вернулся в Париж, а поехал в соседний город, Сен-Луп, и пропустил там в баре пару рюмок. Когда приземлился самолет Вико, я позвонил ему из бара отеля. Пока он выяснял, кто ему звонит, я нанял такси, чтобы забрать его сумки с виндсерферами. Для этого очень пригодились твои пять тысяч франков. Я оставил

сумки в камере хранения Сен-Лула, где они и ждут до сих пор, пока мы с удовольствием их заберем.

- Ты мог бы сказать мне об этом, - фыркнул я.

- И ты мог бы хоть словом намекнуть мне в Турции, пожал плечами Найджел. - Хотя я понимаю, вполне естественно отказаться от друзей, когда другого выхода нет.

Память перенесла меня к боли и пыткам в Стамбуле. Маленькая звуконепроницаемая комната позади таможни. Яросик, расслабляющий галстук и закатывающий рукава: "Нет смысла, Хоб, продолжать игру. Мы знаем, что товар движется. Где он? Скажите нам, или все упадет на вас".

56. ФОШОН ЗАКОНЧИЛ ДЕЛО

Жандарм ввел в комнату Ракель, крепко держа ее за локоть. Фошон отнюдь не дружественным тоном обратился к ней.

- Мадемуазель, - начал он, - по вашему собственному признанию, вы совершили нападение с намерением убить. Только тот факт, что вы пытались убить человека, которого мсье Дракониан, как он заявил под присягой, несколько дней назад видел мертвым, мешает мне предъявить вам обвинение в соответствии с французским уголовным законодательством. По-моему, вы не совсем уравновешенны, мисс Старр. Это нехорошо, и я прошу вас обратиться за советом к психиатру, когда вы вернетесь в вашу страну.

- Большое спасибо, - проговорила Ракель. Она выглядела маленькой и жалкой. Правая рука висела на перевязи. Ее ушибло отдачей. - Я просила Бога, чтобы мне удалось прикончить его. Но я его только ранила. И маленькая латиноамериканская шоколадка посадила его как ни в чем ни бывало в самолет. Вам не следует разрешать растратчикам вроде него летать в вашем национальном воздушном пространстве.

- Мы очень часто не разрешаем, - возразил Фошон. - В любом случае, ко мне это не имеет отношения. Это забота другого департамента. Полагаю, министерства финансов.

- Пошли вы все к черту, - буркнула Ракель.

- Хорошо, - продолжал Фошон. - По-моему, мы здесь видим счастливое завершение дела. Как вы, наверно, догадываетесь, Об, нас главным образом интересовала афера с виндсерферами. Мы знали, что в ход пущена такая схема. Но было трудно обнаружить, кто за ней стоит. Благодаря вам, хотя и косвенно, мы получили информацию. - Он обратился к Ракель:

- Вы решили финансовую сторону? Я спрашиваю только из любопытства.

- Как бы вы ни спрашивали, это не имеет значения, - вздохнула Ракель. - Я не получила ни пенни. Алекс как раз говорил, что полностью расплатится со мной, когда я выстрелила в него. Наверно, стоило бы подождать. Если бы только я направила дуло на несколько дюймов влево... Ну, если я вам больше не нужна, инспектор, я собираюсь в Рим.

- Вы вольны ехать, куда вам угодно.

- Хоб? - Ракель остановилась у двери. - Хотите поехать вместе? - спросила она.

Я посмотрел на ее твердый подбородок, сильную шею, праведные глаза. Симпатичная леди, но, как говорил Алекс, она само зло. И к тому же у меня были другие планы.

- Нет, спасибо, - ответил я. - Как-нибудь увидимся.

57. ВИНДСЕРФЕРЫ

- Не нужно плохо думать о майоре Уитоне, - сказал мне позже Фошон. - Все случилось очень быстро, виндсерферы возникли совершенно внезапно. Нас не интересовал Алекс. Мы все время следили за этими досками. Когда Уитон наткнулся на них в Гонфлере, он понял - надо что-то делать, чтобы они снова не исчезли.

- Почему он не позвонил жандармам и не арестовал Вико?

Фошон покачал головой.

- Мы хотели добраться до людей, которые стоят за ним. У Найджела родилась гениальная идея - украсть виндсерферы и заставить мексиканцев думать, что это сделали вы.

- Они контрабандой вывозили наркотики в этих досках? Правильно? До меня это не доходит. Я думал, героин незаконно ввозят в США, а не вывозят оттуда. Кстати, мой племянник имеет какое-то отношение к этому делу?

- Некоторые детали этой истории еще нуждаются в подтверждениях. Мы ждем их от Фолкона. Но мы предполагаем что замешан один из тех, кто работает вместе с ним на строительстве виндсерферов. Обычно люди считают, мол, контра банду наркотиков проводят большие банды в Майами, это крупные операции, и в них участвуют быстроходные суда самолеты. Нет, дело организовано гораздо сложнее. В нем на много больше граней. К примеру, распространение. Эта область заслуживает особого изучения. Вы представляете, насколько трудно доставить наркотик до конечного потребителя, до богатых людей? Особенно когда нужно обеспечить товаром множество мелких торговых точек, где просто продают прохладительные напитки во время крупных спортивных соревнований.

- Во время спортивных соревнований? Я слышал, что атлеты используют наркотики, неужели зрители тоже?

- Ох, Об, поверьте, зрители тоже. Теперь уже никто не едет на спортивное событие просто смотреть. Люди, когда приезжают туда, хотят получить все по высшему разряду. - Фошон принял дидактическую позу. А я устроился поудобнее, чтобы выслушать лекцию. - Наркотик стал частью всех спортивных событий. Знаете, его используют лучшие люди, не только какие-то оборванцы. Для многих величайшие соревнования года - это только повод собраться с друзьями и как следует нагрузиться наркотиком. Но откуда он попадает к ним? Никто, будучи в здравом уме, не отправится путешествовать, храня в кармане или в чемодане героин. Они покупают его там, куда приезжают. Но у кого они покупают? Позвольте рассказать, как это происходит. Допустим, заезд в Монте-Карло. Вы не имеете дело с уличными цыганами. Вы знаете что они агенты полиции. Кто может за них поручиться? Нет вы обращаетесь к тому, с кем уже имели дело раньше, кому доверяете. Вы покупаете наркотик у одного из участников соревнования. У такого, как Вико.

- Он хорошо известен, Вико?

- Да, определенно. Он разъезжает по всем соревнованиям, участвует во всех гонках. И уже многие годы ведет дело со своими друзьями. Когда Вико привозит свой груз, он может получить за него более десяти тысяч долларов. И это не только его интерес, но и денежных людей, стоящих за его спиной. В этом причина и его споров с братом. Энрике узнал, что Вико начал заниматься сомнительным бизнесом. И тогда он задержал плату за виндсерферы. Он хотел, чтобы у Вико начались неприятности, стараясь таким путем заставить его, пока не поздно, бросить опасный бизнес. Иначе или его поймают полиция, или убьет какой-нибудь преступник. Энрике решил, что самый лучший способ - пустить ваше агентство по следам Вико. Вселить в него страх. Он точно не знал, что вы собираетесь делать. Однако ваше участие должно было оказать на Вико влияние. По мнению Энрике, этого, вероятно, хватило бы, чтобы заставить Вико отказаться от сделки.

- Но этого не хватило?

- Энрике не правильно представлял положение. Он думал, Вико способен сам определять свои цели. Но он уже не был способен. Он глубоко увяз в отношениях с партнерами. Это два мексиканских бизнесмена с криминальными интересами, они проводили отпуск на Ибике и познакомились с Вико. Виндсерферы представлялись им идеальным средством не только для контрабанды, но и для распространения наркотиков по Европе. Доставить груз - это одно. Но включить его в товарооборот - огромные хлопоты.

Фошон собирался еще более углубиться в тему. Но я услышал уже достаточно. И постарался выбраться оттуда. Есть один человек, которого я должен был увидеть.

58. ПЕР-ЛАШЕЗ; В ОЖИДАНИИ СОЛНЦА

Я поехал на Пер-Лашез - последнее, что я сделал, пока было время до отправления самолета. Пер-Лашез - большое кладбище на востоке Парижа в районе, который называется Бельвиль. Я медленно прогуливался по аллеям среди прославленных мертвых.

Здесь очень много мертвых. Близко к миллиону, как говорят путеводители. И именно здесь мы видим некоторые из крупнейших в культуре имен. Мы видим Марселя Пруста и Эдит Пиаф. Здесь Модильяни и Оскар Уайльд. Мы видим Бальзака, и мы видим Бизе. Колетт и Коро. Мы даже видим здесь Абеляра и Элоизу и мысленно возвращаемся в прошлое <Марсель Пруст (1871 - 1922) - французский писатель, автор цикла романов "В поисках утраченного времени", его опыт раскрытия внутреннего мира через "поток сознания" оказал влияние на литературу XX века. Эдит Пиаф (настоящая фамилия Гасьон) (1915 - 1963) эстрадная певица. Амедео Модильяни (1884 - 1920) - итальянский художник. Оскар Уайльд (1854 - 1900) - английский писатель, близкий по духу французской поэзии символизма. Жорж Бизе (1838 - 1875) - французский композитор, автор опер "Кармен", "Искатели жемчуга" и других. Сидони Габриель Клаудин Колетт (1873 - 1954) - французская писательница. Камиль Коро (1796 - 1875) - французский художник. Абеляр и Элоиза - Вероятно, имеются в виду герои автобиографии французского философа и теолога Пьера Абеляра (1079 - 1142). В автобиографии описывается трагическая любовь Абеляра к Элоизе. Или это герои романа в письмах "Юлия, или Новая Элоиза" Жан-Жака Руссо (1712 - 1778), французского писателя и философа.>. Это великое время. Виктор Гюго сказал: "Быть похороненным на Пер-Лашез - все равно что иметь мебель из красного дерева".

Разумеется, он тоже здесь вместе со всей семьей.

Пер-Лашез - прекрасный символ того, чего может достигнуть иностранец в Париже. Мы видим здесь Эжена Ионеско, Айседору Дункан, Гертруду Стайн и Алису Б. Токлас <Эжен Ионеско (род. 1912) - французский драматург, один из зачинателей драмы абсурда. Айседора Дункан (1877 - 1927) - американская танцовщица, одна из основательниц школы танца модерн. Гертруда Стайн (1874 - 1946) - американская писательница, теоретик литературы. "Автобиография Алисы Б. Токлас" - её биографическое произведение.>.

Я кивнул им, мысленно, конечно. Но не их я пришел повидать. Тот, кто мне нужен, живет в блоке А, направо отсюда.

Привет, Джим. Леди и джентльмены, здесь лежит Джим Моррисон, поэт и певец определенной репутации, образец для подражания в дни моей молодости, который приехал в Париж с визитом и остался его постоянным обитателем.

Джим, говорю я, в первые минуты, вернувшись в Париж я подумал, мне надо проведать тебя и сказать, какое прекрасное место ты выбрал, чтобы умереть, если тебе уж так надо умереть и ты сам не возражаешь против этого. Но потом что-то

изменилось, и сейчас я пришел сказать, Джим, здесь и правда очень мило и, наверно, ты собираешься оставаться здесь столько, сколько возможно. Потому что теперь тебе никогда не позволят выбраться отсюда. Но это не правильно, Джим, ведь тебя не было намерения оставаться здесь, ты просто проходил мимо. Джим, возвращайся в Америку, там еще есть молодость и красота, талант и любовь. Конечно, там много всяких пакостей, но бывает и много хорошего. Как я хотел бы перенести тебя туда. Америка хорошее место, хотя прежде всего мне надо бы признать, что бит - музыку нашего поколения - трудно продолжить.

Почему я чувствую себя таким неприкаянным? Дело благополучно закончилось. Мне заплатили.

Потом я вспомнил, что забыл задать Джиму вопрос.

"Джим, если бы ты был на моем месте, что бы ты сделал?"

Но теперь уже слишком поздно. Мне все придется решать самому.

Я вышел на площадь Гамбетта и взял такси до аэропорта де Голля. И не оглянулся. Потом вошел в аэропорт и направился прямо к конторке "Трансуорлд Эрлайнс". Конец моей европейской мечты. Нью-Джерси, я возвращаюсь.

Нас соблазняет Париж нашей мечты. Мы, американцы, приезжаем сюда в поисках нашего прошлого, а если и не нашего, то хотя бы такого прошлого, с которым мы можем ассоциировать себя. Такого, про которое можем сказать: это мое, этот город, эта женщина, эта культура, эта цивилизация. Париж - родина изгнанников.

Увы, ведь мы не выбираем наши собственные архетипы. Они действуют внутри нас. Я говорил себе: лучше иметь Париж в сознании, чем под ногами. Лучше жить в Америке с памятью о Париже, чем в Париже с памятью об Америке. Прежняя грязная промышленная родина призывает нас вернуться, потому что, если быть точным, она не красивая, не древняя, не благословенная. Наша родина бросает нам вызов: вложить наши ценности там, где нуждаются в них, а не тратить наше время там, где они уже есть.

Я никогда не задумывался над подобными вещами, но каким-то образом знал, что это значит. До того как я уехал из Америки, я даже не подозревал, что существует американская цивилизация. И теперь я возвращался к ней.

Я стоял в очереди на регистрацию к конторке "Трансуорлд Эйрлайнс".

- Привет, старина, - обратился ко мне человек, стоявший впереди. - Вы похожи на американца. Откуда вы?

- Из Нью-Джерси, - услышал я свои слова.

- Шутите? Я тоже. А там откуда?

- Снаффс-Лендинг.

- Шутите! Я живу в Хобокене, можно сказать, соседняя дверь. Это делает нас почти что родственниками, разве нет?

Он был общительным, симпатичным человеком, мне не хотелось его обижать. Легкий костюм цвета электрик с темно-бордовым кантом на лацканах принадлежал к тому сорту одежды, которую в маленьких городах торговцы товарами для мужчин продают отпускникам, едущим в Европу, как якобы туристическую. Во мне что-то поднялось, и я буркнул:

- На самом деле мы вовсе не родственники. На самом деле я живу не в Нью-Джерси. Я живу в Париже.

- Тогда почему же вы летите в аэропорт "Кеннеди"? - Мои слова явно озадачили его.

- А я и не лечу, - пробормотал я, поворачиваясь к выходу. - Я пришел посмотреть, как улетаете вы. Всего хорошего

Он окинул меня недоумевающим взглядом, но улыбнулся и помахал рукой. Потом он пошел к самолету. Минуту спустя я тоже ушел и вернулся к Русу и Розмари, чтобы переночевать у них, пока найду себе комнату.

Вы ведь знаете, в этой авиакомпании можно сдать билет и получить назад деньги в любое время.

Еще до того, как я покинул аэропорт, я услышал, как объявляют мою фамилию. В службе гостеприимства лежала для меня телеграмма. Она пришла от Гарри Хэма с Ибицы. Он сообщал: "ИНТЕРЕСНОЕ РАЗВИТИЕ. ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО".

Передо мной совершенно ясно встала картина, как это сделать. Через Луи я мог заключить сделку с Дядей Сэмми, и тогда меня снимет с крючка международная финансовая инспекция. Я мог передать дом в Нью-Джерси Милар и пожелать счастья ей и Шелдону. Мне надо послать немного денег Кейт и детям, и у меня останется еще достаточно, чтобы основать детективное агентство "Альтернатива" здесь, в Париже, в мировой столице печеночного паштета, и это тебе не цыплячья печенка. Хватит?

<http://book.zehinli.info>